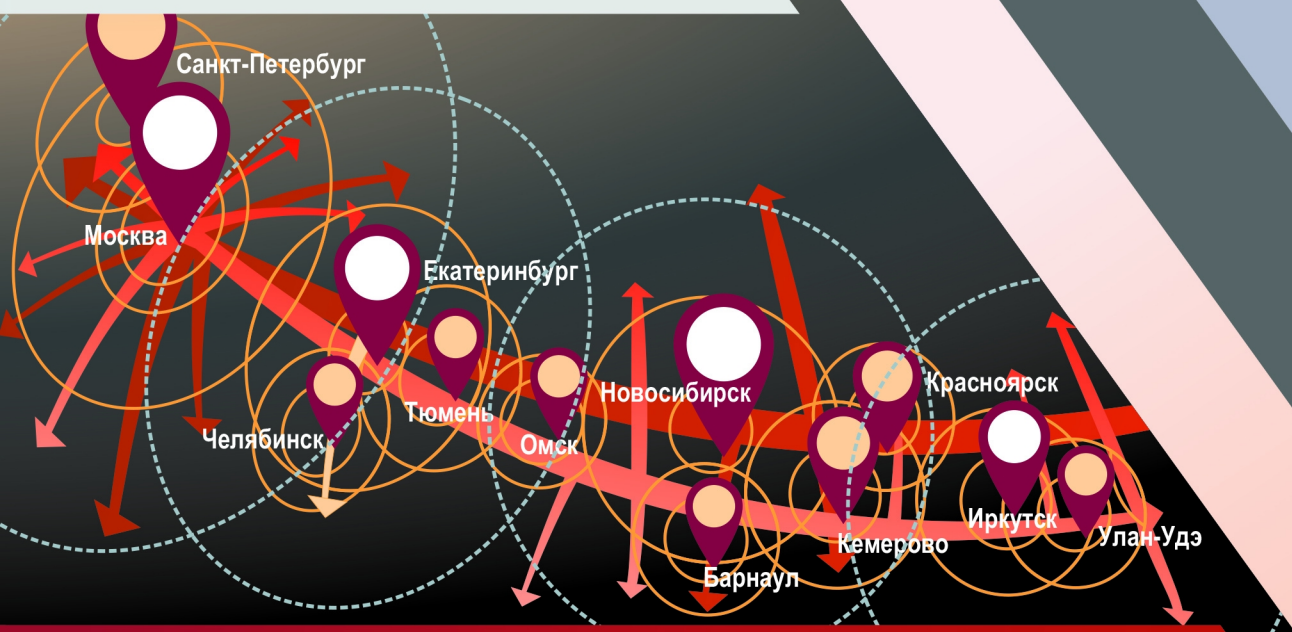

ISSN 2412-8945

РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

3 (37)
2024

TERRITORY DEVELOPMENT

Quarterly
scientific-practical journal

FOUNDED IN 2015

2024. № 3 (37)

EDITORIAL BOARD

Vladimir V. Glinskiy, Doctor of Economics, Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Leonid K. Bobrov, Doctor of Technical Sciences, Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Nikolay I. Krasnyakov, Doctor of Law, Associate Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Vladimir F. Minakov, Doctor of Technical Sciences, Professor (Russian Federation, St. Petersburg)

Lyudmila K. Serga, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

The point of view of the editorial board may not coincide with the point of view of the authors.

Link to the journal "Territory Development" is mandatory when materials are used.

© Siberian Institute of Management — branch of RANEPA

Founder
Federal State-funded Educational Institution
of Higher Education
"Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration"

"Territory Development" journal —
media partner of division
of the Russian Historical Society
(Novosibirsk)

Editor in chief
Leonid V. Savinov, Doctor of Political Science

Assistant Editor
Sergey M. Koba

Editorial office address:
Nizhegorodskaya street, 6,
Novosibirsk, 630102

Phone: +7 (383) 373-12-18
rasv_ter@siu.ranepa.ru

Editors:
V. V. Popova
N. V. Ivanova

Technical Editor *O. A. Gladunova*

SibAGS Publishing House.
Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102.

Release date 17.10.2024.
OCE print. Format 60x84 1/8.
Conventional printed sheet 10,23.
Publisher's signature 10,30.
Edition of 500 copies. Order 16.

The mass media registration certificate
III № ФС77-81592
dated August 6, 2021,
issued by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media
(Roskomnadzor).

Printed
on the printing facility
of the Siberian Institute of Management —
branch of RANEPA.
Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102.
Subscription price 180.

РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

Ежеквартальный
научно-практический журнал

ОСНОВАН В 2015 Г.

2024. № 3 (37)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Глинский Владимир Васильевич, доктор экономических наук, профессор (Россия, Новосибирск)

Бобров Леонид Куприянович, доктор технических наук, профессор (Россия, Новосибирск)

Красняков Николай Иванович, доктор юридических наук, доцент (Россия, Новосибирск)

Минаков Владимир Федорович, доктор технических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Серга Людмила Константиновна, кандидат экономических наук, доцент (Россия, Новосибирск)

Точка зрения редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов.

При использовании материалов журнала «Развитие территорий» ссылка на журнал обязательна.

© Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС

Учредитель
ФГБОУ ВО
«Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

Журнал «Развитие территорий» —
информационный партнер отделения
Российского исторического общества
в г. Новосибирске

Главный редактор
Леонид Вячеславович Савинов
доктор политических наук

Ответственный секретарь
Сергей Михайлович Коба

Адрес редакции:
630102, г. Новосибирск,
ул. Нижегородская, 6.

Тел. +7 (383) 373-12-18
rasv_ter@siu.ranepa.ru

Редакторы:
В. В. Попова
Н. В. Иванова

Технический редактор *О. А. Гладунова*

Издательство СибАГС.
630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6.

Дата выхода в свет 17.10.2024.
Печать ОСЕ. Формат 60x84 1/8.
Усл. п. л. 10,23. Уч.-изд. л. 10,30.
Тираж 500 экз. Заказ 16.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-81592
от 6 августа 2021 г.,
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор).

Отпечатано
на полиграфической базе
Сибирского института управления —
филиала РАНХиГС.
630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6.
Цена по подписке 180 руб.

EDITORIAL COUNCIL

Yuri I. Shokin, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Novosibirsk)

Valery A. Kryukov, Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Novosibirsk)

Vyacheslav I. Molodin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Novosibirsk)

Sergey M. Drobyshevsky, Doctor of Economics, Professor (Russian Federation, Moscow)

Ruben O. Agavelyan, Doctor of Psychology, Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Sergey V. Biryukov, Doctor of Political Sciences, Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Vladimir N. Borisov, Doctor of Economics, Professor (Russian Federation, Moscow)

Roman N. Borovskikh, Doctor of Law (Russian Federation, Tomsk)

Vladimir A. Volokh, Doctor of Political Sciences, Professor (Russian Federation, Moscow)

Anna I. Guseva, Doctor of Technical Sciences, Professor (Russian Federation, Moscow)

Paul Desendorf, PhD, University of West Carolina (USA, Kallouhy)

Vladimir Yu. Zorin, Doctor of Political Sciences, Professor (Russian Federation, Moscow)

Andrey S. Zuev, Doctor of Historical Sciences, Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Nikolay E. Kalenov, Doctor of Technical Sciences, Professor (Russian Federation, Moscow)

Dmitry V. Kim, Doctor of Law, Professor (Russian Federation, Omsk)

Irina V. Knyazeva, Doctor of Economics, Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Sergey V. Kodan, Doctor of Law, Professor (Russian Federation, Yekaterinburg)

Kremer Raimund, PhD (Germany, Potsdam)

Chimiza K.-O. Lamazhaa, Doctor of Philosophy, Professor (Russian Federation, Moscow)

Arbaban K. Magomedov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Russian Federation, Ulyanovsk)

Izabella P. Malinova, Doctor of Philosophy, Professor (Russian Federation, Yekaterinburg)

Lyudmila A. Mokretsova, Doctor of Pedagogy (Russian Federation, Professor, Biysk)

Alexander V. Novokreschenov, Doctor of Sociology, Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Roza A. Nurtazina, Doctor of Political Sciences, Professor (Kazakhstan, Nur-Sultan)

Tatyana V. Poplavskaya, Doctor of Philology, Professor (Belarus, Minsk)

Mikhail L. Pyatov, Doctor of Economics, Professor (Russian Federation, St. Petersburg)

Olga V. Simagina, Doctor of Economics, Associate Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Galina V. Timofeeva, Doctor of Economics, Professor (Russian Federation, Moscow)

Baktykan M. Torogeldieva, Doctor of Political Science, Professor (Kyrgyzstan, Bishkek)

Irbulat T. Utepbergenov, Doctor of Technical Sciences, Professor (Kazakhstan, Almaty)

Tatyana E. Fassenko, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Alexey V. Fedyakin, Doctor of Political Sciences, Professor (Russian Federation, Moscow)

Larisa L. Khoperskaya, Doctor of Political Sciences, Professor (Kyrgyzstan, Bishkek)

Sergey N. Chirun, Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Russian Federation, Kemerovo)

Cheng Runyu, PhD (China, Shanghai)

Vladimir I. Shishkin, Doctor of Historical Sciences, Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Шокин Юрий Иванович, доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук (Россия, Новосибирск)

Крюков Валерий Анатольевич, доктор экономических наук, профессор, академик Российской академии наук (Россия, Новосибирск)

Молодин Вячеслав Иванович, доктор исторических наук, профессор, академик Российской академии наук (Россия, Новосибирск)

Дробышевский Сергей Михайлович, доктор экономических наук, профессор (Россия, Москва)

Агавелян Рубен Оганесович, доктор психологических наук, профессор (Россия, Новосибирск)

Бирюков Сергей Владимирович, доктор политических наук, профессор (Россия, Новосибирск)

Борисов Владимир Николаевич, доктор экономических наук, профессор (Россия, Москва)

Боровских Роман Николаевич, доктор юридических наук (Россия, Томск)

Волох Владимир Александрович, доктор политических наук, профессор (Россия, Москва)

Гусева Анна Ивановна, доктор технических наук, профессор (Россия, Москва)

Зорин Владимир Юрьевич, доктор политических наук, профессор (Россия, Москва)

Зуев Андрей Сергеевич, доктор исторических наук, профессор (Россия, Новосибирск)

Каленов Николай Евгеньевич, доктор технических наук, профессор (Россия, Москва)

Ким Дмитрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)

Князева Ирина Владимировна, доктор экономических наук, профессор (Россия, Новосибирск)

Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Кремер Раймунд, PhD (Германия, Потсдам)

Ламажаа Чимиза Кудер-Ооловна, доктор философских наук, профессор (Россия, Москва)

Магомедов Арбахан Курбанович, доктор политических наук, доцент (Россия, Ульяновск)

Малинова Изабелла Павловна, доктор философских наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Мокрецова Людмила Алексеевна, доктор педагогических наук, профессор (Россия, Бийск)

Новокрещёнов Александр Васильевич, доктор социологических наук, профессор (Россия, Новосибирск)

Нуртазина Роза Ауталиповна, доктор политических наук, профессор (Казахстан, Нур-Султан)

Поплавская Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор (Беларусь, Минск)

Пятов Михаил Львович, доктор экономических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Симагина Ольга Владимировна, доктор экономических наук, доцент (Россия, Новосибирск)

Тимофеева Галина Владимировна, доктор экономических наук, профессор (Россия, Москва)

Торогельдиева Бактыкан Макишевна, доктор политических наук, профессор (Кыргызстан, Бишкек)

Утепбергенов Ирбулат Туремуратович, доктор технических наук, профессор (Казахстан, Алматы)

Фасенко Татьяна Евгеньевна, кандидат экономических наук, доцент (Россия, Новосибирск)

Федякин Алексей Владимирович, доктор политических наук, профессор (Россия, Москва)

Хопёрская Лариса Львовна, доктор политических наук, профессор (Кыргызстан, Бишкек)

Чирун Сергей Николаевич, доктор политических наук, доцент (Россия, Кемерово)

Ченг Жунью, PhD (Китай, Шанхай)

Шишкин Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор (Россия, Новосибирск)

CONTENTS

TERRITORY: FACTS, ASSESSMENTS, PROSPECTS.....	8
Popodko G.I. ROLE OF INTERREGIONAL INTEGRATION OF THE SOUTH SIBERIAN AND ANGARO-ENISEI MACROREGIONS IN THE ACCELERATED DEVELOPMENT OF SIBERIA	8
Kireenko A.P., Krasikova T.Yu., Slobodnyak I.A. IMPACT OF NATIONAL RESEARCH UNIVERSITIES ON THE DEVELOPMENT OF THE REGIONS OF THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT	17
Potasheva O.V., Moroshkina M.V. ASSESSMENT OF THE IMPACT OF THE REGIONAL UNIVERSITY ON THE DEVELOPMENT OF THE TERRITORY THROUGH THE FORMATION OF EDUCATIONAL POTENTIAL OF THE POPULATION	28
INFORMATION SYSTEMS AND PROCESSES	40
Kurenkov A.L. FUNCTIONAL ARCHITECTURE OF THE INFORMATION SYSTEM OF DIGITAL TRANSFORMATION MANAGEMENT AS AN OPERATIVE MANAGEMENT TOOL IN A PERMANENTLY CHANGING BUSINESS ENVIRONMENT	40
STATE AND CIVIL SOCIETY, IDEOLOGY AND POLITICS.....	51
Makeeva S.B. CHINA'S CURRENT EXPERIENCE IN IMPLEMENTING REGIONAL DEMOGRAPHIC POLICY IN THE NORTH-EASTERN JILIN PROVINCE	51
Stolbinskaya A.S. MAIN CHANNELS FOR RECRUITING YOUTH INTO THE POLITICAL ELITES OF MODERN RUSSIAN SOCIETY	60
ECONOMIC RESEARCH	65
Vasylenko D.V. THEORETICAL BASES OF ENSURING SOCIAL AND LABOR RELATIONS: BALANCE METHOD.....	65
Belov V.I. ENERGY BALANCE OF RUSSIAN REGIONS: PROBLEMS AND SOLUTIONS.....	72
AUTHOR AFFILIATIONS.....	80
INFORMATION FOR AUTHORS	82

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕРРИТОРИЯ: ФАКТЫ, ОЦЕНКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ	8
Поподько Г. И. РОЛЬ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЮЖНО-СИБИРСКОГО И АНГАРО-ЕНИСЕЙСКОГО МАКРОРЕГИОНОВ В УСКОРЕННОМ РАЗВИТИИ СИБИРИ	8
Киреенко А. П., Красикова Т. Ю., Слободняк И. А. ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ НА РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА	17
Поташева О. В., Морошкина М. В. ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА НА РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИИ ЧЕРЕЗ ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА НАСЕЛЕНИЯ	28
ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ И ПРОЦЕССЫ	40
Куренков А. Л. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИЕЙ КАК ИНСТРУМЕНТА ОПЕРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПЕРМАНЕНТНО ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ БИЗНЕС-СРЕДЫ	40
ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА	51
Макеева С. Б. СОВРЕМЕННЫЙ ОПЫТ КИТАЯ ПО РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ПРОВИНЦИИ ЦЗИЛИНЬ	51
Столбинская А. С. ОСНОВНЫЕ КАНАЛЫ РЕКРУТАЦИИ МОЛОДЕЖИ В ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	60
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	65
Василенко Д. В. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ: БАЛАНСОВЫЙ МЕТОД	65
Белов В. И. ЭНЕРГОСБАЛАНСИРОВАННОСТЬ РЕГИОНОВ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ	72
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	80
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	82

ТЕРРИТОРИЯ: ФАКТЫ, ОЦЕНКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

TERRITORY: FACTS, ASSESSMENTS, PROSPECTS

Развитие территорий. 2024. № 3. С. 08—16.
Territory Development. 2024;(3):08—16.

Территория: факты, оценки, перспективы

Научная статья
УДК 332.12
<https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-3-08-16>

РОЛЬ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЮЖНО-СИБИРСКОГО И АНГАРО-ЕНИСЕЙСКОГО МАКРОРЕГИОНОВ В УСКОРЕННОМ РАЗВИТИИ СИБИРИ

Галина Ивановна Поподько

Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация, pgi90@bk.ru

Аннотация. Ускоренное развитие восточных регионов является одной из приоритетных задач регионального управления. Это обусловлено значимой ролью Сибири как «кладовой» природных ресурсов и «центра» взаимосвязи Запада, Востока и Юга Евразии. Для совершенствования пространственного развития Сибири на территории Сибирского федерального округа сформированы Южно-Сибирский и Ангаро-Енисейский макрорегионы, призванные обеспечить ускоренное освоение ее территорий. В качестве механизма реализации намеченных целей предлагается межрегиональная интеграция макрорегионов, основными направлениями которой выступают межрегиональные производственные кластеры, совместные инвестиционные проекты, межрегиональные ассоциации. Новизной исследования является сравнение экономических потенциалов макрорегионов и обоснование инструментов регионального управления для их межрегиональной интеграции. Результаты исследования доказывают эффективность механизма межрегиональной интеграции на уровне макрорегионов.

Ключевые слова: межрегиональная интеграция, макрорегионы, производственные кластеры, инвестиционные проекты, межрегиональная ассоциация

Благодарности: статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, Проект 5.6.3.2. (0260-2021-0005) «Движущие силы и механизмы развития кооперационных и интеграционных процессов в экономике Сибири». № 121040100279-5.

Для цитирования: Поподько Г. И. Роль межрегиональной интеграции Южно-Сибирского и Ангаро-Енисейского макрорегионов в ускоренном развитии Сибири // Развитие территорий. 2024. № 3. С. 08—16. <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-3-08-16>

Territory: facts, assessments, prospects

Original article

ROLE OF INTERREGIONAL INTEGRATION OF THE SOUTH SIBIRIAN AND ANGARO-ENISEI MACROREGIONS IN THE ACCELERATED DEVELOPMENT OF SIBERIA

Galina I. Popodko

Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, pgi90@bk.ru

Abstract. Accelerated development of eastern regions is one of the priorities of regional management. It is due to the significant role of Siberia as a “storehouse” of natural resources and a “centre” interconnecting the West, the East and the South of Eurasia. In order to improve the spatial development of Siberia, the South Siberian and Angara-Yenisei macroregions have been formed in the Siberian Federal District to ensure accelerated development of its territories. Interregional integration of macroregions, the main directions of which are interregional production clusters, joint investment projects, interregional associations, is proposed as a mechanism enabling the realization of the goals set. The novelty of the study is the comparison of economic potentials of macroregions and the substantiation of regional management tools for their interregional integration. The results of the study prove the effectiveness of the mechanism of interregional integration at the level of macroregions.

© Поподько Г. И., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

Keywords: interregional integration, macroregions, production clusters, investment projects, interregional association

Acknowledgements: the article was prepared according to the plan of research and development of IE&IE SB RAS, Project 5.6.3.2. (0260-2021-0005) "Driving forces and mechanisms of development of cooperative and integration processes in the Siberian economy". № 121040100279-5.

For citation: Popodko G.I. Role of Interregional Integration of the South Siberian and Angaro-Enisei Macroregions in the Accelerated Development of Siberia. *Territory Development*. 2024;(3):08—16. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-3-08-16>

Введение

Совершенствование пространственного развития все чаще рассматривается как инструмент повышения конкурентоспособности региональной экономики, сокращения дифференциации уровня жизни населения, формирования положительного синергетического эффекта в развитии регионов. Определение понятия «пространственное развитие» дано в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года от 13 февраля 2019 г. № 207-р: пространственное развитие — это совершенствование системы расселения и территориальной организации экономики, в том числе за счет проведения эффективной государственной политики регионального развития.

Однако, несмотря на значимость и растущий интерес к данной теме со стороны научного сообщества и практиков регионального управления, до сих пор многие вопросы не решены. Одной из наиболее обсуждаемых тем является определение направлений совершенствования пространственного развития. Большинство авторов сходятся во мнении, что пространственное развитие формируется прежде всего за счет межрегионального взаимодействия. В настоящее время немалое количество работ посвящено определению самого понятия «межрегиональное взаимодействие (сотрудничество)», поиску форм и инструментов его осуществления, выявлению роли данных процессов в прогрессивном развитии страны и регионов. При этом авторы в своих исследованиях рассматривают межрегиональное взаимодействие как процессы, систему отношений, обмен ресурсами и пр. В большом количестве определений межрегионального взаимодействия нет единства, хотя была дана официальная формулировка этого понятия.

Так, Н. Н. Никитюк под межрегиональным взаимодействием понимает «сложную систему взаимосвязанных региональных и межрегиональных социально-экономических, промышленных, инновационных и иных процессов, предполагающих обмен ресурсами, товарами, услугами, капиталом, трудовыми ресурсами между регионами с разным уровнем развития и направленных на повышение общей конкурентоспособности экономики государства и содействие экономическому росту» [1, с. 4]. Автор отводит межрегиональному взаимодействию значимую роль в сбалансированном развитии регионов и страны в целом. По его мнению, данные процессы позволяют регионам обмениваться ресурсами, новыми технологиями и инновациями, расширять рынки сбыта, привлекать инвестиции, что будет способствовать повышению конкурентоспособности, развитию инфраструктуры и росту уровня жизни населения.

В качестве инструментов межрегионального взаимодействия Н. Н. Никитюк называет совместные проекты, программы; межрегиональные ассоциации, кластеры, организации; сеть взаимодействия; обмен информацией и программы трансграничного сотрудничества [1, с. 10—11].

Большое внимание проблеме пространственного развития уделено в работах Ю. В. Дубровской. По мнению автора, «под межрегиональным взаимодействием нами будет пониматься система отношений между экономическими субъектами, разделенными территориально, но участвующими в процессе производства совокупного валового продукта в рамках действующего законодательства» [2, с. 199]. Автором также указывается, что межрегиональное взаимодействие обеспечивает свободное перемещение производственных, инвестиционных и трудовых ресурсов. Межрегиональное сотрудничество позволяет укрепить культурные и деловые связи; оптимизировать размещение инфраструктуры на основе региональной кооперации; исключить излишние финансовые расходы, связанные с дублированием экономических структур в регионах и неоправданной межрегиональной конкуренцией; объединить ресурсы и потребности территорий для решения масштабных инвестиционных проектов; распространить эффективный опыт в области инновационного развития [2, с. 199—200].

Несколько иной подход к определению межрегионального взаимодействия предложен О. А. Бакуменко. Автор «под межрегиональным взаимодействием понимает комплекс обменов потоками ресурсов, осуществляемых в рамках соглашений между органами власти, юридическими и физическими лицами различных регионов, принятых де-юре или де-факто, с целью представления общих интересов в национальном и мировом экономическом пространстве и повышения уровня устойчивого развития данных регионов» [3, с. 120].

Анализ лишь некоторых определений межрегионального взаимодействия (сотрудничества) позволил сделать вывод о том, что авторы не в полной мере учитывали одно из важнейших условий реализации процессов пространственного развития, а именно — совершенствование территориальной организации экономики, которое может быть достигнуто не просто за счет межрегионального взаимодействия, а путем межрегиональной интеграции, которая обеспечит усиление межрегионального сотрудничества и координацию социально-экономического развития субъектов Российской Федерации (Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года от 13 февраля 2019 г. № 207-р).

Мы разделяем точку зрения Л. А. Беляевской-Плотник и Н. Ю. Сорокиной, которые определяют экономическую интеграцию регионов как «процесс конвергенции, взаимного сближения социально-экономических систем регионов, их экономической политики с целью получения положительных синергетических эффектов не только для интегрирующихся регионов, но и для всей страны в целом» [4, с. 40]. При этом авторы указывают на то, что «под конвергенцией понимается устойчивый во времени процесс сближения экономической структуры регионов, результатом которого является сокращение межрегиональных различий в экономических и социальных показателях» [4, с. 40].

В. А. Бородин и А. В. Ерохин указывают на то, что региональная интеграция является фактором повышения саморазвития территорий [5, с. 3].

Более того, по мнению А. М. Губина, мезоэкономическая (межрегиональная) интеграция регионов приводит к созданию новой вышестоящей системы и в конечном счете к слиянию их в единый интегрированный регион [6, с. 3760].

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что межрегиональная интеграция способствует объединению формально самостоятельных регионов в более крупные региональные экономические системы — макрорегионы, создание которых рассматривается как механизм совершенствования пространственного развития страны.

Содержание понятия «макрорегион» дано почти десять лет назад в Федеральном законе от 28 июня 2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», где макрорегионом называется часть территории Российской Федерации, включающая в себя территории двух и более субъектов Российской Федерации, социально-экономические условия в пределах которой требуют выделения отдельных направлений, приоритетов, целей и задач социально-экономического развития при разработке документов стратегического планирования.

Но до принятия Стратегии пространственного развития в 2019 г. макрорегионы не рассматривались как объекты стратегического управления, планирования и анализа. И в настоящее время в реальной практике регионального управления они не являются самостоятельными пространственными образованиями, призванными усилить межрегиональное сотрудничество и координацию социально-экономического развития входящих в их состав регионов. Цели и задачи, которые они должны решать, пока не реализованы. Это, на наш взгляд, является серьезным упущением, поскольку потенциал макрорегионов огромен.

Стоит согласиться с мнением О. В. Кузнецовой, которая считает, что макрорегионы способны нивелировать сложившиеся проблемы административно-территориального деления регионов (дробность, недостаток ресурсов для развития транспортной и социальной инфраструктуры, исторические причины отсталости развития регионов и пр.) [7]. Кроме того, как полагает

Я. С. Садов, преимущества объединения регионов заключаются в возможности укрупнения производства и снижения его издержек, расширенной диверсификации, повышении качества трудовых ресурсов, накоплении научного и инновационного потенциала, а также в росте уровня жизни населения и качества регионального управления [8].

Вместе с тем у процессов объединения регионов в более крупные территориальные образования (макрорегионы) есть противники. Так, С. С. Артоболевский, О. И. Вендина и другие авторы считают, что, во-первых, объединение только сильных регионов нецелесообразно; во-вторых, объединение экономически сильных и слабых регионов приведет к потере внимания федеральных властей к слабым регионам, и они «растворятся в материнском регионе»; в-третьих, объединение экономически слабых регионов приведет к их еще большему экономическому упадку [9].

Несмотря на разные оценки влияния укрупнения региональных экономических систем на экономические и социальные процессы, мы считаем, что межрегиональная интеграция как в рамках макрорегионов, так и между макрорегионами несет положительный синергетический эффект и может рассматриваться в качестве механизма социально-экономического развития регионов и страны в целом.

Ускоренное освоение Сибири как залог устойчивого развития страны

Обеспечение устойчивого развития экономики России невозможно без ускоренного освоения ее восточных территорий и прежде всего Сибири.

Значительное количество проведенных исследований учеными Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (В. А. Крюков, В. В. Кулешов, В. Е. Селиверстов, В. И. Суслов и др.) показывает высокую значимость и влияние этой территории на развитие страны в целом. Так, по утверждению В. В. Кулешова и В. Е. Селиверстова, Сибирь занимает центральное звено в треугольнике взаимодействий Запада, Востока и Юга Евразии, как макрорегион с уникальными природными ресурсами и с сильным научно-инновационным потенциалом. То есть Сибирь может нести функции важнейшего пространственного резерва России и «ядра» новой конфигурации евразийских экономических и научно-технических взаимодействий Российской Федерации [10, с. 1491].

Учеными доказано, что на протяжении многих лет ускорение или замедление темпов развития Сибири напрямую влияет на показатели социально-экономического развития Российской Федерации [11 ; 12].

Оставляя за рамками данной статьи дискуссию о границах Сибири, проанализируем проблемы и перспективные направления развития территории Сибирского федерального округа (СФО).

В настоящее время (по состоянию на 2022 г.) на территории СФО сосредоточены огромные за-

пасы минерально-сырьевых ресурсов. Так, запасы угля составляют 77,6 % общероссийских запасов, марганца — 62,4 %, меди — 40,7 %, свинца — 37,1 %, цинка — 15,6 %, молибдена — 21,25 %, золота — 36,8 %, платиноидов — 97,33 %, урана — 20,46 %, кадмия — 17,5 %, сульфата натрия — 99,0 %, мусковита листового — 81,3 %, магнетита — 84,2 %, брома — 77,56 %, кварцитов — 43,1 %, кварцевого песчаника — 62,3 %, барита — 69,8 %. На долю СФО приходится 8,76 % извлекаемых запасов нефти Российской Федерации (181 месторождение). В СФО учтено 90 месторождений свободного газа с извлекаемыми запасами свободного газа категорий А + В + С1, составляющими 6,72 % от запасов России [13].

При этом большая часть территории СФО слабо освоена, имеет низкую плотность населения и неразвитую транспортную инфраструктуру, что, безусловно, служит сдерживающим фактором в освоении данной территории.

Несмотря на важность развития Сибири, в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года данный макрорегион не включен в список приоритетных территорий, требующих особого государственного управления и финансирования. Для «исправления» ситуации в январе 2023 г. была принята Стратегия социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 года, в октябре 2023 г. утвержден план ее реализации.

Определенная поспешность, с которой была разработана и принята данная стратегия, привела к ряду неточностей и даже ошибочных утверждений. Существует немало публикаций, где критикуются основные ее положения. Так, по мнению академика В. А. Крюкова, в ней не учитываются новые реалии — жесточайшие внешне-экономические санкции и курс на технологический суверенитет; нет ни слова о человеческом капитале, качественном образовании, цифровых и в целом инновационных технологиях, тем более о науке. Нет ничего про точки роста этих отраслей и практик, про опорные города — ворота в современную экономику (во времени и пространстве) [14].

От себя добавим, что несмотря на принятую Стратегию пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, в указанном документе нет ни слова о макрорегионах, образованных в рамках Сибирского федерального округа.

В связи с этим целью нашего исследования является определение возможных направлений межрегиональной интеграции Южно-Сибирского и Ангаро-Енисейского макрорегионов для придания импульса ускоренного развития Сибири.

Новизной исследования является сравнение экономических потенциалов макрорегионов СФО и обоснование инструментов регионального управления для их межрегиональной интеграции с целью придания импульса ускоренного развития Сибири.

В исследовании использовались методы статистического и системного анализа, кластерный и проектный подходы, сценарный анализ.

Анализ экономического потенциала и социальных проблем развития Южно-Сибирского и Ангаро-Енисейского макрорегионов

В Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года от 13 февраля 2019 г. № 207-р Сибирский федеральный округ представлен двумя макрорегионами — Южно-Сибирским и Ангаро-Енисейским.

В состав Южно-Сибирского макрорегиона входит шесть субъектов Федерации Западной Сибири с численностью населения 10 588,4 тыс. человек. Ангаро-Енисейский макрорегион Восточной Сибири включает четыре субъекта Федерации с общей численностью населения 6 057,4 тыс. человек.

В указанные макрорегионы входят как экономически развитые (Новосибирская, Омская, Томская, Кемеровская области в Южно-Сибирском макрорегионе, Красноярский край и Иркутская область в Ангаро-Енисейском макрорегионе), так и депрессивные территории (Республика Алтай в Южно-Сибирском макрорегионе и Республика Тыва в Ангаро-Енисейском макрорегионе). Численность населения Южно-Сибирского макрорегиона в 1,7 раза больше численности населения Ангаро-Енисейского макрорегиона.

Оценка основных показателей экономического развития (в расчете на душу населения) показывает, что потенциал Ангаро-Енисейского макрорегиона значительно выше, чем потенциал Южно-Сибирского макрорегиона. Исключением является производство сельскохозяйственной продукции, где по абсолютным и относительным показателям Южно-Сибирский макрорегион занимает лидирующее положение (рис. 1).

Несмотря на отмеченное отличие в основных показателях экономического развития, сравнение объемов отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности макрорегионов показывает, что структура их производства очень схожа (см. рис. 1).

Так, в Южно-Сибирском макрорегионе основной объем производства продукции, выполненных работ, услуг приходится на обрабатывающие производства (52,6 %). Объем производства продукции, выполненных работ, услуг в секторе добычи полезных ископаемых составляет 36,8 %.

В Ангаро-Енисейском макрорегионе на долю обрабатывающих производств приходится 49,8 %, на добычу полезных ископаемых — 40,2 % объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами. Это говорит о том, что в Сибирском федеральном округе в равной мере развиты как обрабатывающие производства, так и добыча полезных ископаемых. Но при этом межрегиональное взаимодействие на уровне макрорегионов практически не развито.

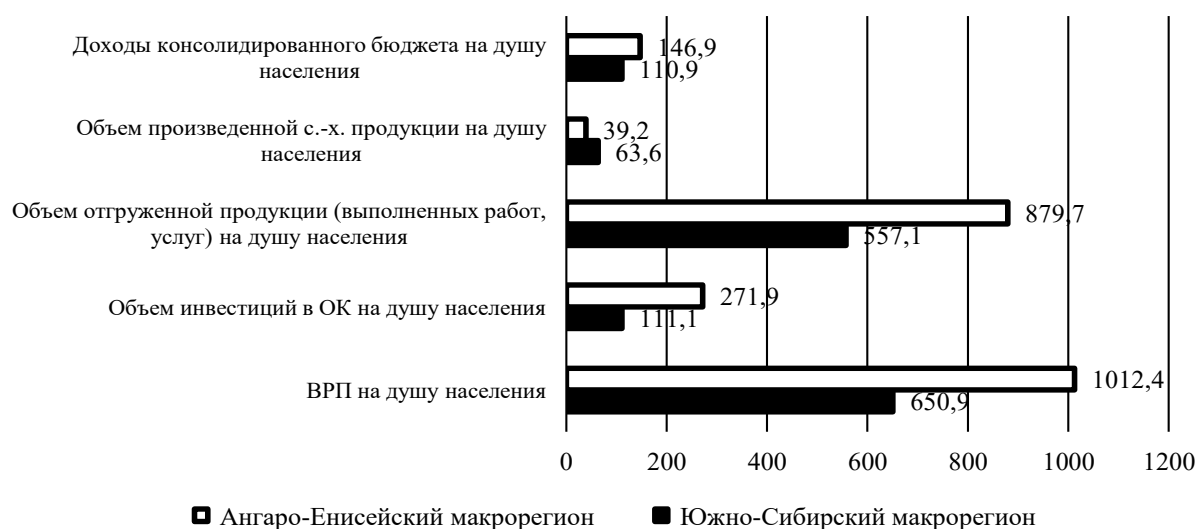

Рис. 1. Показатели оценки экономического потенциала Южно-Сибирского и Ангаро-Енисейского макрорегионов в расчете на душу населения, 2022 г., тыс. руб.

Indicators for assessing the economic potential of the South Siberian and Angara-Yenisei macroregions per capita, 2022, thousand rubles

Анализ социальных проблем развития макрорегионов СФО показывает их полную схожесть, наиболее существенной является бедность населения, проживающего на данных территориях. Основная причина сложившейся ситуации —

низкий уровень денежных доходов. Так, среднедушевой уровень денежных доходов населения СФО по сравнению со среднероссийским имеет более низкое значение (рис. 2).

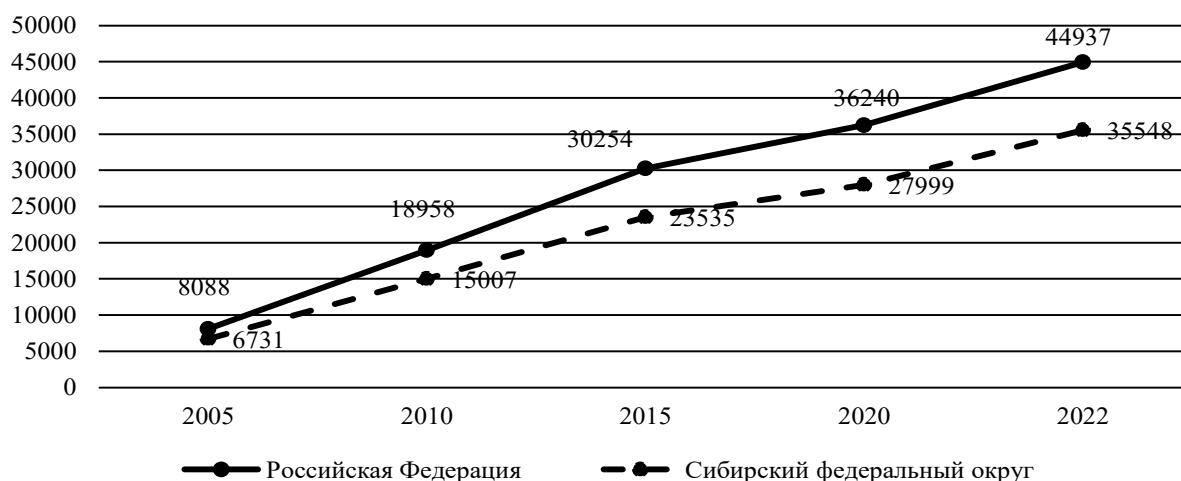

Рис. 2. Среднедушевые денежные доходы населения в месяц, руб.
The average per capita income of the population per month, RUB.

Сравнение уровня бедности населения по макрорегионам СФО указывает на еще большую противоречивость. В Ангаро-Енисейском макрорегионе численность населения с доходами ниже прожиточного минимума заметно выше, чем в Южно-Сибирском макрорегионе. И это несмотря на то, что показатели экономического развития Ангаро-Енисейского макрорегиона превышают аналогичные показатели Южно-Сибирского макрорегиона.

Особенно высока доля бедного населения в Республике Тыва. Так, несмотря почти на двукратное сокращение показателя бедности с 2005 по 2022 г., доля населения, проживающего за чертой бедности, составляет 27,2 % по состоянию на

2022 г. Даже в экономически развитых регионах Ангаро-Енисейского макрорегиона (Красноярский край и Иркутская область) доля населения с доходами ниже прожиточного минимума остается высокой и существенно уступает показателям доходности населения Южно-Сибирского макрорегиона.

В Южно-Сибирском макрорегионе наибольшая бедность населения отмечается в Республике Алтай. По состоянию на 2022 г. доля населения с доходами ниже прожиточного минимума в этой республике равняется 20 %. Более благоприятная ситуация с денежными доходами наблюдается у населения Новосибирской и Омской областей, а также в Кемеровской области — Кузбассе.

Низкий уровень денежных доходов населения, проживающего в Южно-Сибирском и Ангаро-Енисейском макрорегионах, является одной из причин сокращения численности населения.

Убыль населения в макрорегионах СФО происходит в основном из-за оттока населения за их пределы. Здесь также отмечается парадоксальная ситуация. Так, несмотря на более благоприятный климат и высокий уровень денежных доходов в регионах Западной Сибири (Южно-Сибирский макрорегион), численность населения за 2005—2022 гг. сократилась на 618, 2 тыс. человек, что в 4,4 раза больше, чем на территории Ангаро-Енисейского макрорегиона за этот же период. Наибольшее сокращение численности населения отмечается в Алтайском крае и Кемеровской области — Кузбассе (372,6 тыс. человек и 237,7 тыс. человек соответственно). Что же касается Ангаро-Енисейского макрорегиона, то наибольшее сокращение численности населения в 2005—2022 гг. произошло в Иркутской области (147,8 тыс. человек).

Как показывает анализ, уезжают в основном люди молодого возраста и специалисты высокой квалификации.

Отмеченные проблемы социального развития Южно-Сибирского и Ангаро-Енисейского макрорегионов являются сдерживающим фактором ускоренного развития Сибирского федерального округа и Сибири в целом. Промышленное освоение территории требует значительного роста численности населения, проживающего на постоянной основе. Это определяет необходимость разработки мер, обеспечивающих привлечение работников на территорию Сибири.

Одним из условий повышения привлекательности жизни на территории Южно-Сибирского и Ангаро-Енисейского макрорегионов можно назвать усиление межрегиональной интеграции макрорегионов в области развития высокотехнологичных производств, что позволит создать новые рабочие места, повысить уровень денежных доходов, придать ускоренный импульс развитию старых поселений и появлению новых городов, обеспечить развитие транспортной и логистической инфраструктуры.

Формы межрегиональной интеграции Южно-Сибирского и Ангаро-Енисейского макрорегионов

Создание межрегиональных кластеров

Одним из направлений устойчивого развития Сибирского федерального округа является реализация кластерного подхода. Как показывает анализ, из восьми кластеров, предложенных в Стратегии социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 года, на основе межрегиональной интеграции на уровне макрорегионов могут быть созданы шесть кластеров. Это касается следующих отраслей:

— лесопромышленного комплекса (кластер «Лес, лесопереработка и лесохимия»). В состав кластера могут войти предприятия Красноярского

края, Кемеровской области — Кузбасса, Иркутской, Новосибирской, Омской и Томской областей. Основной вклад в создание кластера должны внести уже существующие предприятия Красноярского края и Иркутской области. Кроме того, должны быть построены новые предприятия по производству готовой продукции с высокой добавленной стоимостью, созданы инновационные производства в лесопереработке и лесохимии;

— добычи и переработки цветных и редкоземельных металлов (кластер «Цветные и редкоземельные металлы»). Основные месторождения цветных и редкоземельных металлов находятся в Красноярском крае, Республике Тыва, Алтайском крае и Томской области. Наиболее крупные предприятия СФО по производству цветных металлов (кроме алюминия) расположены в Красноярском крае (ОАО «Красцветмет», ПАО «ГМК «Норильский никель» и др.). Для формирования кластера предполагается модернизация действующих горно-обогатительных комбинатов и строительство новых предприятий на основе использования экологически чистых технологий;

— нефте- и газодобывающей отрасли (кластер «Нефть и газ»). Регионы, входящие в состав Сибирского федерального округа, располагают значительными запасами углеводородного сырья (Красноярский край, Иркутская, Томская и Омская области). Значительные запасы нефти и газа разведаны на севере Красноярского края. Для их освоения реализуется проект «Восток-Ойл», который включает разработку месторождений Ванкорского кластера. Ресурсный потенциал этих месторождений составляет более 5 млрд т легкой малосернистой нефти. В рамках реализации проекта планируется строительство морского терминала «Порт бухта Север» и напорного нефтепровода [13]. Наряду с добычей нефти и газа в рамках кластера намечается развитие нефтехимии. Это касается как уже действующих предприятий в Томской, Омской и Иркутской областях, так и строительства новых предприятий;

— угольной промышленности (кластер «Уголь»). Значительные запасы угля, разведанные в Красноярском крае, Иркутской, Новосибирской, Омской областях, Кемеровской области — Кузбассе, Республике Тыва и Республике Хакасия, определяют реальные перспективы развития угольного кластера как в добыче и обогащении энергетических и коксующихся углей, так и развитии углехимии (направление, которое практически не развито). Создание кластера позволит не только расширить добычу на уже существующих угольных разрезах, но и освоить новые угольные месторождения на севере Красноярского края;

— сельского хозяйства и агропромышленного производства (кластер «Сельское хозяйство и пищевая промышленность»). Для создания кластера имеются все объективные предпосылки, обусловленные благоприятными природно-климатическими условиями для ведения сельского хозяйства, прежде всего в регионах Южно-Сибирского макрорегиона. Кроме того, на юге Красноярского

края и в Республике Хакасия (Минусинская котловина) созданы все условия для развития растениеводства, животноводства, выращивания плодовоовощных культур. Основными задачами, которые нужно решить при создании кластера, являются строительство предприятий по глубокой переработке сельскохозяйственной продукции и развитие экосистем контрактного производства. Это позволит улучшить самообеспеченность населения Сибири продовольствием и создаст продовольственную безопасность макрорегионов;

— туристической отрасли (кластер «Туризм»). Практически все регионы Сибирского федерального округа располагают возможностями для развития туризма российского и даже мирового уровня. В СФО может развиваться экологический, культурный, спортивный и медицинский туризм.

Реализация совместных инвестиционных проектов

Как показывает анализ инвестиционной деятельности на территории Сибирского федерального округа, крупные инвестиционные проекты реализуются в основном только в рамках макрорегионов. Так, большую известность получил мегапроект «Енисейская Сибирь», охватывающий территории Красноярского края, Республики Хакасия и Республики Тыва и включающий по состоянию на 2023 г. 43 крупных инвестиционных проекта. Большая их часть (25) реализуется на территории Красноярского края, а в Республике Хакасия и Республике Тыва реализуется по девять проектов [15].

Список совместных проектов, реализуемых на территории Южно-Сибирского и Ангаро-Енисейского макрорегионов, крайне ограничен. Так, в этот список включено строительство двух экотехнопарков — «Западная Сибирь» в ЗАТО Северск Томской области и экотехнопарк «Восток» такой же мощности в Иркутской области на промплощадке бывшего комбината «Усольехимпром», где идет ликвидация крупного очага химического загрязнения. Проекты планируется завершить к 2030 г. Объем инвестиций для их реализации составит 15 млрд руб. Еще одним совместным проектом является реконструкция участков автомобильной дороги Р-254 «Иртыш», строительство восточного обхода г. Новосибирска, обходов городов Барнаула, Рубцовска, Ачинска. Проект будет реализован на территории Новосибирской области, Алтайского края и Красноярского края. В соответствии с Планом реализации Стратегии социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 года, утвержденным распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 октября 2023 г. № 2846-р, объем инвестиций только первого этапа проекта составит более 12,6 млрд руб.

Реализация совместных инвестиционных проектов на территории макрорегионов является наиболее эффективным направлением ускоренного развития Сибири. Использование государ-

ственно-частного партнерства как механизма активизации инвестиционной деятельности позволяет в кратчайшие сроки реализовать проекты по созданию высокотехнологичных предприятий, повысить уровень доходов населения, обеспечить развитие социальной инфраструктуры и тем самым привлечь высококвалифицированных специалистов для проживания на постоянной основе.

Участие в межрегиональных ассоциациях

Для усиления межрегионального взаимодействия регионов Сибири еще в 1990 г. была создана Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Сибирское соглашение» (МАСС).

Создание Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» было своеобразным ответом на экономические и политические вызовы того времени [16].

Основными формами взаимодействия сибирских регионов в рамках Сибирского соглашения являются новые методы управления в меняющихся рыночных условиях; законодательные инициативы на региональном уровне; научная и технологическая политика; совместные социально-культурные программы и проекты; промышленная политика, транспорт и связь, недропользование, агропереработка, инвестиционная и внешне-экономическая деятельность, экология и др. [16]

Активное участие сибирских регионов в межрегиональной ассоциации не только обеспечивает координацию их деятельности в решении многих социально-экономических проблем, но и позволяет сформировать условия взаимовыгодного сотрудничества для устойчивого регионального развития за счет внутренних источников.

Заключение

Поиск путей освоения территории Сибири, обеспечение сбалансированного социально-экономического развития ее регионов является одной из приоритетных задач регионального управления. Для этого принято несколько стратегических документов, направленных на совершенствование пространственного развития страны в целом и отдельных ее территорий. Вместе с тем многие вопросы не решены. Одним из них является обеспечение межрегиональной интеграции на уровне сформированных макрорегионов. Недоиспользование в полной мере потенциала макрорегионов является ошибочным. Благодаря усилению их межрегионального взаимодействия могут быть решены такие задачи развития Сибири, как создание высокотехнологичных производств, строительство объектов транспортной и логистической инфраструктуры, улучшение условий жизни населения, реализация проектов по защите окружающей среды и многое другое. Для этого должны быть использованы следующие формы взаимодействия: кластерный подход, проектное управление, интеграция в рамках совместных межрегиональных ассоциаций и др.

Список источников

1. Никитюк Н. Н. Межрегиональное взаимодействие как инструмент достижения стратегических целей социально-экономического развития региона // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15, № 3. С. 4, 10—11. URL: <https://esj.today/PDF/12ECVN323.pdf> (дата обращения: 12.04.2024).
2. Дубровская Ю. В. Систематизация подходов к обоснованию роли межрегионального взаимодействия в развитии социально-экономических систем // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2018. № 4. С. 199—200.
3. Бакуменко О. А. Организационно-экономический механизм управления межрегиональным взаимодействием субъектов РФ (на примере Северо-Западного федерального округа) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11, № 3. С. 120. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.8
4. Беляевская-Плотник Л. А., Сорокина Н. Ю. Подходы к оценке уровня экономической интеграции регионов в системе национальной экономической безопасности // Экономические науки. 2017. № 151. С. 39—40.
5. Бородин В. А., Ерохин А. В. Региональная интеграция как фактор повышения потенциала саморазвития территории // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 47. С. 3.
6. Губин А. М. Экономическая интеграция региональных систем: состояние и перспективы развития в условиях трансформации мировых экономических связей // Креативная экономика. 2022. Т. 16, № 10. С. 3760. DOI: 10.18334/ce.16.10.116400
7. Кузнецова О. В. Межрегиональное сотрудничество в России: перспективы кооперации региональных властей // Региональные исследования. 2019. № 1. С. 16—25. DOI: 10.5922/1994-5280-2019-1-2
8. Садов Л. С. Модель качественной оценки вариантов объединения регионов // Регион: экономика и социология. 2015. № 1 (85). С. 39—54.
9. Объединение субъектов Российской Федерации: за и против / С. С. Артоболевский, О. И. Вендина, Е. Ш. Гонтмахер, Н. В. Зубаревич, А. В. Кынев. М. : Приор, 2010. 175 с.
10. Кулешиов В. В., Селиверстов В. Е. Регионы Сибири в новой геополитической и экономической ситуации и в трансформирующейся системе евразийских взаимодействий // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2023. № 16 (9). С. 1488—1496.
11. Сибирский вектор развития: в основе кооперация и взаимодействие / В. А. Крюков, Б. Л. Лавровский, В. Е. Селиверстов, В. И. Сулов // Проблемы прогнозирования. 2020. № 5. С. 46—59.
12. Новый импульс Азиатской России: источники и средства развития : в 2 т. / под ред. В. А. Крюкова и Н. И. Сулова. Новосибирск : Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2023. Т. 1. 418 с.
13. Перспективы развития минерально-сырьевой базы СФО // Промышленник Сибири. 2022. 26 апр. URL: <https://prom-siberia.ru/industry/mining-industry/perspektivy-razvitiya-mineralno-syrevoy-bazy-sfo/> (дата обращения: 20.04.2024).
14. Академик Валерий Крюков: не стратегия, но декларация / Сибирское отделение РАН. Отделение общественных наук. 2023. 16 февр. URL: <https://new.ras.ru/activities/news> (дата обращения: 03.05.2024).
15. Инвестиционный паспорт «Енисейская Сибирь». 2023. 108 с. URL: [Invest-pasport-ANO_RU_fevral-2023_22.02.2023.pdf](https://invest-pasport-ano.ru/fevral-2023_22.02.2023.pdf) (дата обращения: 06.04.2024).
16. Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Сибирское соглашение». URL: <https://sibacc.ru/mass/> (дата обращения: 30.04.2024).

References

1. Nikityuk N.N. Mezhregional'noe vzaimodeystvie kak instrument dostizheniya strategicheskikh tseley sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona. [Interregional Interaction as a Tool for Achieving Strategic Goals of Socio-Economic Development of the Region], *Vestnik evraziyskoy nauki* [The Eurasian Scientific Journal], 2023, vol. 15, no. 3, pp. 4, 10—11. Available at: <https://esj.today/PDF/12ECVN323.pdf> (accessed: 12.04.2024).
2. Dubrovskaya Yu.V. Sistematizatsiya podkhodov k obosnovaniyu roli mezhregional'nogo vzaimodeystviya v razvitii sotsial'no-ekonomicheskikh sistem [Systematization of Approaches to Justifying the Role of Interregional Interaction in Development of Socio-Economic Systems], *Vestnik PNIPIU. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [PNRPU Sociology and Economics Bulletin], 2018, no. 4, pp. 199—200.
3. Bakumenko O. A. Organizatsionno-ekonomicheskiy mekhanizm upravleniya mezhregional'nym vzaimodeystviem sub"ektov RF (na primere Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga) [The Organizational and Economic Mechanism of Managing Inter-Regional Interaction Between Russia's Constituent Entities (Case Study of the North-Western Federal District)], *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2018, vol. 11, no. 3, p. 120. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.8
4. Belyaevskaya-Plotnik L. A., Sorokina N. Yu. Podkhody k otsenke urovnya ekonomicheskoy integratsii regionov v sisteme natsional'noy ekonomicheskoy bezopasnosti [Approaches to Assessment of Level of Economic Integration of Regions in the System of a National Economic Safety], *Ekonomicheskie nauki* [Economic Sciences], 2017, no. 151, pp. 39—40.
5. Borodin V.A., Erokhin A.V. Regional'naya integratsiya kak faktor povysheniya potentsiala samorazvitiya territorii [Regional Integration as a Factor in Increasing the Capacity of Self-Development of a Territory], *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 2015, no. 47, p. 3.
6. Gubin A.M. Ekonomicheskaya integratsiya regional'nykh sistem: sostoyanie i per-spektivy razvitiya v usloviyakh transformatsii mirovykh ekonomicheskikh svyazey [Economic Integration of Regional Systems: Status and Prospects for Development in the Transformation of Global Economic Relations], *Kreativnaya ekonomika* [Creative Economy], 2022, vol. 16, no. 10, p. 3760. DOI: 10.18334/ce.16.10.116400
7. Kuznetsova O.V. Mezhregional'noe sotrudnichestvo v Rossii: perspektivy kooperatsii regional'nykh vlastey [Interregional Cooperation in Russia: Prospects of Regional Governments' Cooperation], *Regional'nye issledovaniya* [Regional Studies], 2019, no. 1, pp. 16—25. DOI: 10.5922/1994-5280-2019-1-2
8. Sadov L.S. Model' kachestvennoy otsenki variantov ob"edineniya regionov [The Qualitative Assessment Model for Variants of Merging of Regions], *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Regional Research of Russia], 2015, no. 1 (85), pp. 39—54.
9. Artobolevskiy S.S., Vendina O.I., Gontmakher E.Sh., Zubarevich N.V., Kynev A.V. Ob"edinenie sub"ektov Rossiyskoy Federatsii: za i protiv [Unification of the Constituent Entities of the Russian Federation: Pros and Cons]. Moscow, Prior Publ., 2010, 175 p.

10. Kuleshov V.V., Seliverstov V.E. Regiony Sibiri v novoy geopoliticheskoy i ekonomicheskoy situatsii i v transformiruyushcheyse sistema evraziyskikh vzaimodeystviy [Siberian Regions in Changing Eurasian Relations: Navigating New Geopolitical and Economic Realities], *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences], 2023, no 16 (9), pp. 1488–1496.
11. Kryukov V.A., Lavrovskiy B.L., Seliverstov V.E., Suslov V.I. Sibirskiy vektor razvitiya: v osnove kooperatsiya i vzaimodeystvie [Siberian Development Vector: Based on Cooperation and Interaction], *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], 2020, no. 5, pp. 46–59.
12. Kryukova V.A., Suslova N.I. (eds.). *Novyy impul's Aziatskoy Rossii: istochniki i sredstva razvitiya* [New Impulse of Asian Russia: Sources and Means of Development]: v 2 t., Novosibirsk, IEOPP SO RAN Publ., 2023, vol. 1, 418 p.
13. Perspektivy razvitiya mineral'no-syr'evoy bazy SFO [Prospects for the Development of the SFD Mineral Resource Base], *Promyshlennik Sibiri* [Industrialist of Siberia], 2022, 26 april. Available at: <https://prom-siberia.ru/industry/mining-industry/perspektivy-razvitiya-mineralno-syrevooy-bazy-sfo/> (accessed: 20.04.2024).
14. Akademik Valeriy Kryukov: ne strategiya, no deklaratsiya [Academician Valery Kryukov: Not a Strategy, but a Declaration], *Sibirskoe otdelenie RAN. Otdelenie obshchestvennykh nauk*, 2023, 16 february. Available at: <https://new.ras.ru/activities/news> (accessed: 03.05.2024).
15. *Investitsionnyy pasport «Eniseyskaya Sibir'»* [“Yenisei Siberia” Investment Passport], 2023, 108 p. Available at: [Invest-pasport-ANO_RU_fevral-2023_22.02.2023.pdf](https://invest-pasport-ANO_RU_fevral-2023_22.02.2023.pdf) (accessed: 06.04.2024).
16. *Mezhregional'naya assotsiatsiya ekonomicheskogo vzaimodeystviya sub"ektov Rossiyskoy Federatsii «Sibirskoe soglasenie»* [Interregional Association of Economic Cooperation of the Subjects of the Russian Federation “Siberian Agreement”]. Available at: <https://sibacc.ru/mass/> (accessed: 30.04.2024).

Информация об авторе

Поподько Галина Ивановна — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: pgi90@bk.ru

Information about the author

Galina I. Popodko — Doctor of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: pgi90@bk.ru

Статья поступила в редакцию 21.05.2024; одобрена после рецензирования 07.06.2024; принята к публикации 31.08.2024.

The article was submitted 21.05.2024; approved after reviewing 07.06.2024; accepted for publication 31.08.2024.

Территория: факты, оценки, перспективы

Научная статья

УДК 332.133.6, 332.142.4, 332.143

<https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-3-17-27>

ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ НА РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Анна Павловна Киреенко^{1✉}, Татьяна Юрьевна Красикова², Илья Анатольевич Слободняк³

^{1–3} Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Российская Федерация

Автор, ответственный за переписку: Анна Павловна Киреенко, sw.tpk.rt@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению влияния университетов на развитие регионов. Объектом исследования являются участники проекта «Научно-исследовательские университеты» в Сибирском федеральном округе и соответствующие регионы. В исследовании использован корреляционный анализ данных мониторинга вузов за 2012—2021 гг. и показателей развития регионов за 2010—2021 гг. Анализ показал положительное влияние качества приема в научно-исследовательские университеты (НИУ) на численность населения и инновационные разработки в долгосрочной перспективе, связь ВРП и инновационной деятельности с научно-исследовательской работой вузов. Исследование подтвердило гипотезу о влиянии университетов со статусом НИУ на развитие регионов.

Ключевые слова: региональная экономика, национально-исследовательский университет, региональное развитие, численность населения

Для цитирования: Киреенко А. П., Красикова Т. Ю., Слободняк И. А. Влияние национально-исследовательских университетов на развитие регионов Сибирского федерального округа // Развитие территорий. 2024. № 3. С. 17—27. <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-3-17-27>

Territory: facts, assessments, prospects

Original article

IMPACT OF NATIONAL RESEARCH UNIVERSITIES ON THE DEVELOPMENT OF THE REGIONS OF THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT

Anna P. Kireenko^{1✉}, Tatiana Yu. Krasikova², Ilya A. Slobodnyak³

^{1–3} Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

Corresponding author: Anna P. Kireenko, sw.tpk.rt@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the influence of universities on the development of regions. The object of the study is the participants of the project “Research Universities” in the Siberian Federal District and the corresponding regions. The study uses correlation analysis of university monitoring data for 2012–2021 and regional development indicators for 2010–2021. The analysis showed a positive impact of the quality of admission to research universities on the population and innovation development in the long term, the interconnection between GRP and innovation activity and the research work of universities. The study confirmed the hypothesis about the influence of research universities on the development of regions.

Keywords: regional economy, national research university, regional development, population size

For citation: Kireenko A.P., Krasikova T.Yu., Slobodnyak I.A. Impact of National Research Universities on the Development of the Regions of the Siberian Federal District. *Territory Development*. 2024;(3):17—27. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-3-17-27>

Введение

Современная система высшего образования находится на очередном этапе реформирования, что закономерно повышает интерес к изучению роли университетов в экономическом развитии страны и регионов. Университет — полноценный участник региональной экономики, который способен концентрировать на своей платформе человеческий потенциал, государственное финанси-

рование и развивать международное сотрудничество. Кроме того, университеты влияют на процессы миграции молодежи, вносят вклад в развитие инфраструктуры городов.

Значение университетов для территориального развития подчеркивается на государственном уровне. Перечислим проекты и программы, связывающие регионы и университеты (таблица).

Проекты и программы, связывающие регионы и университеты в Российской Федерации
Projects and programs linking regions and universities in the Russian Federation

Проект (программа)	Количество участников	Срок реализации	Цель
Федеральный университет	8	2006—2020 гг.	Решение геополитических задач и удовлетворение кадровых потребностей крупных межрегиональных инвестиционных проектов
Национальный исследовательский университет	29	2008—2018 гг.	Создание площадок самодостаточных университетов как центров исследовательских инициатив на региональном и федеральном уровнях
Вузы как центры пространства создания инноваций	51	2017—2020 гг.	Развитие научно-технологической инфраструктуры региона, повышение глобальной конкурентоспособности региональных университетов
Приоритет—2030	129	2020—2030 гг.	Формирование более 100 университетов, являющихся центрами научно-технологического и социально-экономического развития страны

Для исследования вопроса о взаимосвязи развития университетов и регионов выбраны университеты — участники проекта «Научно-исследовательские университеты» — по следующим обстоятельствам. Во-первых, проект имеет достаточный для проведения исследования срок, прошедший с момента завершения проекта, — 10 лет. Отдельные университеты имеют на сегодняшний момент статус НИУ более 15 лет. Это дает информационную базу с временным лагом для исследования вопроса о влиянии университета на региональную экономику. Во-вторых, в проекте участвуют университеты из нескольких соседних регионов, входящих в один федеральный округ и имеющих сходные природно-климатические и социально-экономические условия, в отличие от проекта «Федеральный университет», участники которого сосредоточены в центрах каждого округа, имеющих существенные отличия. В-третьих, авторы работают в одном из НИУ, знакомы с предметом исследования и заинтересованы в поиске ответа на вопрос: каково влияние университетов со статусом «Национальный исследовательский университет» на развитие региона, в котором они находятся?

Обзор литературы

Исследовательские университеты являются частью сложной системы высшего образования и играют уникальную социальную и образовательную роль [1]. Децентрализация, культурная инфраструктура, урбанизация и научные парки, а также социальные, образовательные и медицинские услуги показывают, что отношения между образованием и занятостью являются частью более сложной проблемы моделей социального развития. Университеты как региональные субъекты развития все больше становятся предметом оценки. Исходя из этого, выделяются три типа эффектов влияния высших учебных заведений на развитие окружающей среды: прямые, косвенные и индуцированные эффекты.

Прямые эффекты включают финансовые и человеческие ресурсы университетов и их деятельность, которая генерирует доходы. Научно-исследовательская деятельность и партнерство между реальным сектором и университетами можно рас-

сматривать как косвенный эффект. Культурные, образовательные и социальные мероприятия, связанные с университетами или созданные ими, рассматриваются как индуцированные эффекты [2].

Многие исследования подчеркивают взаимозависимость между высшим образованием и региональным социальным, экономическим и культурным развитием. Значительно возрос интерес к изучению возможности использования потенциала университетов для роста региональных инноваций и создания добавленной стоимости [3—7]. Работы по региональным инновационным системам [8], подход кластерной политики [9] и более поздние концепции интеллектуальных специализаций [10] рассматривают университеты как обучающие «узлы» [9], которые участвуют в территориальных, инновационных и институционально сетевых связях [11]. Все больше аспектов академической деятельности воспринимаются как значимые для преобразования регионов [12].

В то же время некоторые авторы подчеркивают, что влияние, которое может оказать университет, зависит от региональных особенностей [13] и региональной политики. Так, не только университеты могут быть участниками регионального развития, но и местные органы власти и работодатели могут повышать эффективность деятельности высших учебных заведений. Для оценки взаимодействия университетов с регионами предлагается использовать несколько показателей:

- количество контрактов между университетами и предприятиями региона;
- объем средств, выделяемых регионами, и их долю в финансовых ресурсах вузов;
- сравнение региональных и общих по стране расходов на НИОКР;
- численность студентов из своего региона в высших учебных заведениях;
- долю профессорско-преподавательского и научного персонала в активном населении [14].

Следует также отметить, что систематическая оценка влияния высшего образования на региональное развитие в зарубежных исследованиях не проводится. В качестве наиболее впечатляющих исследований в отечественной литературе отметим исследование сотрудников Института образования НИУ ВШЭ («Оценка вклада региональ-

ных систем высшего образования в социально-экономическое развитие регионов России» [15]. В данном исследовании ученые оценили вклад университетов в экономическое развитие регионов, используя следующие параметры: налоговые отчисления вузов в региональный бюджет, доходы, полученные от приезжающих студентов (их траты на проживание и пр.). Также оценивалось соотношение средней заработной платы работников вузов к средней заработной плате в регионе, производство новых знаний и технологий, коммерциализация разработок (количество лицензий, патентов и пр.). Были использованы показатели количества цитирований публикаций в базах данных Российского индекса научного цитирования и Scopus. Оценки влияния вузов по трем направлениям (субиндексы) позволили определить, в каких регионах университеты больше помогают местной экономике. На основе анализа исследователи типологизировали региональные системы высшего образования.

Статья В. Карасс посвящена обзору результатов исследования вклада университетов в региональное образование [16]. В исследовании использован рассчитанный объем средств, формируемый организациями региона. Следующим показателем является объем финансовых средств университета в расчете на численность приведенного контингента высшего образования за счет налоговых отчислений. В разделе «Вклад в развитие человеческого капитала» изучался показатель премии за высшее образование, который устанавливал повышение заработной платы сотрудников с высшим образованием по сравнению с заработной платой работников со средним (полным) образованием. В разделе «Уровень академического потенциала» уровень потенциала оценивался путем изучения показателей общего объема НИОКР региональной системы образования и количества цитирований публикаций в базах данных Российского индекса научного цитирования и Scopus.

В исследовании Е. Кранзеева показан вклад университета в региональное развитие: например, в трансформацию моногородов Кемеровской области. Предложены различные формы сотрудничества с городскими сообществами и расширение профессиональных компетенций органов власти в решении проблем местного населения [17].

С. Е. Новикова рассматривала два подхода к изучению взаимодействия университета и пространства. Первый подход («университетский район») отражает то, каким образом университет преобразует конкретный район в городе, изменяет его социально-экономические, культурные характеристики [18]. Второй подход («университетский город» / «город — университет») представляет университет в качестве градообразующего центра города. Бизнес-структуры, власть и граждане объединены вокруг или с помощью университета. В России города — университеты пока не получили широкого распространения.

О. В. Перфильева для оценки роли вузов в региональном развитии использовала статистический

анализ, анализ документов, сетевой анализ и мониторинг СМИ [19]. При оценке потенциала университета в развитии региона основное внимание уделялось моделированию будущего развития вуза в контексте задач и потребностей развития региона и выработке на основе получаемых моделей рекомендаций по его стратегическому развитию в регионе, в том числе и успешному продвижению.

Т. Варкулевич и др. в исследовании «Strategic partnership of universities as a tool of territorial development dynamics: regional aspect» изучали уровень стратегической вовлеченности университетов в региональное развитие [20]. Авторы по своей методологии собрали следующие показатели, к которым потом применили корреляцию:

- рейтинги стратегического партнерства;
- уровень трудоустройства выпускников;
- соотношение заработной платы, полученной в течение первого года после окончания обучения, к среднерегиональной заработной плате.

Однако и в отечественной литературе практически отсутствуют исследования, посвященные влиянию российских университетов с отдельным статусом на развитие регионов, в которых они находятся. Не исследуется мониторинг влияния государственных программ по поддержке университетов на развитие регионов. В связи с этим и было предпринято данное исследование.

Методика исследования

В исследуемую выборку были включены университеты Сибирского федерального округа со статусом «Национальный исследовательский» из Иркутской, Томской и Новосибирской областей.

Методологической базой исследования является корреляционный анализ, проводимый с целью подтверждения / опровержения гипотезы о существовании статистически значимой связи между двумя и более переменными. Особенностью проводимого анализа является то, что используемый массив данных изначально был поделен учеными на две группы: показатели первой группы характеризуют университеты, а показатели второй группы характеризуют развитие региона.

Первая группа показателей — данные мониторинга деятельности организаций высшего образования за 2012—2021 гг. — отражает учебную, научную и международную деятельность научно-исследовательского университета:

- численность выпускников (бакалавриат), поступивших без вступительных испытаний;
- численность выпускников (магистратура);
- средний балл выпускников бакалавриата, обучавшихся за счет федерального бюджета;
- доля аспирантов и ординаторов;
- доля успешно закончивших обучение иностранных студентов;
- общая численность студентов;
- количество публикаций сотрудников университета;
- доход вузов от НИОКР [21].

Сравним отдельные исследуемые показатели по трем вузам (рис. 1—3).

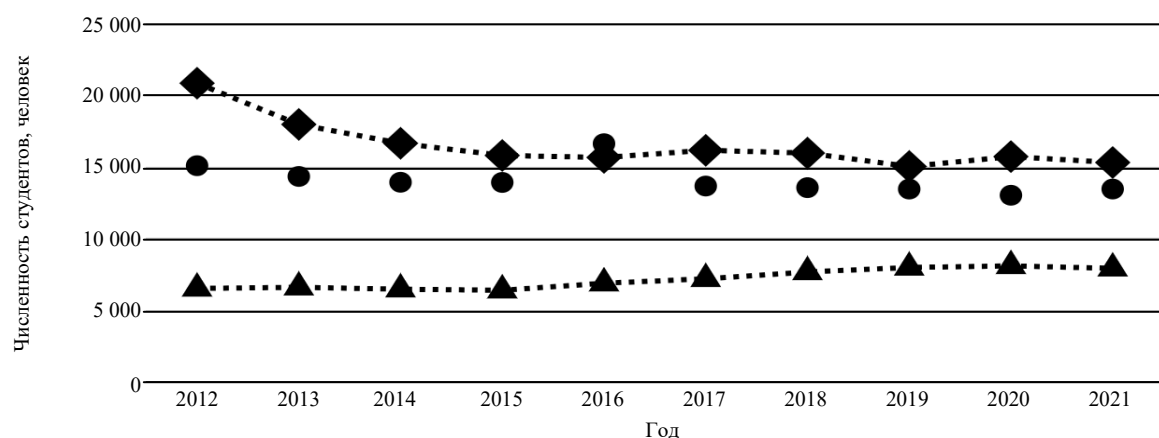

Рис. 1. Общая численность студентов НГУ, ИРНИТУ, ТГУ за 2012—2021 гг., человек: ▲ — общая численность студентов НГУ, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры; ◆ — общая численность студентов ИРНИТУ, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры; ● — общая численность студентов ТГУ, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры
The total number of students of NSU, INRTU, TSU for 2012—2021, people: ▲ — the total number of NSU bachelor, specialist, master's students; ◆ — the total number of INRTU bachelor, specialist, master's students; ● — the total number of TSU bachelor, specialist, master's students

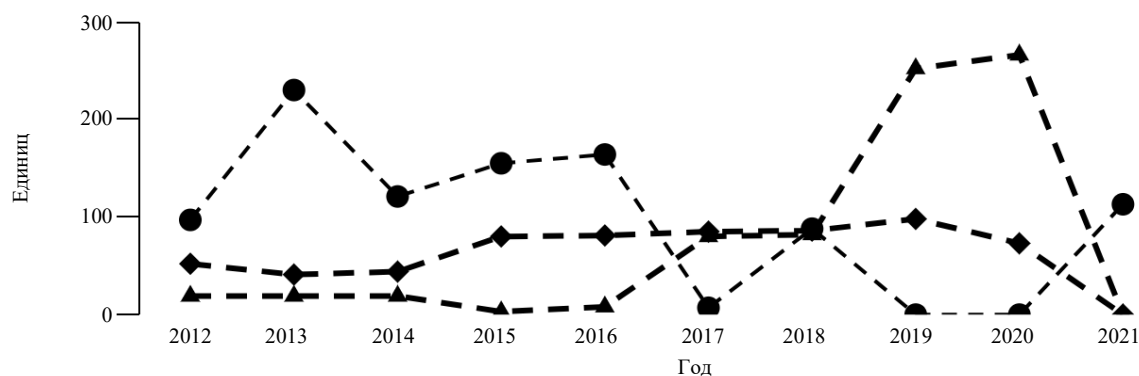

Рис. 2. Количество целевых договоров НГУ, ИРНИТУ, ТГУ за 2012—2021 гг., единиц: ▲ — количество предприятий, с которыми НГУ заключил договоры на подготовку специалистов; ◆ — количество предприятий, с которыми ИРНИТУ заключил договоры на подготовку специалистов; ● — количество предприятий, с которыми ТГУ заключил договоры на подготовку специалистов
The number of target contracts of NSU, INRTU, TSU for 2012—2021, units: ▲ — the number of enterprises with which NSU concluded staff training contracts; ◆ — the number of enterprises with which INRTU concluded staff training contracts; ● — the number of enterprises with which TSU concluded staff training contracts

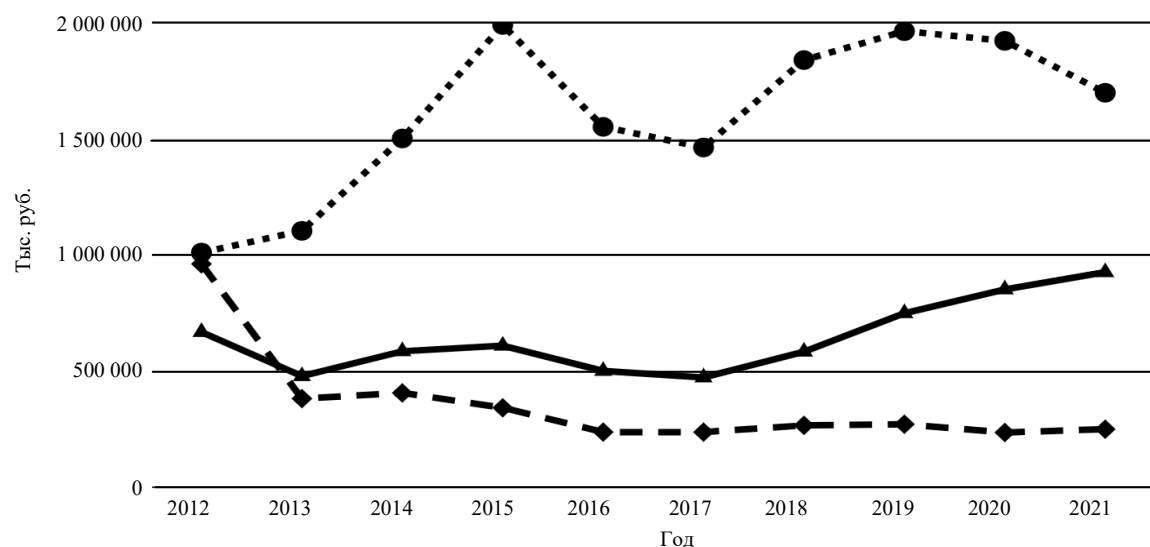

Рис. 3. НИОКР в НГУ, ИРНИТУ, ТГУ за 2012—2021 гг., тыс. руб.: ▲ — общий объем НИОКР в НГУ; ◆ — общий объем НИОКР в ИРНИТУ; ● — общий объем НИОКР в ТГУ
R&AD at NSU, INRTU, TSU for 2012—2021, kRub: ▲ — the total R&AD at NSU; ◆ — the total R&AD at INRTU; ● — the total R&AD at TSU

Вторая группа показателей — статистические показатели, отражающие динамику развития регионов, в которых расположены НИУ, за 2010—2021 гг. (рис. 4—6):

— среднегодовая численность населения;

— ВРП;

— инновационное развитие региона (количество инновационных разработок) [22].

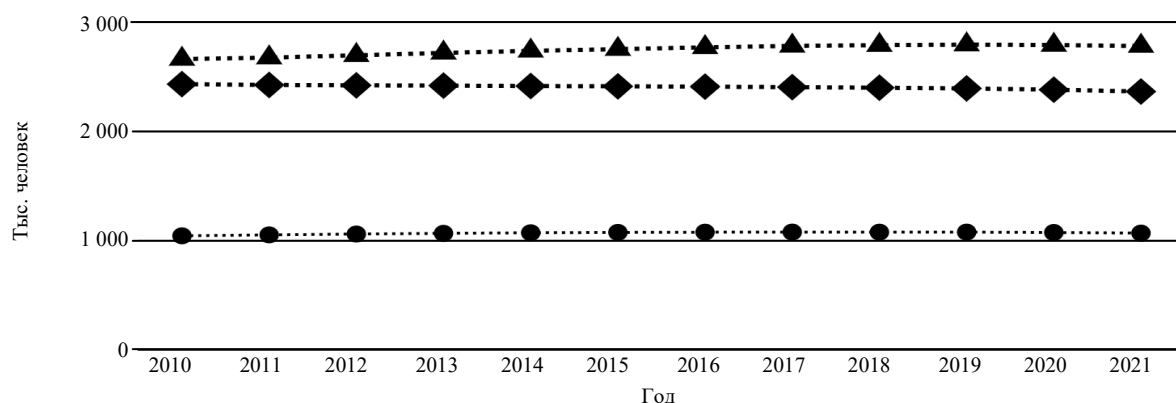

Рис. 4. Среднегодовая численность населения в Новосибирской, Иркутской и Томской областях, 2010—2021 гг., человек:

▲ — Новосибирская область; ◆ — Иркутская область; ● — Томская область
The average annual population in the Novosibirsk, Irkutsk and Tomsk Oblasts, 2010—2021, people: ▲ — Novosibirsk Oblast; ◆ — Irkutsk Oblast; ● — Tomsk Oblast

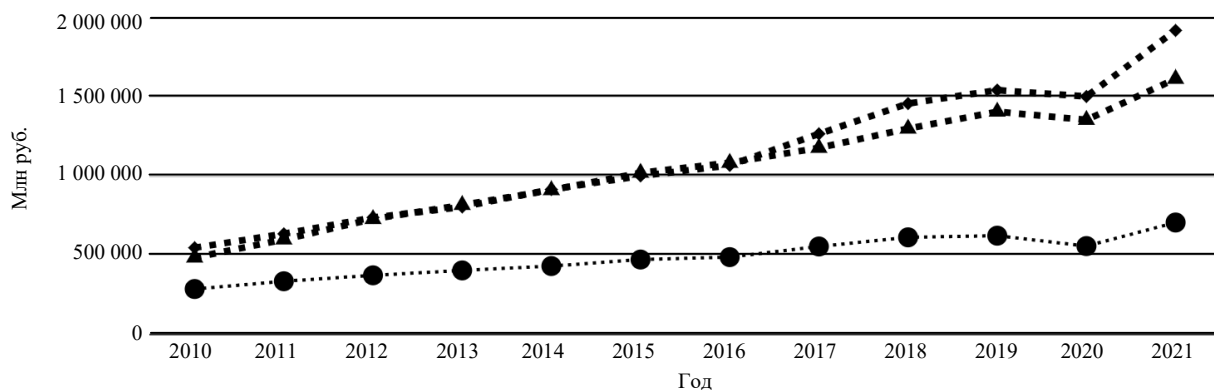

Рис. 5. ВРП Новосибирской, Иркутской и Томской областей за 2010—2021 гг., млн руб.: ▲ — Новосибирская область;

◆ — Иркутская область; ● — Томская область
GRP of the Novosibirsk, Irkutsk and Tomsk Oblasts in 2010—2021, mRub: ▲ — Novosibirsk Region; ◆ — Irkutsk Region; ● — Tomsk Region

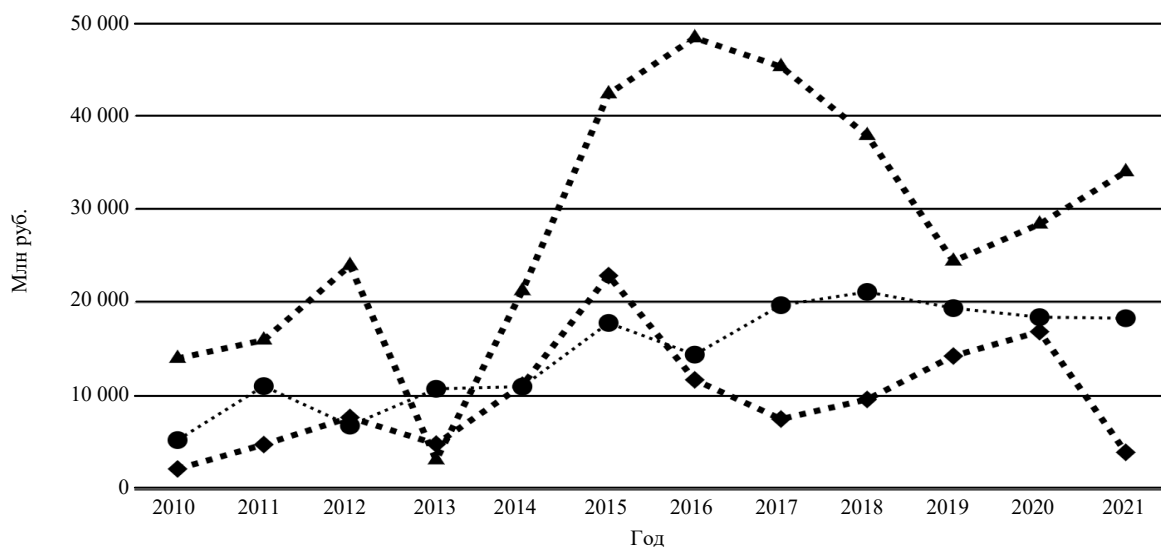

Рис. 6. Объем инновационных товаров, работ, услуг в Новосибирской, Иркутской и Томской областях за 2010—2021 гг., млн руб.:

▲ — Новосибирская область; ◆ — Иркутская область; ● — Томская область
Volume of innovative goods, works and services in the Novosibirsk, Irkutsk and Tomsk Oblasts in 2010—2021, million rubles: ▲ — Novosibirsk Oblast; ◆ — Irkutsk Oblast; ● — Tomsk Oblast

Выбор временного периода для первой группы показателей обусловлен наличием данных мониторинга высшего образования (начало мониторинга — 2012 г., конец мониторинга — 2021 г.).

Выбор временного периода для второй группы показателей зависел от показателей первой группы. Идея заключалась в том, что влияние деятельности университета на территориальное развитие происходит не ранее чем через 4—5 лет после начала обучения (бакалавриат/специалитет), т. е. существует некий цикл воспроизводства производительных сил, влияющих на развитие региона (профессиональный человеческий капитал, инновационный потенциал и пр.). Поэтому был взят период с временным лагом, который может показать (или не показать) влияние университета на территориальное развитие.

Применение корреляционного анализа для установления силы связи и ее направления (однонаправленность/разнонаправленность) допустимо в условиях малой выборки. Безусловно, наилучшие результаты при проведении корреляционного анализа достигаются в ситуации, когда объем выборки превышает значение $n = 30$. Однако применение корреляционного анализа возможно и при решении соответствующих задач, в том числе и на малых выборках, на что указывают, например, ученые А. П. Баврина, И. Б. Борисов [23].

При проведении исследования оценивалась корреляция между значениями переменных, существующих в одних временных интервалах, а также со сдвигом, что основано на гипотезе о том, что показатели первой группы, характеризующие образовательную деятельность, оказывают влияние на показатели экономической системы общества с задержкой на определенный период (4—6 лет). Кроме того, анализировались процессы со следующими лагами: без временного лага; четырехлетний лаг между статистическими показателями НИУ и статистическими показателями регионов (запаздывание показателей развития региона на четыре года); пятилетний лаг между статистическими показателями НИУ и статистическими показателями регионов (запаздывание показателей развития региона на пять лет); шестилетний лаг между статистическими показателями НИУ и статистическими показателями регионов (запаздывание показателей развития региона на шесть лет).

Результаты исследования

Представим результаты исследования по Иркутской, Новосибирской и Томской областям.

Иркутская область

1. Численность населения Иркутской области имеет прямую связь с численностью студентов Иркутского национального исследовательского университета (ИрНиту) и удельным весом аспирантов в общей численности студентов в анализируемые периоды. Связь с удельным весом аспирантов от приведенного контингента стабильно тесная (коэффициент корреляции колеблется в промежутке 0,78—0,98), а связь с общей чис-

ленностью студентов постепенно усиливается от коэффициента корреляции 0,64 в одном и том же периоде до 0,97 при сопоставлении данных с шестилетним лагом.

2. В анализируемые периоды ВРП имеет тесные связи с двумя показателями научно-исследовательской деятельности университета: прямую с количеством публикаций в РИНЦ в расчете на 100 преподавателей (коэффициент корреляции колеблется в промежутке 0,83—0,92) и обратную с объемом выполненных НИОКР (коэффициент корреляции колеблется в промежутке $-0,95 \dots -0,69$).

3. Стоимостный объем инновационных товаров, работ, услуг имеет прямую связь с количеством предприятий, заключивших договоры о подготовке специалистов с ИрНиту. Данная связь проявляется при сопоставлении данных с нулевым и шестилетним лагами (коэффициенты корреляции — 0,62 и 0,67 соответственно).

4. Количество инновационных промышленных разработок во все периоды тесно связано с удельным весом аспирантов в общем контингенте обучающихся ИрНиту (коэффициент корреляции колеблется в промежутке 0,6—1,00, при этом минимальный коэффициент корреляции зафиксирован при сопоставлении данных с пятилетним лагом, при котором многие показатели начинают вести себя аномально на разных выборках НИУ-(регион)), а также с численностью студентов университета с запаздыванием на четыре — шесть лет (коэффициент корреляции колеблется в промежутке 0,83—0,97).

5. Качество набора в ИрНиту (т. е. средний балл ЕГЭ) начинает сказываться на количестве инновационных разработок спустя пять и шесть лет после приема (коэффициенты корреляции для бюджетного набора — 0,54 и 0,99, а для всего набора — 0,72 и 0,93 соответственно).

6. В анализируемые периоды количество инновационных разработок имеет тесную обратную связь с количеством публикаций сотрудников НИУ в журналах РИНЦ (коэффициент корреляции — $-0,87 \dots -0,73$). При этом вплоть до четырехлетнего лага наблюдается тесная прямая связь с объемом НИОКР, выполненных в ИрНиту (коэффициенты корреляции — 0,90 и 0,87 соответственно).

Новосибирская область

1. Численность населения области тесно связана с численностью студентов Новосибирского государственного университета (НГУ) (коэффициент корреляции — 0,85), удельным весом аспирантов и ординаторов (коэффициент корреляции — 0,78) и долей успешно завершивших обучение иностранных студентов (коэффициент корреляции — 0,8), а также с долей успешно завершивших обучение студентов из СНГ (коэффициент корреляции — $-0,91$).

2. Численность населения области с лагом шесть лет тесно связана с численностью студентов НГУ (коэффициент корреляции — 0,92), числом поступивших без вступительных испытаний

студентов (коэффициент корреляции — 0,62), долей успешно завершивших обучение студентов из СНГ (коэффициент корреляции — 0,88) и средним баллом ЕГЭ студентов-бюджетников (коэффициент корреляции — 0,83). Обратная зависимость при том же лаге наблюдается у среднегодовой численности населения с долей аспирантов и ординаторов (коэффициент корреляции — -0,99) и долей успешно завершивших обучения иностранцев (коэффициент корреляции — -0,97).

3. ВРП тесно коррелирует с удельным весом аспирантов и ординаторов (коэффициент корреляции — 0,78), долей успешно завершивших обучение иностранцев (коэффициент корреляции — 0,80), численностью студентов (коэффициент корреляции — 0,91). Менее тесная связь наблюдается между ВРП и средним баллом ЕГЭ абитуриентов, поступивших на финансируемые из федерального бюджета места (коэффициент корреляции — 0,60).

4. ВРП с лагом четыре года тесно коррелирует с удельным весом аспирантов и ординаторов (коэффициент корреляции — 0,83). Кроме того, наблюдается связь ВРП с лагом четыре года с долей успешно завершивших обучение иностранцев (коэффициент корреляции — 0,54), численностью студентов (коэффициент корреляции — 0,69). При этом наблюдается обратная связь между ВРП с лагом четыре года и численностью абитуриентов, поступивших без вступительных испытаний (коэффициент корреляции — -0,85), а также между ВРП и средним баллом ЕГЭ поступивших четыре года назад (коэффициент корреляции — -0,76).

5. ВРП с лагом пять лет коррелирует с удельным весом аспирантов и ординаторов (коэффициент корреляции — 0,63), с долей успешно завершивших обучение иностранцев (коэффициент корреляции — 0,65). Более тесная связь выявлена между ВРП и численностью студентов пять лет назад (коэффициент корреляции — 0,78). При этом наблюдается обратная связь между ВРП и долей студентов из СНГ, успешно завершивших обучение пять лет назад (коэффициент корреляции — -0,67).

6. При лаге шесть лет наблюдается крайне тесная связь ВРП с численностью студентов, поступивших без вступительных испытаний (коэффициент корреляции — 0,93), средним баллом ЕГЭ студентов, изначально обучающихся в НГУ на бюджетной форме (коэффициент корреляции — 1,00), долей успешно завершивших обучение жителей СНГ (коэффициент корреляции — 1,00), общей численностью студентов (коэффициент корреляции — 0,99). Обратной зависимостью ВРП с лагом в шесть лет связан с удельным весом аспирантов и ординаторов от общей численности обучающихся в НИУ (коэффициент корреляции — -0,91) и средним баллом ЕГЭ всех абитуриентов (коэффициент корреляции — -0,84).

7. Стоимостный объем инновационных товаров, работ, услуг связан с долей аспирантов и ординаторов в общей численности студентов НГУ в тот

же период (коэффициент корреляции — 0,64). При этом количество инновационных разработок связано с объемом НИОКР в стенах университета (коэффициент корреляции — 0,53).

8. Стоимостный объем инновационных товаров, работ, услуг с лагом четыре года связан со средним баллом студентов, с момента поступления обучающихся за счет бюджетных ассигнований (коэффициент корреляции — 0,72). При этом меняется направление связи доли аспирантов и ординаторов с объемом инновационных товаров, работ, услуг (коэффициент корреляции — -0,88). Количество инновационных разработок тесно связано с общей численностью студентов (коэффициент корреляции — -0,75).

9. Стоимостный объем инновационных товаров, работ, услуг связан со средним баллом ЕГЭ студентов, поступивших пять лет назад на бюджетные места (коэффициент корреляции — 0,83), и числом абитуриентов, поступивших в НГУ пять лет назад без вступительных испытаний (коэффициент корреляции — 0,98). Количество инновационных разработок тесно связано со средним баллом ЕГЭ у поступивших в НГУ пять лет назад (коэффициент корреляции — 0,94), а также с количеством публикаций РИНЦ на одного сотрудника университета (коэффициент корреляции — 0,80).

10. С лагом шесть лет резко меняется зависимость инновационной активности от качества бюджетного набора и общей численности студентов на обратную (коэффициент корреляции данных показателей находится в диапазоне -0,96 ... -0,71). При этом тесная прямая зависимость обнаружена между объемом инновационных товаров, работ, услуг с лагом шесть лет и долей аспирантов и ординаторов (коэффициент корреляции — 1,00), средним баллом ЕГЭ всех абитуриентов (коэффициент корреляции — 0,98) и публикационной активностью сотрудников университета (коэффициент корреляции — 0,79). Объем выполненных НГУ НИОКР тесно связан как со стоимостным, так и натуральным выражением инновационной активности спустя шесть лет (коэффициент корреляции — 0,83—0,90).

Томская область

1. В одном и том же периоде численность населения области тесно связана со средним баллом ЕГЭ всех абитуриентов, поступивших в НИУ региона (коэффициент корреляции — 0,81). Однако при сопоставлении тех же показателей с лагами четыре — шесть лет направление связи меняется прямо на противоположное (коэффициент корреляции — -0,83 ... -0,99).

2. Наблюдается тесная связь между численностью студентов НИУ региона и численностью населения региона спустя четыре — шесть лет (коэффициент корреляции колеблется в диапазоне 0,78—1,00).

3. ВРП имеет прямую связь с качеством приема в НИУ региона в тот же год (коэффициент корреляции для поступивших без вступительных испытаний — 0,60, для среднего балла ЕГЭ по всем

абитуриентам — 0,68, для среднего балла ЕГЭ поступающих на бюджетную форму — 0,76).

4. ВРП имеет прямую связь с успешным выпуском иностранных студентов (коэффициент корреляции — 0,86 для всех иностранных выпускников, 0,84 — для выпускников из стран СНГ) и удельным весом аспирантов (коэффициент корреляции — 0,95).

5. ВРП имеет прямую связь со средним баллом ЕГЭ всех абитуриентов, поступавших в НИУ региона четыре и шесть лет назад (коэффициент корреляции — 0,62 и 0,76 соответственно).

6. ВРП имеет прямую тесную связь с качеством бюджетного набора в НИУ шесть лет назад (коэффициент корреляции — 1,00 с числом абитуриентов, поступивших в вузы без вступительных испытаний, 0,76 — со средним баллом ЕГЭ абитуриентов, поступавших за счет средств федерального бюджета).

7. Стоимостный объем инновационных товаров, работ, услуг имеет прямую связь со средним баллом ЕГЭ абитуриентов (коэффициент корреляции 0,65 — для бюджетников, 0,77 — для всех), удельным весом аспирантов в НИУ (коэффициент корреляции — 0,73), долями успешно завершивших обучение иностранцев (коэффициент корреляции 0,51 — для всех, 0,65 — для жителей СНГ).

8. Количество инновационных разработок имеет прямую связь с числом поступивших без вступительных испытаний абитуриентов (коэффициент корреляции — 0,74), средним баллом ЕГЭ абитуриентов (коэффициент корреляции 0,76 — для бюджетников, 0,63 — для всех), удельным весом аспирантов в НИУ (коэффициент корреляции — 0,78), долями успешно завершивших обучение иностранцев (коэффициент корреляции 0,88 — для всех, 0,75 — для жителей СНГ).

9. Количество инновационных разработок имеет прямую связь с удельным весом аспирантов в НИУ (коэффициент корреляции — 0,82), долями успешно завершивших обучение иностранцев (коэффициент корреляции 0,81 — для всех, 0,83 — для жителей СНГ), средним баллом ЕГЭ всех абитуриентов четыре года назад (коэффициент корреляции — 0,68).

10. Стоимостный объем инновационных товаров, работ, услуг имеет прямую связь со средним баллом ЕГЭ студентов, поступивших в НИУ за счет средств федерального бюджета за пять лет до этого (коэффициент корреляции — 0,78).

11. Стоимостный объем инновационных товаров, работ, услуг имеет прямую связь со средним баллом ЕГЭ абитуриентов (коэффициент корреляции — 0,69) удельным весом аспирантов в НИУ (коэффициент корреляции — 0,96), долями успешно завершивших обучение иностранцев шесть лет назад (коэффициент корреляции 0,86 — для всех, 0,99 — для жителей СНГ).

12. Количество инновационных разработок имеет прямую связь с числом поступивших без вступительных испытаний шесть лет назад абитуриентов (коэффициент корреляции — 0,53), средним баллом ЕГЭ абитуриентов, поступивших

шесть лет назад за счет средств федерального бюджета (коэффициент корреляции — 0,94).

13. Количество инновационных разработок прямо коррелирует с количеством публикаций в РИНЦ в том же периоде (коэффициент корреляции — 0,57).

14. Объем инновационных товаров, работ, услуг имеет тесную связь с количеством публикаций в РИНЦ, опубликованных шесть лет назад (коэффициент корреляции — 0,92), и объемами, проведенными шесть лет назад НИОКР (коэффициент корреляции — 0,91).

15. Стоимостный объем инновационных товаров, работ, услуг имеет тесную прямую связь с количеством предприятий, заключивших договоры о подготовке специалистов с томскими вузами шесть лет назад (коэффициент корреляции — 0,92).

Выводы

Иркутская область и ИРНИТУ

ИРНИТУ плотно и стабильно вовлечен в экономическую жизнь региона, о чем свидетельствуют тесные связи между различными показателями деятельности вуза и статистическими показателями региона. Обратная зависимость публикационной активности с количеством разработок можно объяснить спецификой данных разработок, делающих обнародование результатов работы затруднительным. При этом можно предполагать, что студенты бакалавриата и специалитета слабо вовлекаются в научную деятельность вуза, поскольку отдача от качества их набора и численности проявляется со значительным временным лагом. Не обнаружена зависимость между экономическим развитием области и выбором его НИУ абитуриентами, что скорее всего связано с политикой государства на увеличение мест в технических вузах, которая затруднила конкурсный отбор абитуриентов, особенно на распространяемые программы.

Новосибирская область и НГУ

Численность населения всего региона тесно связана с численностью обучающихся в НИУ. При этом можно предполагать (по связи доли выпустившихся иностранцев и численности населения), что студенты предпочитают получать в стенах НГУ полное высшее образование (включающее в себя бакалавриат, магистратуру, а в некоторых случаях и аспирантуру). Однако продолжают свою деятельность за пределами Новосибирской области.

Влияние студентов НГУ (нынешних и бывших) на ВРП Новосибирской области проявляется постепенно, преимущественно после окончания университета.

НГУ активно занимается научно-исследовательской деятельностью, к которой привлекаются студенты всех ступеней обучения: результатом этой деятельности являются готовые разработки. Однако коммерческие результаты такой деятельности появляются не сразу и не во всех случаях (устойчивую корреляционную связь между коли-

чеством разработок и стоимостью инновационных товаров, работ, услуг обнаружить не удалось), что связано с фундаментальным характером исследований и малым для него сроком наблюдений.

Томская область и ТГУ

Регион полностью оправдывает звание «студенческого». Студенты и выпускники его крупнейших вузов определяют статистический облик региона не только в экономическом, но и демографическом плане. Можно предполагать, что областные власти и НИУ создают благоприятные условия для развития творческого и научного потенциала студентов с самых ранних этапов профессионального становления (привлечение к исследованиям с младших курсов, инновационные дипломные проекты и др.). Некоторый провал, происходящий сразу после выпуска из вузов, можно объяснить адаптацией вчерашних студентов к рабочей обстановке или попытками совместить учебу в магистратуре с работой.

Заключение

Исследование не выявило стабильной зависимости между качеством приема в вузы и численностью населения. С лагом в четыре года наблюдается связь ярко выраженная отрицательная, однако уже с лага в пять лет направление связи меняется, а позже она усиливается. То есть наблюдается положительное влияние качества приема в НИУ на численность населения в долгосрочной перспективе.

ВРП не зависит от качества бюджетного приема в НИУ (но не от приема в целом), а скорее является фактором выбора абитуриентами (как российскими, так и иностранными) региона своего дальнейшего обучения. Этот показатель тесно

связан с научно-исследовательской работой вузов: ее активностью, выражаемой в количестве публикаций, и доходностью. Однако практически не зависит от площади лабораторий НИУ. Вероятно, рациональность и интенсивность их использования значительно различаются между университетами. Кроме того, некоторые вузы для исследований используют сторонние лаборатории (например, НГУ пользуется лабораториями институтов СО РАН).

Качество приема в НИУ через четыре — шесть лет оказывает влияние на инновационные разработки. Инновационный элемент экономики соответствующих регионов является важным фактором выбора университетов для успешных иностранных студентов. Но данный показатель не имеет значимой связи с качеством бюджетного набора в НИУ, что позволяет предположить дальнейший переезд наиболее подготовленных абитуриентов и студентов в другие регионы (например, в столицы).

Инновационная деятельность в меньшей степени, чем объем ВРП, связана с научно-исследовательской деятельностью университетов.

Таким образом, исследование подтвердило влияние университетов со статусом НИУ на развитие регионов. Подтвердилась и гипотеза о влиянии более кратких периодов (четыре года, шесть лет) на региональное развитие. Эти краткие периоды связаны прежде всего с периодом обучения (бакалавриат, специалитет) — с периодами первоначального накопления профессионального человеческого капитала. То есть существует цикл воспроизводства производительных сил, которые вносят вклад в региональное развитие, а университеты со статусом НИУ участвуют в генерации данных производительных сил.

Список источников

1. *Altbach P.G.* The past, present, and future of the research university. *Economic and political weekly*. 2000. P. 65—73.
2. *Asheim B., Coenen L.* Contextualising regional innovation systems in a globalising learning economy: on knowledge bases and institutional frameworks // *Journal of technology transfer*. 2006. Vol. 31. Issue 1. P. 163—173. DOI: 10.1007/s10961-005-5028-0
3. *Etzkowitz H., Leydesdorff L.* The dynamics of innovation: from national systems and 'Mode 2' to a Tripel Helix of University-Industry-Government Relations // *Research Policy*. 2000. No. 29 (2). P. 109—123. DOI: 10.1016/S0048-7333(99)00055-4
4. *Etzkowitz H., Leydesdorff L.* Introduction: Universities in the global knowledge economy: a triple helix of university-industry-government Relations. London : Pinter, 2017.
5. *The Future of the University and the University of the Future: Evolution of Ivory Tower to Entrepreneurial Paradigm* / H. Etzkowitz, A. Webster, C. Gebhardt, B. Terra // *Research Policy*. 2000. No. 29. P. 313—330. DOI: 10.1016/S0048-7333(99)00069-4
6. *Uyarra E., Flanagan K.* From regional systems of innovation to regions as innovation policy spaces // *Government and Policy*. 2010. Vol. 28. P. 681—695. DOI:10.1068/c0961
7. *Understanding regional innovation policy dynamics: actors, agency and learning* / E. Uyarra, K. Flanagan, E. Magro, J. Wilson, M. Sotarauta // *Politics and Space*. 2017. Vol. 35 (4). P. 559—568. DOI: 10.1177/2399654417705914
8. *Cooke P.* Evolution of regional innovation systems — emergence, theory, challenge for action // In *regional innovation systems: the role of governances in a globalized world*, edited by P. Cooke, M. Heidenreich, H. Braczyk. New York : Routledge, 2004. P. 1—18.
9. *Simonyi A.* The evaluation of university-region relationships // *European Journal of Education*. 1999. Vol. 34, no. 3. P. 335—341.
10. *European commission.* Guide for research and innovation strategies for smart specialization (RIS3). Brussels, Belgium : European comission, 2012.
11. *Gaudemar J.* The Higher education institution as a regional actor // *Higher education management*. 1997. Vol. 9, no. 2. P. 59.
12. *Arbo P., Bennenworth P.* Understanding the regional contribution of higher education institutions: A literature review // *Education working paper*. Paris : OECD, 2007. No. 9.

13. Porter M. The Performance of regions // *Regional studies*. 2003. Vol. 37 (6/7). P. 549—578. DOI: 10.1080/0034340032000108688
14. Pflitsch G., Radinger-Peer V. Developing boundary-spanning capacity for regional sustainability transition. A comparative case study of the universities of augsburg (Germany) and linz (Austria). 2018. *Sustainability*. № 12. P. 1—18. DOI: 10.3390/su10040918
15. Оценка вклада региональных систем высшего образования в социально-экономическое развитие регионов России : серия публикаций Института образования НИУ ВШЭ «Современная аналитика образования». URL: <https://ioe.hse.ru/pubs/share/direct/408112764.pdf> (дата обращения: 01.12.2023).
16. Карасс В. О. Влияние высшего образования на социально-экономическое развитие российских регионов / Уральский федеральный университет. Екатеринбург. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/120193/1/978-5-7996-3523-7_021.pdf
17. Кранзеев Е. Новые модели университетов: вклад в региональное развитие // Университетское управление: практика и анализ. 2017. № 21 (5). С. 64—73. URL: <https://doi.org/10.15826/umpra.2017.05.062>
18. Новикова С. Е. Университет как центр формирования городского пространства и территориального развития // Скиф. 2019. № 1 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/universitet-kak-tsentr-formirovaniya-gorodskogo-prostranstva-i-territorialnogo-razvitiya> (дата обращения: 04.11.2023).
19. Перфильева О. В. Университеты и региональное развитие: теоретический анализ и методология исследования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2014. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/universitety-i-regionalnoe-razvitie-teoreticheskiy-analiz-i-metodologiya-issledovaniya> (дата обращения: 04.11.2023).
20. Varkulevich T. Shumik E., Baturina O. Strategic partnership of universities as a tool of territorial development dynamics: regional aspect. URL: <http://www.revistaespacios.com/a18v39n02/18390231.html>
21. Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования. URL: monitoring.miccedu.ru/?m=vro (дата обращения: 23.12.2023).
22. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. М. : Федеральная служба государственной статистики (Росстат), 2023.
23. Баврина А. П., Борисов И. Б. Современные правила корреляционного анализа // Медицинский альманах. 2021. № 3. С. 70—79.

References

1. Altbach P.G. *The past, present, and future of the research university. Economic and political weekly*, 2000, pp. 65–73.
2. Asheim B., Coenen L. Contextualising regional innovation systems in a globalising learning economy: on knowledge bases and institutional frameworks, *Journal of technology transfer*, 2006, vol. 31, issue 1, pp. 163–173. DOI: 10.1007/s10961-005-5028-0
3. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The dynamics of innovation: from national systems and 'Mode 2' to a Triple Helix of University-Industry Government Relations, *Research Policy*, 2000, no. 29 (2), pp. 109–123. DOI: 10.1016/S0048-7333(99)00055-4
4. Etzkowitz H., Leydesdorff L. (eds). *Introduction: Universities in the global knowledge economy: a triple helix of university-industry-government Relations*, London, Pinter, 2017.
5. Etzkowitz H., Webster A., Gebhardt C., Terra B. The Future of the University and the University of the Future: Evolution of Ivory Tower to Entrepreneurial Paradigm, *Research Policy*, 2000, no. 29, pp. 313–330. DOI: 10.1016/S0048-7333(99)00069-4
6. Uyarra E., Flanagan K. From regional systems of innovation to regions as innovation policy spaces, *C: Government and Policy*, 2010, vol. 28(4), pp. 681–695. DOI: 10.1068/c0961
7. Uyarra E., Flanagan K., Magro E., Wilson J., Sotarauta M. Understanding regional innovation policy dynamics: actors, agency and learning, *Environment and Planning C: Politics and Space*, 2017, vol. 35(4), pp. 559–568. DOI: 10.1177/2399654417705914
8. Cooke P., Heidenreich M., Braczyk H. (eds.). *Evolution of Regional Innovation Systems — Emergence. Theory, Challenge for Action, Regional Innovation Systems: the Role of Governances in a Globalized World*, London, Routledge, 2004, pp. 1–18.
9. Simonyi A. The evaluation of university-region relationships, *European Journal of Education*, 1999, vol. 34, no. 3, pp. 335–341.
10. European commission. *Guide for research and innovation strategies for smart specialisation (RIS3)*. Brussels, Belgium, European commission, 2012.
11. Gaudemar J. The Higher education institution as a regional actor, *Higher education management*, 1997, vol. 9, no. 2, p. 59.
12. Arbo P., Bennenworth P. Understanding the regional contribution of higher education institutions: A literature review, *Education working paper*. Paris, OECD, 2007, no. 9.
13. Porter M. The Performance of regions, *Regional studies*, 2003, vol. 37 (6/7), pp. 549–578. DOI: 10.1080/0034340032000108688
14. Pflitsch G., Radinger-Peer V. *Developing boundary-spanning capacity for regional sustainability transition. A comparative case study of the universities of augsburg (Germany) and linz (Austria)*, 2018. *Sustainability*, no. 12, pp. 1–18. DOI: 10.3390/su10040918
15. Оценка вклада региональных систем высшего образования в социально-экономическое развитие регионов России: серия публикаций Института образования НИУ ВШЭ «Современная аналитика образования» [Assessing the Contribution of Regional Higher Education Systems to the Socio-Economic Development of Russian Regions: A Series of Publications of the Institute of Education of the National Research University Higher School of Economics "Modern Education Analytics"]. Available at: <https://ioe.hse.ru/pubs/share/direct/408112764.pdf> (accessed: 01.12.2023).

16. Karass V.O. *Vliyanie vysshego obrazovaniya na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie rossiyskikh regionov* [Impact of Higher Education on Socio-Economic Development of Russian Regions]. Ekaterinburg, Ural'skiy federal'nyy universitet. Available at: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/120193/1/978-5-7996-3523-7_021.pdf
17. Kranzev E. Nove modeli universitetov: vklad v regional'noe razvitie [New Models of Universities: Contribution to Regional Development], *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [University Management: Practice and Analysis], 2017, no. 21 (5), pp. 64–73. Available at: <https://doi.org/10.15826/umpa.2017.05.062>
18. Novikova S.E. Universitet kak tsentr formirovaniya gorodskogo prostranstva i territorial'nogo razvitiya [University as a Center for the Formation of Urban Space and Territorial Development], *Skif* [Skiff], 2019, no. 1 (29). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/universitet-kak-tsentr-formirovaniya-gorodskogo-prostranstva-i-territorialnogo-razvitiya> (accessed: 04.11.2023).
19. Perfil'eva O.V. Universitety i regional'noe razvitie: teoreticheskiy analiz i metodologiya issledovaniya [Universities and Regional Development: Qualitative Research Theory and Methodology], *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya: Ekonomika. Upravlenie, Pravo*, [Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law]. 2014, no. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/universitety-i-regionalnoe-razvitie-teoreticheskiy-analiz-i-metodologiya-issledovaniya> (accessed: 04.11.2023).
20. Varkulevich T. Shumik E., Baturina O. *Strategic partnership of universities as a tool of territorial development dynamics: regional aspect*. Available at: <http://www.revistaespacios.com/a18v39n02/18390231.html>
21. *Informatsionno-analiticheskie materialy po rezul'tatam provedeniya monito-ringa deyatel'nosti obrazovatel'nykh organizatsiy vysshego obrazovaniya* [Analytics on the Results of Monitoring the Activities of Educational Organizations of Higher Education]. Available at: monitoring.miccedu.ru/?m=vpo (accessed: 23.12.2023).
22. *Regiony Rossii. Osnovnye kharakteristiki sub"ektov Rossiyskoy Federatsii* [Regions of Russia. Main Characteristics of the Subjects of the Russian Federation]. Moscow, Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki (Rosstat), 2023.
23. Bavrina A.P., Borisov I.B. Sovremennye pravila korrelyatsionnogo analiza [Modern Rules of the Application of Correlation Analysis], *Meditinskiy al'manakh* [Medical Almanac], 2021, no. 3, pp. 70–79.

Информация об авторах

Киреенко Анна Павловна — доктор экономических наук, профессор, директор Байкальского института БРИКС, Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Российская Федерация. E-mail: sw.tpk.rt@mail.ru

Красикова Татьяна Юрьевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и цифровых бизнес-технологий, Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Российская Федерация. E-mail: krasikova_tatyan@mail.ru

Слободняк Илья Анатольевич — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и цифровых бизнес-технологий, Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Российская Федерация. E-mail: slob.irk@mail.ru

Information about the authors

Anna P. Kireenko — Doctor of Economic Sciences, Professor, Director of the Baikal Institute of BRICS, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation. E-mail: sw.tpk.rt@mail.ru

Tatiana Yu. Krasikova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Digital Business Technologies, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation. E-mail: asikova_tatyan@mail.ru

Ilya A. Slobodnyak — Doctor of Economics, Professor, Professor, Department of Economics and Digital Business Technologies, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation. E-mail: slob.irk@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.05.2024; одобрена после рецензирования 07.06.2024; принята к публикации 31.08.2024.

The article was submitted 15.05.2024; approved after reviewing 07.06.2024; accepted for publication 31.08.2024.

Территория: факты, оценки, перспективы

Научная статья

УДК 332.13

<https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-3-28-39>

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА НА РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИИ ЧЕРЕЗ ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА НАСЕЛЕНИЯ

Ольга Вячеславовна Поташева^{1✉}, Марина Валерьевна Морошкина²

^{1, 2} Институт экономики Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Российская Федерация

Автор, ответственный за переписку: Ольга Вячеславовна Поташева, ovpotasheva79@gmail.com

Аннотация. Статья подготовлена по материалам изучения особенностей развития системы высшего образования в российских регионах в период с 2002 по 2020 г. Проанализированы государственные инструменты трансформации системы высшего образования, которые оказывают влияние на формирование образовательного потенциала молодого населения региона. Анализ распределения численности студентов высшего образования между регионами России показал пространственные диспропорции в охвате молодого поколения высшим профессиональным образованием, а присутствие на территории региона опорного университета обеспечивает рост накопления образовательного потенциала.

Ключевые слова: опорный университет, региональное развитие, образовательная миграция, возрастная структура населения

Благодарности: статья подготовлена в рамках темы № 122032200200-2 «Комплексное исследование и разработка основ управления устойчивым развитием северного и приграничного поясов России в контексте глобальных вызовов» по государственному заданию Института экономики КарНЦ РАН (FMEN-2022-0001).

Для цитирования: Поташева О. В., Морошкина М. В. Оценка влияния регионального университета на развитие территории через формирование образовательного потенциала населения // Развитие территорий. 2024. № 3. С. 28—39. <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-3-28-39>

Territory: facts, assessments, prospects

Original article

ASSESSMENT OF THE IMPACT OF THE REGIONAL UNIVERSITY ON THE DEVELOPMENT OF THE TERRITORY THROUGH THE FORMATION OF EDUCATIONAL POTENTIAL OF THE POPULATION

Olga V. Potasheva^{1✉}, Marina V. Moroshkina²

^{1, 2} Institute of Economics Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russian Federation

Corresponding author: Olga V. Potasheva, ovpotasheva79@gmail.com

Abstract. The article is based on the study of the peculiarities of the development of higher education system in Russian regions in the period from 2002 to 2020. The article analyses the state instruments of transformation of the higher education system, which influence the formation of educational potential of the young population of the region. The analysis of the distribution of the number of students of higher education between the regions of Russia has shown spatial disproportions in the young generation's higher professional education coverage, and the presence of a flagship university on the territory of the region provides the growth of the accumulation of educational potential.

Keywords: flagship university, regional development, educational migration, age structure of the population.

Acknowledgements: the article was prepared within the framework of the project № 122032200200-2 “Complex research and development of the basis for sustainable development management of the northern and border latitudes of Russia in the context of global challenges” on the state assignment of the Institute of Economics of the Karelian Centre of the Russian Academy of Sciences (FMEN-2022-0001).

For citation: Potasheva O.V., Moroshkina M.V. Assessment of the Impact of the Regional University on the Development of the Territory Through the Formation of Educational Potential of the Population. *Territory Development*. 2024;(3):28—39. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-3-28-39>

Введение

Присутствие университета в регионе определяет условия доступности высшего образования для населения. Он является ресурсом для наращивания высококвалифицированной рабочей си-

лы и местом привлечения талантливой молодежи. Пространственное распределение университетов по территории страны обусловлено как исторически сложившимися местами расселения, так и специализацией экономики региона в освоении

человеком природных ресурсов. Так, классические университеты создавались в региональных центрах под конкретные потребности экономики территории и под специализации производственного сектора (например, технические или сельскохозяйственные специальности). При этом крупные производственные организации обучали и трудоустраивали выпускников этих университетов. Ситуация сильно изменилась после распада советской системы образования — престижность высшего образования возросла по специальностям, актуальным для инфраструктуры рыночной экономики и сектора сферы услуг, что в целом оказало двойное влияние на региональную экономику. С одной стороны, фиксировался высокий уровень конкурса в отдельные университеты на определенные специальности (например, экономического и юридического профилей подготовки), с другой — проявилась региональная неоднородность доступности высшего образования и концентрация студентов данных профилей образования в нескольких регионах и крупных агломерациях страны. Накопительным эффектом стало появление большого числа выпускников по «модным» специальностям и снижение показателя подготовки кадров для нужд развития региональной экономики. На протяжении последних 20 лет государством было внедрено несколько инструментов влияния на региональную систему подготовки кадров высшего образования.

Цель статьи заключается в анализе тенденций накопления образовательного потенциала молодыми группами населения в разрезе регионов страны и определении того, являются ли региональные университеты для своей территории ресурсом развития экономики путем формирования образовательного потенциала молодежи. Объектом исследования выступают регионы России, в которых осуществляют деятельность опорные университеты.

Обзор литературы

Новые формы развития организаций высшего образования предполагают более тесное их взаимодействие с представителями региональной экономики и органов власти. О. В. Зиневич, Т. А. Балмасова в своей работе отмечают, что именно региональные вузы имеют больше шансов в стремлении стать университетом нового поколения, так как они посредством создания разветвленной инновационной научно-образовательной и научно-производственной инфраструктуры, направленной на реализацию конкурентного потенциала территории, форсируют развитие регионов [1]. Действительно, за 20 лет XXI в. во многих регионах страны проведена реорганизация системы высшего образования, по результатам аккредитации осуществлено присоединение организаций высшего образования к более сильным и конкурентоспособным вузам, и в дальнейшем наиболее успешные из них стали опорными университетами страны [2].

Из Доклада Правительства Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Феде-

рации о реализации государственной политики в сфере образования в 2020 г. можно выделить следующие направления изменений в сфере высшего образования, которые стали ключевыми для реформирования системы высшего образования, достигнутыми в рамках реализации основополагающих документов стратегического планирования России:

- обновление структуры сети образовательных организаций в соответствии с задачами инновационного развития через государственную поддержку ведущих университетов-лидеров, конкурирующих на глобальном рынке высшего образования;

- формирование группы конкурентоспособных на национальном уровне университетов, ориентированных на качественную подготовку востребованных на региональном рынке труда специалистов.

По последним исследованиям [3—5] можно заключить, что наличие в границах региона развивающегося университета проявляется в привлечении на территорию новых людей (студенты, преподаватели и ученые). Вместе с этим процесс подготовки специалистов для экономики региона по разным направлениям специализации сопровождается трансфертом знаний, включая внедрение результатов научно-исследовательской и инновационной деятельности в развитие производственного сектора экономики региона за счет привлечения инвестиций и реализации производственных и высокотехнологичных проектов. Роль региональных университетов при этом проявляется не только в обучении молодежи востребованным специальностям, но и в активном участии временных творческих команд в совершенствовании региональной инновационной системы [6; 7]. Во многом это участие зависит от эффективности взаимодействия действующих на территории организаций бизнеса и государства и в целом от экономического потенциала региона.

Пространственная сеть охвата организациями высшего образования регионов России, сложившаяся к 2020 г., по мнению исследователей, способствовала проявлению значительной неоднородности. В анализе развития региональных систем высшего образования О. В. Лешуков, М. А. Лисюткин [8] отмечают появление в России регионов, различающихся по уровню развития системы высшего образования. Авторы считают, что первым важным шагом на пути ее совершенствования должна стать типологизация региональных систем высшего образования, которая позволит сформировать представление о том, из каких элементов должна состоять система высшего образования в России, и начать обсуждение возможных подходов к управлению этими элементами. Авторами предложена типология региональных систем высшего образования, которая учитывает наличие на территории субъекта статусной организации высшего образования и в целом оценивает привлекательность вуза для обучения. В соответствии с этой типологией регионы разбиты на пять групп (типов): 1) регионы с ве-

дущими вузами; 2) регионы со сбалансированной региональной системой высшего образования инфраструктурной направленности; 3) регионы со сбалансированной региональной системой высшего образования отраслевой направленности; 4) регионы с преобладанием инфраструктурных вузов; 5) слаборазвитые региональные системы высшего образования.

Чуть позже влияние вузов на текущие характеристики социально-экономического развития регионов было уточнено по признаковым группам и представлено в работе И. Д. Фрумина, О. В. Лешукова [9]. Типология определила следующие группы: регионы-локомотивы; опорные регионы, полюса роста, точки роста; регионы особого внимания; регионы с неопределившимися перспективами; проблемные регионы. Исследование подтвердило высокую степень зависимости регионального уровня развития системы высшего образования от социально-экономических условий региона.

Обзор исследований о роли университета в региональном развитии и повышении его конкурентоспособности, в том числе за счет участия в программе «опорный университет», позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, реформирование региональной системы высшего образования предполагает постоянную трансформацию сети организаций, активное саморазвитие вуза за счет участия в приоритетных государственных программах поддержки. Во-вторых, изменения отражаются на развитии самого региона присутствия вуза и проявляются в межуровневых проектах взаимодействия вуза и предприятий с целью повышения качества подготовки специалистов; во внедрении результатов научно-исследовательской и инновационной деятельности в производство; в повышении конкурентоспособности регионального продукта [10—12].

На фоне мониторинга и оценки эффективности деятельности отдельно рассматриваемых органи-

заций высшего образования страны [13], исследований по выявлению типологических групп вузов и регионов [14—18], на наш взгляд, является актуальным и поиск подходов к исследованию региональных эффектов, которые опорные университеты оказывают на формирование образовательного потенциала молодого населения. Важно определить долю молодого поколения с высшим профессиональным образованием и рассматривать его в качестве ресурса для развития приоритетных направлений экономики региона в целом.

Данные и методология исследования

В качестве основных показателей базы данных исследования были выбраны статистические источники информации Росстата, которые позволяют составить временной ряд наблюдения социальных и экономических показателей в разрезе регионов с 2002 по 2021 г. Сравнительный анализ регионов России проводится на основании расчета приращения наблюдаемых показателей — экономического (ВРП на душу населения) и социального (численность студентов организаций высшего образования на 10 000 человек) по отношению к базовому 2010 г. В исследовании представляют интерес отдельные годы наблюдения — 2002 г., 2010 г., 2016—2018 гг. и 2021 г., когда может проявиться влияние факторов на развитие региона и опорного вуза в нем: например, демографических или институциональных.

Второй составляющей в качестве отправной точки исследования стали результаты Всероссийской переписи населения (ВПН), проходившей в России в 2002 г., 2010 г. и 2021 г. Из данных раздела результатов переписи об уровне достигнутого образования по возрастным когортам населения авторами была предложена методика определения поколенческо-возрастных групп в сопоставлении с «Теорией поколений» (таблица).

Поколенческо-возрастные группы населения
Generation—age ranges of the population

Молодое поколение	Годы рождения поколения в период ВПН России в 2002 г.	Теория поколений Н. Хоува и У. Штрауса	Годы рождения поколения в период ВПН России в 2010 г.	Теория поколений Н. Хоува и У. Штрауса	Годы рождения поколения в период ВПН России в 2021 г.	Теория поколений Н. Хоува и У. Штрауса
NEXT: 15—24 лет	1978—1987 г. р.	Поколение «X» (1965—1982 г. р.) Поколение «Y», (1983—2000 г. р.)	1986—1995 г. р.	Поколение «Y» (1983—2000 г. р.)	1997—2006 г. р.	Поколение «Y», (1983—2000 г. р.) Поколение «Z» (2001—2020 г. р.)
ACTOR: 25—34 лет	1968—1977 г. р.	Поколение «X» (1965—1982 г. р.)	1976—1985 г. р.	Поколение «X» (1965—1982 г. р.)	1987—1996 г. р.	Поколение «Y», (1983—2000 г. р.)
CREATOR: 35—44 лет	1958—1967 г. р.	Поколение «Бэби-бумеры» (1943—1964 г. р.)	1966—1975 г. р.	Поколение «X» (1965—1982 г. р.)	1977—1986 г. р.	Поколение «X» (1965—1982 г. р.) Поколение «Y», (1983—2000 г. р.)

Примечание. Использованы данные доклада Экономического и социального совета ООН, в котором представлены основания для оценки межпоколенческих изменений через производительность сектора образования : открытый доклад по измерению человеческого капитала. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/2013/5_R_.pdf (дата обращения: 23.09.2023).

Note. The data is derived from the report of the UN Economic and Social Council, which provides the basis for assessing intergenerational changes through the performance of the education sector: Open Report on Measuring Human Capital. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/2013/5_R_.pdf (date of reference: 23.09.2023).

Были проанализированы три поколенческо-возрастные группы населения, которые представляют собой образовательный потенциал населения территории. Социально-психологический портрет поколенческо-возрастной группы, представленный в работе Н. А. Зайцевой, складывается из характеристик, свойственных представителям молодых поколений.

Например, поколение «Бэби-бумеры» — это люди, родившиеся в 1943—1964 гг. Специфическими чертами характера является психология победителей: нет непреодолимых барьеров, каждый барьер — это личный вызов. Они оптимисты, нацеленные на постоянное преодоление трудностей и обязательное достижение результата. «Бумер» — трудоголик, лучший подарок для работодателя, предпочитает работать в команде.

Поколение «X» — люди, которые родились в 1965—1982 гг. Главными качествами личности являются высокий уровень самостоятельности, постоянная готовность к переменам, расчет только на собственные силы, собственный опыт. Главная ценность для них — возможность выбора, человек сам должен выбирать вид работы. Лучшая работа для него та, которая позволяет проявить заложенные в нем творческие способности, широту и нестандартность мышления.

Поколение «Y» — люди, которые родились в 1983—2000 гг. На фоне бурного развития новых информационных, коммуникационных, цифровых технологий они великолепно ориентируются в компьютерных технологиях. Полагаются на себя, легко воспринимают новое. Они всеми силами пытаются продлить свою молодость, отсрочить факт взросления, стремятся быть квалифицированными в нескольких областях одновременно и изучать разностороннюю информацию.

Поколение «Z» — люди, которые родились после 2000-х гг., это дети поколения «X» и «Y». Они не представляют мир без цифровых технологий и Интернета, творческие, креативные, готовы разрушать устоявшиеся шаблоны, открывать новое и неизведанное, не задумываясь о комфорте и финансовом благополучии. Представители поколения «Z» делают то, что им нравится, невзирая на последствия [19].

Изучение доли определенного поколения в структуре рабочей силы в регионе может существенно повлиять на разработку управленческих решений на региональном рынке труда и должно учитываться при формировании государственного заказа на подготовку кадров и планировании к реализации крупных инвестиционных проектов, требующих привлечения специалистов разного уровня компетенций.

Методом ранжирования было выявлено, в каких субъектах Российской Федерации уровень образовательного потенциала молодых поколений повышался начиная с 2010 по 2021 г. При этом значимым является условие увеличения численности студентов вуза и присвоения статуса «опорный» университету, расположенному на территории субъекта Российской Федерации. Ис-

следование проводилось с использованием методов картографического и сравнительного анализа регионов России, методов рейтингования и типологизации регионов по уровню образовательного потенциала молодежи.

Результаты исследования

В результате реформ системы высшего образования в России за последние два десятилетия Министерством образования и науки Российской Федерации университеты страны были определены в следующие группы: федеральные, национальные исследовательские университеты, опорные вузы и государственные университеты (рис. 1). Первые федеральные университеты учреждены Правительством Российской Федерации в 2006 г. Национальные исследовательские университеты появились в 2009—2010 гг. Инициативная программа создания опорных университетов в регионах страны стартовала в начале 2016 г.

Из реализованных форм государственной поддержки университетов три имеют целевую ориентацию на развитие региональной экономики, внедрение инноваций и подготовку специалистов под потребности местного бизнеса. Наиболее масштабной стала программа формирования сети опорных университетов, которая за 2016—2017 гг. выделила вузы из 33 субъектов страны разных федеральных округов.

По оценкам экспертов, результаты сформированной сети опорных вузов к 2020 г. оказались неоднозначными. Авторы предлагают исследовать влияние осуществления деятельности опорного университета на формирование образовательного потенциала молодых групп населения как основы будущего социально-экономического развития территории.

Подход к оценке образовательного потенциала поколенческо-возрастных групп населения на основе данных Всероссийской переписи населения, представленный ранее авторами [20], позволил описать признаки неравенства российских регионов по уровню накопления образовательного потенциала молодыми группами населения к уровню 2010 г. Все российские регионы были проранжированы, и в результате проявились лидирующие территории, где отмечается высокий уровень прироста молодых людей в возрасте от 24 до 35 лет с уровнем высшего профессионального образования, — это Краснодарский край, Московская область, Республика Татарстан, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Башкортостан, Нижегородская и Ленинградская области, Ямало-Ненецкий АО, Республика Алтай, Ханты-Мансийский АО. Регионы обладают высокими показателями социально-экономического развития, характеризуются высокотехнологичным уровнем производства и высокой инвестиционной активностью. На этих территориях также замечено межуровневое взаимодействие образовательных организаций, производственного сектора и бизнеса, позволяющее координировать

спрос на образовательные услуги в соответствии с запросами производителей. К группе перспективных регионов было отнесено 27 субъектов, в которых создаются условия для накопления

образовательного потенциала молодых поколений, а остальные регионы заняли позиции ниже среднего, в 17 регионах проявилось снижение общего уровня образовательного потенциала.

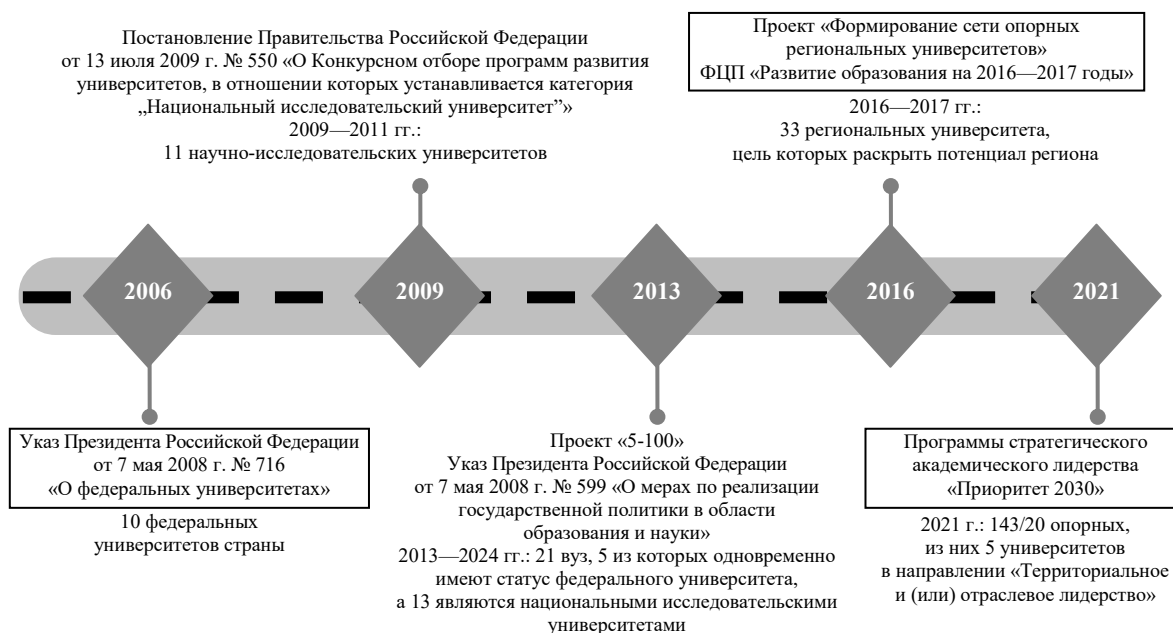

Рис. 1. Государственные инструменты, придающие статусность региональным университетам
State instruments that give status to regional universities

На дальнейшем этапе исследования была поставлена задача, которая должна определить, является ли тенденция устойчивой, а появление опорного университета в регионе усиливает ли эффект накопления образовательного потенциала молодежи с уровнем высшего профессионального образования.

В период с 2016 по 2018 г. 33 региона страны приступили к осуществлению программ развития опорных университетов по подготовке специалистов для нужд региональной экономики. В 2010 г. Республика Башкортостан, Тюменская, Челябинская, Нижегородская и Белгородская области обладали наиболее высокими значениями доли молодых групп с достигнутым уровнем высшего профессионального образования. Однако 18 регионов с низким значением уровня образовательного потенциала (Республика Карелия, Омская, Псковская и Костромская области) создали на своей территории университет с особым статусом — «опорный».

Пространственная характеристика сложившейся к 2020 г. сети опорных вузов страны проявляется в нескольких существенных признаках. Как можно заметить из картографического анализа (рис. 2), по численности студентов вузов на 10 000 населения из регионов с опорными вузами выделяются Томская, Омская, Орловская, Воронежская, Новосибирская области, а также Рес-

публика Татарстан. В 13 субъектах, на территории которых осуществляет свою деятельность опорный университет, наблюдается тенденция к росту численности студентов по сравнению с уровнем данного показателя в 2010 г. Конкуренцию с городскими агломерациями такими, как г. Москва и г. Санкт-Петербург, где расположены ведущие вузы страны, региональным вузам выдержать нелегко, и 16 регионов за этот период ухудшили свою позицию в рейтинге по показателю контингента студентов.

Доля охвата территории федеральных округов регионами с опорным вузом такова: Приволжский ФО — восемь вузов (57 % от общего количества субъектов округа), Южный ФО — четыре вуза (67 %), Северо-Западный — шесть вузов (60 %), Центральный ФО — семь вузов (39 %), Сибирский ФО — шесть вузов (50 %). В Уральском ФО доля охвата территории регионами с опорным вузом составила 16 %. Отметим, что сложившийся пространственный каркас опорных университетов в России характеризуется неравномерностью присутствия, что ограничивает потенциал инновационного и социально-экономического развития остальных регионов. Одной из причин этого является недостаточная активность самих региональных университетов в поиске ресурсов для саморазвития и участия в конкурсных программах государственной поддержки.

Рис. 2. Пространственная концентрация студентов, обучающихся по программам высшего профессионального образования, в разрезе субъектов Российской Федерации на 2020 г. (карта составлена по данным 2020 г. и не включает новые территории, вошедшие в состав субъектов Российской Федерации после 2020 г.)

The spatial concentration of students enrolled in higher professional education programmes by constituent entities of the Russian Federation for 2020 (the map is based on the data of 2020 and does not include new territories that became part of the constituent entities of the Russian Federation after 2020)

Изучение группы регионов с опорными университетами по показателю уровня образовательного потенциала в сравнении с результатами ранжирования по данным переписи населения в 2010 г. и 2020 г. показало, что для шести регионов страны существенных изменений за десятилетие не произошло; 17 регионов повысили свою позицию в уровне накопления образовательного потен-

циала молодых поколений. Среди них следует отметить Краснодарский край, Владимирскую, Ярославскую, Костромскую и Мурманскую области; 12 регионов ухудшили свою позицию в общем рейтинге: это Волгоградская, Томская, Саратовская, Новосибирская области и Республика Калмыкия (рис. 3).

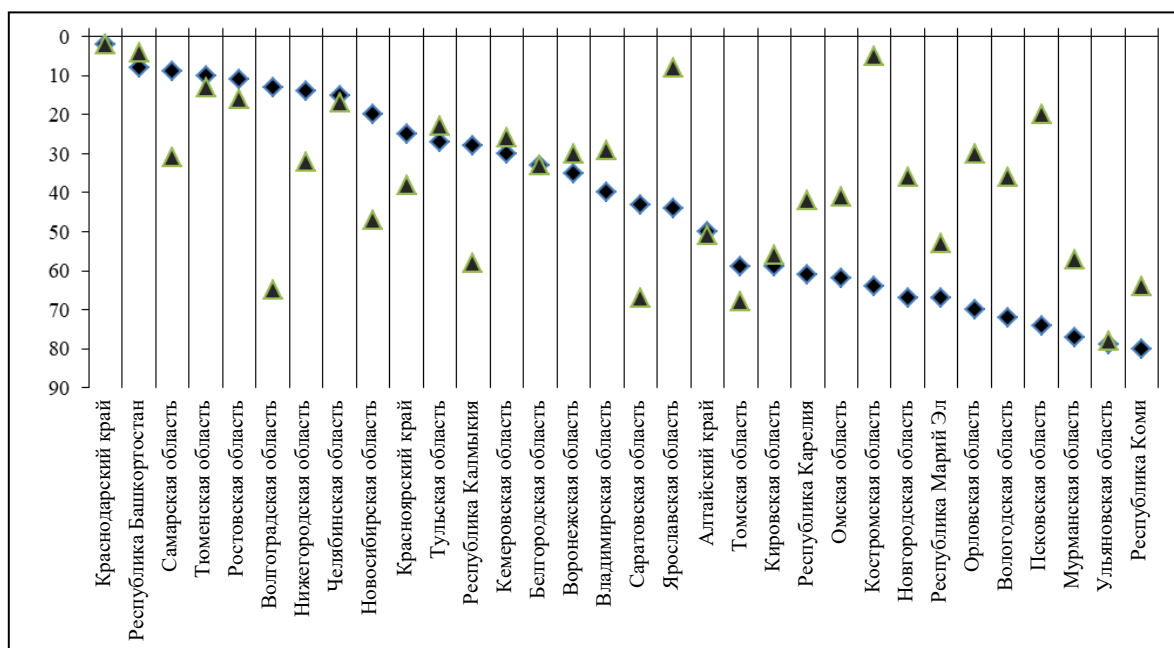

Рис. 3. Сравнительный анализ положения регионов с опорными вузами в рейтинге по уровню образовательного потенциала населения: ◆ — место региона в рейтинге 2010 г.; ▲ — место региона в рейтинге 2020 г.
The comparative analysis of the ranking position of regions with flagship universities by the level of educational potential of the population: ◆ — the region's position in the 2010 ranking; ▲ — the region's position in the 2020 ranking

Ключевым фактором изменений выступает образовательная миграция молодежи, как отмечают в своем исследовании Н. К. Габдрахманов, Л. Б. Карачурина, Н. В. Мкртчян, О. В. Лешуков: «в России молодежь в возрасте от 18—25 лет является наиболее мобильной группой населения» [21, с. 88]. И одной из важнейших причин этой миграции исследователи отмечают наличие вузов в региональных центрах, «позволяющих выбрать направление подготовки и постепенно, с малыми издержками, начинать процесс адаптации и закрепления в данном городе» [21, с. 116].

Реализация стратегии достижения определенного уровня образования людей в возрасте от 15—44 лет — одно из ключевых событий, определяющих материальный достаток, уровень и качество жизни человека и, следовательно, место его проживания [22 ; 23]. С этой позиции было интересно провести анализ регионов с опорными вузами во взаимозависимости от их значения в 2020 г. и определить место в рейтинге регионов по уровню накопленного образовательного потенциала и место региона в рейтинге по численности студентов вузов (см. рис. 3).

Данные результатов переписи населения в 2002 г., 2010 г. и 2020 г. по поколенческо-возрастным группам молодежи с уровнем достигнутого высшего образования были проанализированы к уровню предыдущего периода и проанжированы в порядке убывания в разрезе всех субъектов России. Сравнение положения регионов с опорными вузами в 2010 г. и 2020 г. (рис. 4) позволило провести их типологизацию по следующим признакам:

А — высокий уровень образовательного потенциала молодежи и высокая доля численности студентов: это девять регионов — Ростовская, Воронежская, Ярославская, Самарская, Тульская, Белгородская, Орловская и Омская области, Республика Калмыкия. Из них повысили свою позицию по отношению к уровню 2010 г. шесть субъектов, в которых образовательная миграция молодежи способствует ее концентрации в региональных центрах, т. е. в городе, являющемся и вузовским центром, и столицей своего региона с высокой концентрацией многообразных ресурсов.

В — высокий уровень образовательного потенциала молодежи и невысокая доля численности студентов: это 10 регионов — Краснодарский край, Республика Башкортостан, Волгоградская, Тюменская, Челябинская и Кемеровская области, Красноярский край. Из них повысили свою позицию по отношению к уровню 2010 г. шесть субъек-

етов, в том числе Костромская, Владимирская и Новгородская области за счет эффекта накопления образовательного потенциала молодежи.

С — низкий уровень образовательного потенциала населения, но высокая численность студентов вузов: семь регионов — Новосибирская область, Республика Марий Эл, Алтайский край, Саратовская, Томская и Ульяновская области. Из них свою позицию по отношению к уровню 2010 г. повысили только Алтайский край и Ульяновская область за счет привлечения на свою территорию большего числа студентов. Итак, регионы этой группы можно назвать «транзитами», т. е. они привлекают молодых людей в возрасте от 15—24 лет с целью получения диплома о высшем образовании, но их трудоустройство происходит в другом регионе [24].

Д — средний уровень образовательного потенциала населения и невысокая доля численности студентов: семь регионов — Псковская, Нижегородская и Мурманская области, Республика Карелия, Вологодская и Кировская области, Республика Коми. Из них повысили свою позицию по отношению к уровню 2010 г. пять субъектов за счет эффекта накопления образовательного потенциала молодыми поколенческо-возрастными группами населения.

С целью оценки роли статусного университета в развитии экономики региона было предложено провести сравнительный анализ показателей с условием: отдельно выделить столичные агломерации, отдельно выделить среднее значение по Российской Федерации, определить среднее значение для регионов с присутствием статусного вуза и среднее значение для остальных регионов.

Анализ динамики численности студентов вузов по определенным условиям за рассматриваемый 20-летний период показал, что на показатель в большей мере оказывает влияние демографический фактор — снижение доли молодежи в населении России, начиная с 2008 г. Группа регионов присутствия статусного вуза занимает позицию ниже показателя среднего по Российской Федерации и выше значения численности студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования на 10 000 человек для остальных регионов. Анализ динамики данного показателя (рис. 5) свидетельствует о том, что реализация программы создания опорных университетов в 2016—2018 гг. не оказала существенного влияния на рост численности студентов в регионах присутствия опорных университетов.

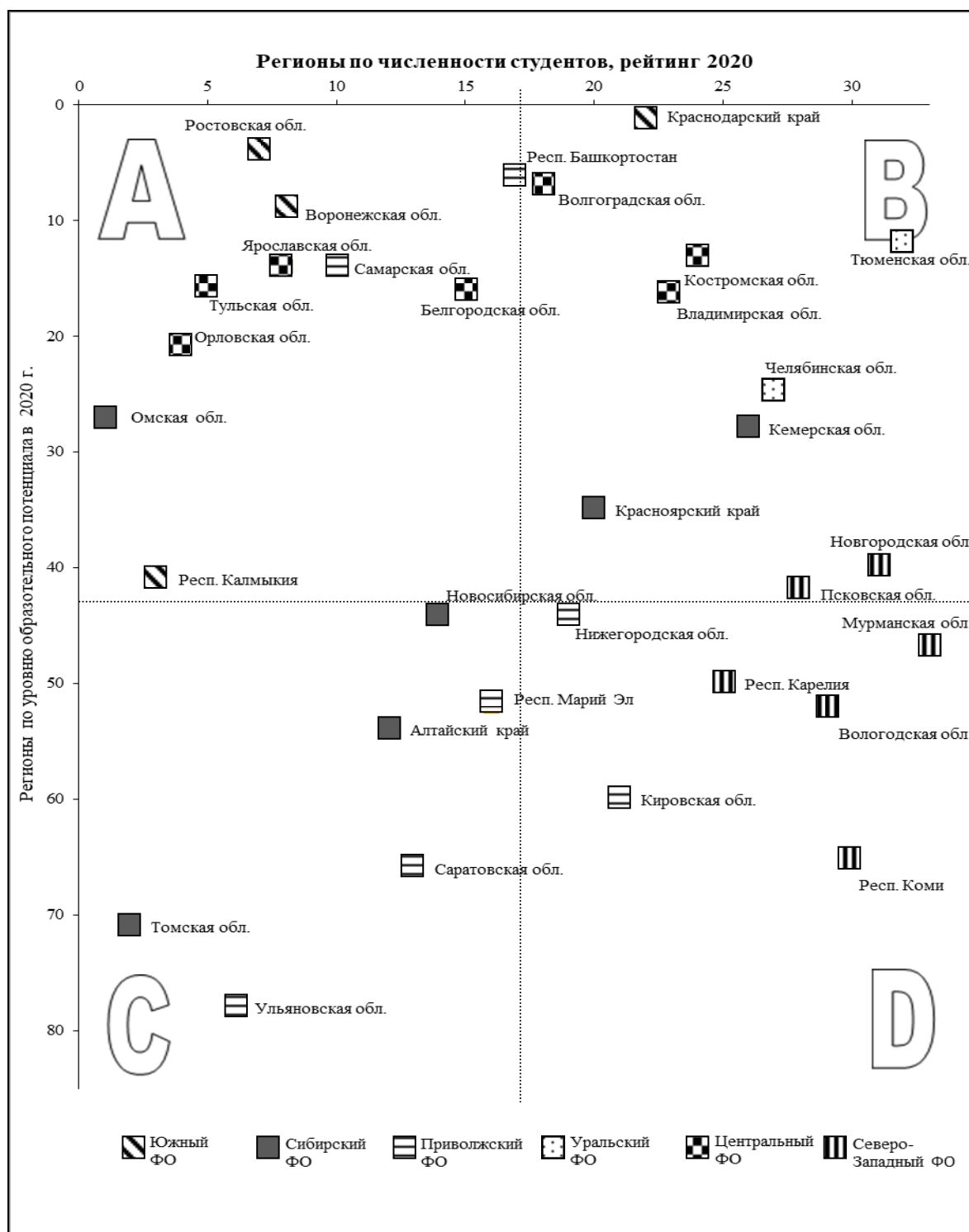

Рис. 4. Представление регионов с присутствием опорного университета в зависимости от уровня накопленного образовательного потенциала молодежи и численности студентов вузов
 Presentation of regions with the presence of a flagship university depending on the level of accumulated educational potential of young people from the number of university students

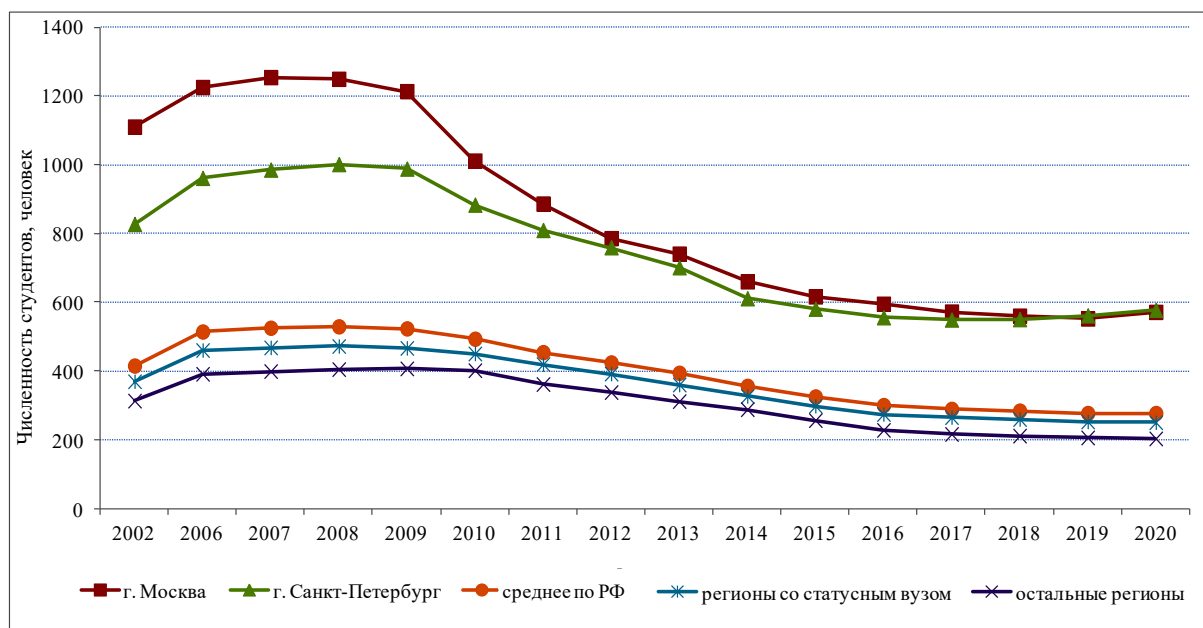

Рис. 5. Динамика показателя численности студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования на 10 000 человек
Dynamics of the number of students studying in higher education programs per 10,000 people

Анализ динамики основного экономического показателя (ВРП) на душу населения (рис. 6) показал, что, несмотря на общую схожую тенден-

цию, группа регионов с присутствием статусного университета на своей территории занимает позицию выше уровня группы остальных регионов.

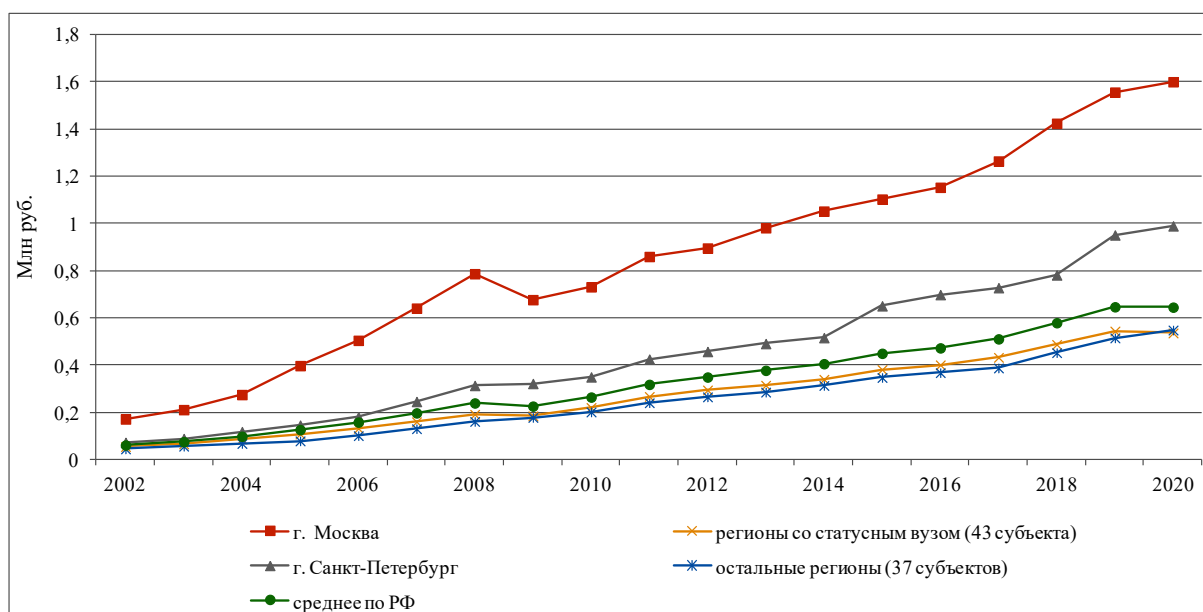

Рис. 6. Динамика роста ВРП на душу населения
Dynamics of growth of GRP per capita

Итак, за исследуемый период было отмечено, что присвоение статуса региональному университету не оказывает влияния на экономическое развитие субъекта Российской Федерации.

Заключение

Влияние реализации государственных инструментов реформирования системы высшего образования в стране не проявляется, когда мы проводим оценку в целом по средневзвешенным показателям. Однако, если рассматривать список ре-

гионов — участников той или иной государственной программы развития и поддержки организаций высшего образования, то эффекты влияния проявляются как по социальным, так и по экономическим показателям и зависят от ресурсных возможностей региона и его стремления к саморазвитию. Результаты позволяют отметить положительную динамику развития для территорий, в границах которых осуществлялась программа развития сети опорных вузов. Наличие позитивного тренда в показателях экономичес-

кого развития отдельных регионов можно объяснить повышением уровня эффективного взаимодействия региональных органов власти и региональной системы высшего образования. Результатом совместных усилий становится функционирование территориальной системы, способной к поиску и формированию направлений поддержки для осуществления инновационных проектов, основанных на использовании регионального потенциала.

Исследование тенденций развития опорных университетов и оценки их воздействия на показатели экономического развития территории позволили сформулировать следующие выводы.

Так, в настоящее время создан и развивается пространственный каркас статусных университетов России, который в первую очередь решает задачу доступности высшего образования, обеспечения государственного заказа на подготовку кадров для региональной экономики.

Оценка не проявила экономического эффекта влияния опорных университетов на развитие экономики страны в целом, но динамика развития отдельного региона во многом изменяется с принятием государственных программ совершенствования системы образования, оказывая влияние на формирование образовательного потенциала молодых поколений.

Основная задача региональных организаций высшего образования заключается в их эффективном функционировании, которое определяется уровнем взаимодействия с региональными органами власти для решения кадровых проблем по приоритетным направлениям регионального развития.

Статистическая оценка регионов по показателю численности студентов вузов определила, что значительная часть регионов с опорным университетом (20 из 33 регионов) успешно выполняет поставленные задачи, сохраняя и увеличивая контингент студентов в результате роста привлекательности самого вуза.

Сеть опорных университетов страны представляет собой пример успешной практики государственной политики развития образовательных систем. Положительным результатом является формирование условий доступности и качества профессионального образования для населения отдаленных от центра страны территорий. Увеличивается значение опорных вузов в инновационном, техническом развитии в процессе подготовки высокоспециализированных кадров для региональной экономики и социальной сферы. Полученные результаты исследования подтверждаются процессом вхождения 20 опорных вузов в программу государственной поддержки высшего образования «Приоритет 2030».

Список источников

1. Зиневич О. В., Балмасова Т. А. На пути модернизации: миссия университета в региональном развитии // Профессиональное образование в современном мире. 2018. Т. 8, № 3. С. 2000—2010. DOI: 10.15 372/PEMW20180305
2. Романенко К. Р., Лисюткин М. А. Университетские объединения в России: четыре волны образовательной политики // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21, № 3. С. 112—120.
3. Антонова Н. Л., Суценок А. Д., Попова Н. Г. «Мягкая сила» высшего образования как фактор мирового лидерства // Образование и наука. 2020. Т. 22, № 1. С. 31—58. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-1-31-58
4. Данейкин Ю. В., Иванова О. П., Зарецкая А. С. Влияние университетов на демографическое и социальное развитие регионов и рынок труда // Вопросы региональной экономики. 2021. Т. 3, № 48. С. 31—43. DOI:10.21499/2078-4023-48-3-31-43
5. Попов А. А., Глухов П. П. Влияние университетов на демографическое и социальное развитие регионов и рынок труда // Высшее образование в России. 2020. Т. 29, № 11. С. 75—87. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-11-75-87
6. Терещенко Д. С., Щербаков В. С. Место и роль вузов в инновационном развитии регионов России // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 12 (435). С. 213—230. DOI: 10.21684/2411-7897-2018-4-3-213-230
7. Пацюрковский В. В., Крехмалева О. В. Образование в цифровом обществе: региональный аспект // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19, № 3. С. 419—431. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-419-431
8. Лешуков О. В., Лисюткин М. А. Управление региональными системами высшего образования в России: возможные подходы // Университетское управление: практика и анализ. 2015. № 6. С. 29—40. DOI: 10.995/53264/1/UM_2015_6_004
9. Фрумин И. Д., Лешуков О. В. Типологизация региональных систем высшего образования в России // Федеральный справочник. Образование в России [информационно-аналитическое издание]. М. : АНО «Центр стратегических программ», 2016. Т. 11. С. 123—126.
10. Роль опорных университетов в регионе: модели трансформации / М. Ю. Барышникова, Е. В. Вашурина, Э. А. Шарыкина, Ю. Н. Сергеев, И. И. Чиннова // Вопросы образования. 2019. № 1. С. 8—43. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-1-8-43
11. Богуславский М. В., Неборский Е. В. Развитие конкурентоспособной системы высшего образования России: анализ проблемных факторов // Проблемы современного образования. 2017. № 2. С. 45—56.
12. Передерий М. В., Боровая Л. В. Региональные кластеры как инновационные системы: роль университетов // Друковский вестник. 2019. № 4. С. 286—296. DOI: 10.17213/2312-6469-2019-4-286-296
13. Романов Е. В. Оценка эффективности деятельности вузов: противоречия и парадоксы. Ч. 1 // Образование и наука. 2019. Т. 21, № 9. С. 9—48. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-9-9-48
14. Вашурина Е. В., Евдокимова Я. Ш., Овчинников М. Н. О некоторых подходах к разработке типологии российских вузов // Университетское управление: практика и анализ. 2014. № 4/5. С. 21—27.
15. Константинова А. В. Типологии и модели университетов в российской системе высшего профессионального образования // Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия. 2017. С. 16—22.

16. Проект «Национальный исследовательский университет» — драйвер российского высшего образования / А. В. Берестов, А. И. Гусева, В. М. Калашник, В. И. Каминский, С. В. Киреев, С. М. Садчиков // Высшее образование в России. 2020. Т. 29, № 6. С. 22—34. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-6-22-34>
17. Суровицкая Г. В. Сравнительная конкурентоспособность опорных университетов России // Университетское управление: практика и анализ. 2017. № 4 (110). С. 63—75.
18. Итоги реализации программ развития опорных университетов в 2016 году / И. В. Аржанова, А. Б. Ворон, Д. О. Дерман, Э. А. Дьячкова, А. В. Клягин // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21, № 4. С. 11—21. DOI: 10.15826/umpra.2017.04.045
19. Зайцева Н. А. Теория поколений: мы разные или одинаковые? // Российские регионы: взгляд в будущее. 2015. № 2 (3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-pokoleniy-my-raznye-ili-odinakovye> (дата обращения: 05.06.2024).
20. Потапшова О. В., Морошкина М. В. Статистическая оценка региональных различий субъектов РФ по уровню образовательного потенциала молодых поколений населения // Статистика и экономика. 2018. Т. 15, № 2. С. 38—48. DOI: 10.21686/2500-3925-2018-2-38-48
21. Образовательная миграция молодежи и оптимизация сети вузов в разных по размеру городах / Н. К. Габдрахманов, Л. Б. Карачурина, Н. В. Мкртчян, О. В. Лешуков // Вопросы образования. 2022. № 2. С. 88—116. DOI: 10.17323/1814-9545-2022-2-88-116
22. Габдрахманов Н. К., Никуфорова Н. Ю., Лешуков О. В. «От Волги до Енисея...»: образовательная миграция молодежи в России // Современная аналитика образования. 2019. № 5 (26). С. 4—42.
23. Образовательная миграция в регионах России: статистический подход / Е. А. Питухин, О. А. Зятева, Л. В. Щеголева, В. Е. Соколов // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 8—9. С. 48—69. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-48-69
24. Рудаков В. Н. Региональные различия в результативности трудоустройства выпускников вузов: информационно-аналитические материалы по результатам статистических и социологических обследований. М.: НИУ ВШЭ, 2021. № 2. С. 9.

References

1. Zinevich O.V., Balmasova T.A. Na puti modernizatsii: missiya universiteta v regional'nom razvitii [On the Way of Modernization: The University Mission in Regional Development], *Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire* [Professional Education in the Modern World], 2018, vol. 8, no. 3, pp. 2000—2010. DOI: 10.15372/PEMW20180305
2. Romanenko K.R., Lisyutkin M.A. Universitetskie ob'edineniya v Rossii: chetyre volny obrazovatel'noy politiki [University Mergers in Russia: Four Waves of Educational Policy], *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [University Management: Practice and Analysis], 2017, vol. 21, no. 3, pp. 112—120.
3. Antonova N.L., Sushchenko A.D., Popova N.G. «Myagkaya sila» vysshego obrazovaniya kak faktor mirovogo liderstva [Soft Power of Higher Education as a Global Leadership Factor], *Obrazovanie i nauka* [The Education and Science Journal], 2020, vol. 22, no. 1, pp. 31—58. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-1-31-58
4. Daneykin Yu.V., Ivanova O.P., Zaretskaya A.S. Vliyanie universitetov na demo-graficheskoe i sotsial'noe razvitiye regionov i rynek truda [The Influence of Universities on the Demographic and Social Development of Regions and the Labor Market], *Voprosy regional'noy ekonomiki* [Regional Economic Issues], 2021, vol. 3, no. 48, pp. 31—43. DOI: 10.21499/2078-4023-48-3-31-43
5. Popov A.A., Glukhov P.P. Vliyanie universitetov na demograficheskoe i sotsial'noe razvitiye regionov i rynek truda [The Role of Universities in the Competitiveness of Cities and Urban Agglomerations], *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2020, vol. 29, no. 11, pp. 75—87. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-11-75-87
6. Tereshchenko D.S., Shcherbakov V.S. Mesto i rol' vuzov v innovatsionnom razvitii regionov Rossii [The Position and Role of Universities in the Innovative Development of Russian Regions], *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 2016, no. 12 (435), pp. 213—230. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-4-3-213-230
7. Patsiorkovskiy V.V., Krukhmaleva O.V. Obrazovanie v tsifrovom obshchestve: regional'nyy aspekt [Education in Digital Society: A Regional Aspect], *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology], 2019, vol. 19, no. 3, pp. 419—431. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-419-431
8. Leshukov O.V., Lisyutkin M.A. Upravlenie regional'nymi sistemami vysshego obrazovaniya v Rossii: vozmozhnye podkhody [Governance of the Regional Higher Education Systems in Russia: Possible Approaches], *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [University Management: Practice and Analysis], 2015, no. 6, pp. 29—40. DOI: 10.995/53264/1/UM_2015_6_004
9. Frumin I.D., Leshukov O.V. Tipologizatsiya regional'nykh sistem vysshego obrazovaniya v Rossii [Typologization of Regional Systems of Higher Education in Russia], *Federal'nyy spravochnik. Obrazovanie v Rossii [informatsionno-analiticheskoe izdanie]* [Federal directory. Education in Russia (information and analytical edition)], Moscow, ANO «Tsentr strategicheskikh programm», 2016, vol. 11, pp. 123—126.
10. Baryshnikova M.Yu., Vashurina E.V., Sharykina E.A., Sergeev Yu.N., Chinnova I.I. Rol' opornykh universitetov v regione: modeli transformatsii [The Role of Flagship Universities in a Region: Transformation Models], *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies], 2019, no. 1, pp. 8—43. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-1-8-43
11. Boguslavskiy M.V., Neborskiy E.V. Razvitiye konkurentosposobnoy sistemy vysshego obrazovaniya Rossii: analiz problemnykh faktorov [Development of the Competitive System of Higher Education in Russia: The Problem Factors Analysis], *Problemy sovremennogo obrazovaniya* [Problems of Modern Education], 2017, no. 2, pp. 45—56.
12. Perederiy M.V., Borovaya L.V. Regional'nye klasteri kak innovatsionnye sistemy: rol' universitetov [Regional Clusters as Innovation Systems: The Role of Universities], *Drukerovskiy vestnik* [The Drucker Bulletin], 2019, no. 4, pp. 286—296. DOI: 10.17213/2312-6469-2019-4-286-296
13. Romanov E.V. Otsenka effektivnosti deyatelnosti vuzov: protivorechiya i paradoksy, part 1 [Efficiency Assessment of Higher Education Institutions: Contradictions and Paradoxes. Part I], *Obrazovanie i nauka* [The Education and Science Journal], 2019, vol. 21, no. 9, pp. 9—48. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-9-9-48

14. Vashurina E.V., Evdokimova Ya.Sh., Ovchinnikov M.N. O nekotorykh podkhodakh k razrabotke tipologii rossiyskikh vuzov [On Some Approaches to Developing a Typology of Russian Universities], *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [University Management: Practice and Analysis], 2014, no. 4/5, pp. 21–27.
15. Konstantinova A.V. Tipologii i modeli universitetov v rossiyskoy sisteme vysshego professional'nogo obrazovaniya [Typologies and Models of Universities in the Russian System of Higher Professional Education], *Nauchnyy forum: yurisprudentsiya, istoriya, sotsiologiya, politologiya i filosofiya* [Science Forum: Law, History, Sociology, Political Science and Philosophy], 2017, pp. 16–22.
16. Berestov A.V., Guseva A.I., Kalashnik V.M., Kaminskiy V.I., Kireev S.V., Sadchikov S.M. Proekt «Natsional'nyy issledovatel'skiy universitet» — drayver rossiyskogo vysshego obrazovaniya [[Project “National Research University” – Driver of Russian Higher Education], *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2020, vol. 29, no. 6, pp. 22–34. DOI: <https://doi.org/10.31192/0869-3617-2020-6-22-34>
17. Surovitskaya G.V. Sravnitel'naya konkurentosposobnost' opornykh universitetov Rossii [Comparative Competitiveness of Russian Flagship Universities], *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [University Management: Practice and Analysis], 2017, no. 4 (110), pp. 63–75.
18. Arzhanova I.V., Vorov A.B., Derman D.O., D'yachkova E.A., Klyagin A.V. Itogi realizatsii programm razvitiya opornykh universitetov v 2016 godu [Results of Pillar Universities Development Program Implementation for 2016], *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [University Management: Practice and Analysis], 2017, vol. 21, no. 4, pp. 11–21. DOI: 10.15826/umpa.2017.04.045
19. Zaytseva N. A. Teoriya pokoleniy: my raznye ili odinakovy? [Generational Theory: Are We Different or the Same?], *Rossiyskie regiony: vzglyad v budushchee* [Russian regions: looking into the future], 2015, no. 2 (3). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-pokoleniy-my-raznye-ili-odinakovye> (accessed: 05.06.2024).
20. Potasheva O. V., Moroshkina M. V. Statisticheskaya otsenka regional'nykh razlichiy sub"ektov RF po urovnyu obrazovatel'nogo potentsiala molodykh pokoleniy naseleniya [Statistical Estimation of Regional Differences in Regions of the Russian Federation in Terms of Educational Potential of Young Generations], *Statistika i ekonomika* [Statistics and Economics], 2018, vol. 15, no. 2, pp. 38–48. DOI: 10.21686/2500-3925-2018-2-38–48
21. Gabdrakhmanov N.K., Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V., Leshukov O.V. Obrazovatel'naya migratsiya molodezhi i optimizatsiya seti vuzov v raznykh po razmeru gorodakh [Educational Migration of Young People and Optimization of the Network of Universities in Cities of Different Sizes], *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies. Moscow], 2022, no. 2, pp. 88–116. DOI: 10.17323/1814-9545-2022-2-88-116
22. Gabdrakhmanov N. K., Nikiforova N. Yu., Leshukov O. V. «Ot Volgi do Eniseya...»: obrazovatel'naya migratsiya molodezhi v Rossii [Ot Volgi do Eniseya...: Educational Migration of Youth in Russia], *Sovremennaya analitika obrazovaniya* [Modern Education Analytics], 2019, no. 5 (26), pp. 4–42.
23. Pitukhin E.A., Zyateva O.A., Shchegoleva L.V., Sokolov V.E. Obrazovatel'naya migratsiya v regionakh Rossii: statisticheskiy podkhod [Educational Migration in Russian Regions: Statistical Approach], *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2023, vol. 32, no. 8–9, pp. 48–69. DOI: 10.31192/0869-3617-2023-32-8-9-48-69
24. Rudakov V.N. *Regional'nye razlichiya v rezul'tativnosti trudoustroystva vypusnikov vuzov : informatsionno-analiticheskie materialy po rezul'tatam statisticheskikh i sotsiologicheskikh obsledovaniy* [Regional Differences in the Employment Performance of University Graduates : Information and Analytical Materials Based on the Results of Statistical and Sociological Surveys], Moscow, NIU VShE, 2021, no. 2, p. 9.

Информация об авторах

Поташева Ольга Вячеславовна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Российская Федерация. E-mail: ovpotasheva79@gmail.com

Морошкина Марина Валерьевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Российская Федерация. E-mail: ovpotasheva79@gmail.com

Information about the authors

Olga V. Potasheva — Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Economics, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russian Federation. E-mail: ovpotasheva79@gmail.com

Marina V. Moroshkina — Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Economics, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russian Federation. E-mail: ovpotasheva79@gmail.com

Статья поступила в редакцию 05.06.2024; одобрена после рецензирования 30.07.2024; принята к публикации 31.08.2024.

The article was submitted 05.06.2024; approved after reviewing 30.07.2024; accepted for publication 31.08.2024.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ И ПРОЦЕССЫ

INFORMATION SYSTEMS AND PROCESSES

Развитие территорий. 2024. № 3. С. 40—50.
Territory Development. 2024;(3):40—50.

Информационные системы и процессы

Научная статья

УДК 004.03

<https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-3-40-50>

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИЕЙ КАК ИНСТРУМЕНТА ОПЕРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПЕРМАНЕНТНО ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ БИЗНЕС-СРЕДЫ

Александр Львович Куренков

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Российская Федерация, kurenkov.al@rea.ru

Аннотация. Современная цифровая трансформация является инструментом стратегического управления и призвана управлять комплексной модернизацией предприятия с целью сохранения и повышения его конкурентоспособности в условиях перманентно изменяющейся бизнес-среды. В то же время не осуществляется сквозная автоматизация производственных процессов планирования и реализации цифровой трансформации с учетом влияния изменчивости бизнес-среды, ее мониторинга и реакции на такие изменения. Подходы к управлению цифровой трансформацией теряют свою актуальность, не успевают за изменениями бизнес-среды, не учитывают текущие тенденции, а новые подходы требуют значительных вычислительных затрат. Эти обстоятельства делают актуальной задачу цифровизации процесса управления цифровой трансформацией в современных условиях. Целью настоящего исследования является попытка сформулировать функциональную архитектуру информационной системы управления цифровой трансформацией. Предметом исследования являются процессы цифровизации управления цифровой трансформацией коммерческих предприятий. В исследовании выполнен краткий анализ современных подходов к автоматизации цифровой трансформации, обоснована актуальность цифровизации процессов ее управления, определены методы, на основе которых она должна функционировать, а также границы ее применения, предложена функциональная архитектура и варианты ее реализации. Теоретическую базу исследования составляют труды отечественных и зарубежных ученых, организаций в предметной области. Методологическая база исследования включает методы системного анализа и синтеза, экономико-математического и организационно-экономического моделирования, оптимального управления, принятия решений в условиях неопределенности, экспертного оценивания альтернатив и др. Научная новизна исследования состоит в определении новых принципов автоматизации управления и реализации цифровой трансформации, позволяющих своевременно и оперативно реагировать на изменения бизнес-среды, прогнозировать их последствия. Практическая ценность состоит в возможности применения этих принципов при реализации цифровой трансформации для оперативного фиксирования и оценивания изменений внешней бизнес-среды, прогнозирования последствий таких изменений, сравнения различных траекторий реализации цифровой трансформации (с учетом прогностики), выбора оптимального варианта, повышения эффективности цифровой трансформации и, следовательно, общей эффективности коммерческой компании.

Ключевые слова: цифровая трансформация, автоматизация цифровой трансформации, изменения бизнес-среды

Для цитирования: Куренков А. Л. Функциональная архитектура информационной системы управления цифровой трансформацией как инструмента оперативного управления в условиях перманентно изменяющейся бизнес-среды // Развитие территорий. 2024. № 3. С. 40—50. <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-3-40-50>

FUNCTIONAL ARCHITECTURE OF THE INFORMATION SYSTEM OF DIGITAL TRANSFORMATION MANAGEMENT AS AN OPERATIVE MANAGEMENT TOOL IN A PERMANENTLY CHANGING BUSINESS ENVIRONMENT

Aleksandr L. Kurenkov

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation, kurenkov.al@rea.ru

Abstract. Modern digital transformation is a tool of strategic management and is designed to manage the complex modernisation of the enterprise in order to preserve and improve its competitiveness in a permanently changing business environment. At the same time, there is no end-to-end automation of production processes of planning and implementation of digital transformation, taking into account the impact of business environment variability, its monitoring and reaction to such changes. Approaches to digital transformation management lose their relevance, fail to keep up with changes in the business environment, do not take into account current trends, and new approaches require significant computational costs. These circumstances make the task of digitalisation of the digital transformation management process in modern conditions urgent. The purpose of this study is to attempt to formulate the functional architecture of the information system of digital transformation management. The subject of the study is the process of digitalisation of digital transformation management of commercial enterprises. The study provides a brief analysis of modern approaches to the automation of digital transformation, substantiates the relevance of digitalisation of its management processes, defines the methods on the basis of which it should function, as well as the boundaries of its application, proposes a functional architecture and options for its implementation. The theoretical basis of the research consists of the works of domestic and foreign scientists, organisations in the subject area. The methodological basis of the research includes methods of system analysis and synthesis, economic-mathematical and organisational-economic modelling, optimal management, decision-making in conditions of uncertainty, expert evaluation of alternatives and other. Scientific novelty of the research consists in the definition of new principles of automation of management and implementation of digital transformation, which allow to respond to changes in the business environment, to predict their consequences timely and promptly. Practical value consists in the possibility of applying these principles in the implementation of digital transformation for the rapid recording and evaluation of changes in the external business environment, forecasting the consequences of such changes, comparing different trajectories of digital transformation (taking into account the prognosis), selecting the best option, improving the efficiency of digital transformation and, consequently, the overall efficiency of the business.

Keywords: digital transformation, automation of digital transformation, business environment changes

For citation: Kurenkov A.L. Functional Architecture of the Information System of Digital Transformation Management as an Operative Management Tool in a Permanently Changing Business Environment. *Territory Development*. 2024;(3):40—50. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-3-40-50>

Введение

В расширенном виде, согласно Европейской комиссии (European Commission), цифровая трансформация определяется как значительные изменения во всех секторах экономики и общества в результате внедрения цифровых технологий [1]. Относительно организаций современное понятие цифровой трансформации, по мнению ряда авторов [2—4] и специалистов ведущих компаний (например, ITU [5], OECD [6], SAP [7]), заключается во внедрении новейших технологий одновременно в несколько областей деятельности этих организаций, повышающих эффективность работы в разы.

Некоторые авторы (например, Р. Исаев [8], А. Бхарадвадж [9], Е. Г. Потапова, П. М. Потеев, М. С. Шкляр [10]) и руководство ряда компаний (World Bank Group [11], SAP [7]) идут дальше и формулируют цифровую трансформацию как перестройку всего предприятия в целом, в котором современные технологии являются движущей частью глубокой модернизации. В связи с переходом предприятия, его продуктовой линейки, потребителей, конкурентов на цифровые продукты роль проведения цифровой трансформации все более и более возрастает.

Стратегическому управлению и роли информационных технологий в этом процессе посвящены труды целого ряда отечественных и ино-

странных авторов — А. Прохорова, Л. Коники [2], А. Бхарадвадж [9], Е. Потаповой, П. Потеева, М. Шкляр [10], Е. Кочеткова, А. Забавиной, М. Гафарова [12], А. Генкина, А. Михеева [13], А. Минов [14], А. Тапскотт [15], Р. Каплана, Д. Нортон [16], М. Портера [17], Д. Андерсон [18], Р. Моборна [19], М. Кулапова [20], Л. Никулина, О. Деменко [21], И. Денисова, Р. Потапова [22], К. Келли [23], Л. Лелу [24], С. Хардиди [25], П. Вайла, С. Ворнера [26], Б. Гарифуллина, В. Зябрикова [27], В. Орловского, В. Коровкина [28], В. Денисенко [29], А. Уринцова [30], О. Старовой [31], Н. Днепровской [32], М. Ценжарика, Ю. Крыловой, В. Стещенко [33], М. Зеленкова [34], В. Уколова [35], а также работы ученых ведущих компаний, таких как McKinsey [36], ITU [37] и др.). В целом следует отметить, что стратегия цифровой трансформации в прошлом и в некоторых случаях и сегодня часто воспринимается как вспомогательное направление общей стратегии развития предприятия. Она в основном направлена на внедрение передовых информационных технологий, решений и компонентов [2; 29; 33; 38; 39], а не на создание новой цифровой (полностью или частично) линейки продуктов, основанных на них, с последующей перестройкой модели работы предприятия для обеспечения выпуска, поддержки и продвижения конкурентоспособных продуктов. Реализация такой цифровой

трансформации предполагается в виде комплекса проектов, управляемых по методикам процессного управления с периодической (с горизонтом — месяцы и годы) отчетностью и оценкой эффективности, хотя для отдельных проектов используются гибкие методики на основе Agile.

Цифровая трансформация все чаще становится неотъемлемой частью стратегического управления коммерческими компаниями в условиях высокой конкуренции, ускоренного вывода на рынок новых продуктов, продиктованного конкуренцией и устойчивой тенденцией сжатия жизненного цикла продуктов, а также все большей ориентации продуктовой линейки на разнообразного массового потребителя с его уникальными изменяющимися во времени потребностями и предпочтениями. Итак, условия работы предприятий и проведения цифровой трансформации изменились, продолжают изменяться, а традиционные методы управления и оценки эффективности становятся менее актуальными и менее чувствительными к динамике и характеру изменений в бизнес-среде [40]. Однако, как считают некоторые авторы, эффективных новых методов управления цифровой трансформацией пока не разработано [11 ; 29 ; 33 ; 34 ; 41].

В целом деятельность предприятий сегодня основывается на работе различных средств для автоматизации и цифровизации отдельных этапов цифровой трансформации. Так, для управления проектами предприятия применяют различные профессиональные инструменты, которые автоматизируют процессный подход, включая построение сетевых графиков, планирование ресурсов и отслеживание хода реализации проектов; для ИТ-проектов — средства автоматизации Agile, Scrum и Kanban [42] в сочетании с различными инструментами для автоматизации этапов разработки и запуска прикладных программ, таких как DevSecOps CI CD; для моделирования ИТ-архитектуры и процессов — профессиональные инструменты (например, Business Studio в сочетании с модулем IT Architect или Camunda). Бизнес-аналитики и системные аналитики могут работать в многопользовательском режиме, а результаты их работы могут быть интегрированы в единый центр управления организацией и электронную базу знаний. Также может быть организовано управление изменениями и версиями всех объектов в ИТ-архитектуре и бизнес-архитектуре предприятия. В качестве нотации описания бизнес-процессов часто используют BPMN, показавшую на практике свою эффективность [8].

Сложность процессов проектирования, реализации и оценки эффективности современной цифровой трансформации предполагает использование новых подходов к управлению, а также средств автоматизации единого цикла управления цифровой трансформацией. При этом целесообразно сочетать новые подходы к управлению современной цифровой трансформацией с традиционными методиками управления в той области, в которой они не потеряли свою эффективность

и актуальность. Однако до сих пор не создана комплексная информационная система для автоматизации единого контура управления цифровой трансформацией на всем ее жизненном цикле.

Все это дает предпосылки к созданию единой системы управления всем жизненным циклом цифровой трансформации, базирующейся на принципах Методологии управления цифровой трансформацией (МУЦТ) коммерческих компаний [44—48], работающих в условиях перманентно изменяющейся бизнес-среды.

Управление цифровой трансформацией в современных условиях

Информационная система управления современной цифровой трансформацией должна быть ориентирована на коммерческие предприятия любой формы собственности. Область применения системы совпадает с областью применения МУЦТ. Границами применения является ориентация продукции компании не на адресного заказчика, а на массового потребителя (критерий доступности заказчика). Если предприятие имеет традиционного заказчика, пользователя, который специфицирован, имеет четкие требования, то традиционные методики управления и инструменты цифровизации с использованием методов управления по целям и КРП могут справиться с этой задачей достаточно эффективно. Однако, если отсутствует адресный заказчик с четкими требованиями, то продукты ориентируются на массового разнородного пользователя, и тогда управление целесообразно вести с использованием новых подходов, изложенных в МУЦТ. При этом отметим, что цифровая трансформация не ограничивается только изменениями в продуктовой линейке, она включает в себя цифровизацию общехозяйственной деятельности предприятия. Планирование и управление такой цифровизацией могут осуществляться с применением традиционных подходов к планированию и управлению проектами.

Для управления используется подход, в рамках которого каждый продукт продуктовой линейки предприятия проектируется, мониторится, оценивается и управляется отдельно. По сути, каждый продукт, его производство, развитие и продвижение рассматриваются как выделенный отдельный центр финансовой ответственности (ЦФО) — потенциальный центр прибыли. При этом меняется модель функционирования компании — ее единая, часто централизованная, функциональная административная структура распадается на отдельные ЦФО со своими отдельными командами. В рамках прежней структуры остаются только общие обеспечивающие подразделения, а также те централизованные функциональные блоки, которые связаны с продуктами компании, не подверженными цифровой трансформацией.

Деятельность отдельных ЦФО контролируется по общей эффективности развиваемого в их рамках продукта без вмешательства в детали внутреннего устройства работы их команды. Такой

подход управления позволяет сохранять гибкость работы и скорость адаптации к изменениям окружающей бизнес-среды, что позволяет сохранять конкурентоспособность продуктовой линейки и, следовательно, конкурентоспособность и эффективность компании в целом.

Для оценки, мониторинга и прогностики эффективности может использоваться единая типовая финансовая модель, разработанная для каждого предприятия и применяемая для каждого продукта из его продуктовой линейки.

Кроме расчета финансовой модели с инвестиционными показателями (NPV, PI, DPP, IRR) и их оперативного пересчета при изменениях бизнес-среды можно дополнительно формировать расширенную модель сбалансированных неденежных показателей эффективности продуктов, в том числе их востребованности клиентами, показателями эффективности продвижения и т. п.

Вместе с тем целесообразно дополнительно рассчитывать и мониторить общую оценку экономической эффективности цифровой трансформации для предприятия в целом — как комплексную финансовую модель и комплексную модель сбалансированных нефинансовых показателей.

Планирование и управление цифровой трансформацией ведет проектный офис предприятия, выведенный в отдельное подразделение с персоналом или сформированный по ролевому принципу с привлечением ключевых сотрудников из других профильных подразделений этого предприятия.

Факторы изменений внешней бизнес-среды фиксируются в отдельном реестре, где каждый фактор для каждого продукта связывается с набором показателей из финансовой модели продукта (параметры выручки или параметры себестоимости) и модели сбалансированных нефинансовых показателей продукта, на которые он влияет. В случае взаимного влияния факторов в реестре устанавливаются соответствующие связи.

Расчет эффективности в виде финансовой модели и модели сбалансированных показателей производится в нескольких вариантах: текущем и с учетом ряда прогнозов изменений факторов внешней среды. Прогнозы целесообразно делать исходя из статистики предыдущего изменения соответствующего фактора.

Для отслеживания изменений факторов внешней бизнес-среды, а также реакции пользователей (клиентов) продуктовой линейки целесообразно использовать систему онлайн-мониторинга.

Система мониторинга также определяет выход ключевых параметров экономической модели за определенные, заранее установленные рамки, что является сигналом для изменения функциональ-

но-технических параметров соответствующего продукта предприятия. При планировании развития продукта и формировании или изменении его функционально-технических характеристик целесообразно определять их влияние на соответствующие параметры модели экономической эффективности и модели сбалансированных нефинансовых показателей. При изменении внешней среды или фиксации отклика (реакции) пользователей на продукт система мониторинга и система учета функционально-технических характеристик продукта могут выработать рекомендации по их изменениям, а с учетом планов развития продукта — рекомендации по их корректировке.

Каждый продукт продуктовой линейки предприятия ведется как отдельная производственная единица со своим конвейером производства программных и аппаратных компонент.

Объектом информационной системы управления современной цифровой трансформацией являются процессы планирования, реализации и оценки эффективности цифровой трансформации коммерческих предприятий, а также процессы учета и управления архитектурой предприятия.

Целью цифровизации является создание единого цифрового контура для планирования и управления цифровой трансформацией (включая процессы мониторинга), что позволяет оперативно реагировать на изменения в бизнес-среде и восприятии пользователями продуктов компании, повышая эффективность и конкурентоспособность предприятия в целом.

Функциональная архитектура экспертной информационной системы управления цифровой трансформацией бизнес-процессов

Представим основных пользователей и их взаимодействие с информационной системой управления цифровой трансформацией (ИС УЦТ) (рис. 1).

Сервис аналитики изменений бизнес-среды назначает отдельный продукт, основанный на обезличенных данных, собираемых с согласия соответствующих заинтересованных лиц, и предназначен для хранения и аналитики типового перечня факторов изменений внешней бизнес-среды, истории их изменений и влияний на параметры эффективности различных компаний. Статистика позволит проводить прогностику характера изменений бизнес-среды и ее влияний на эффективность продуктовой линейки и компании в целом. Для прогностики целесообразно использовать инструменты машинного обучения.

Представим основные компоненты ИС УЦТ (рис. 2).

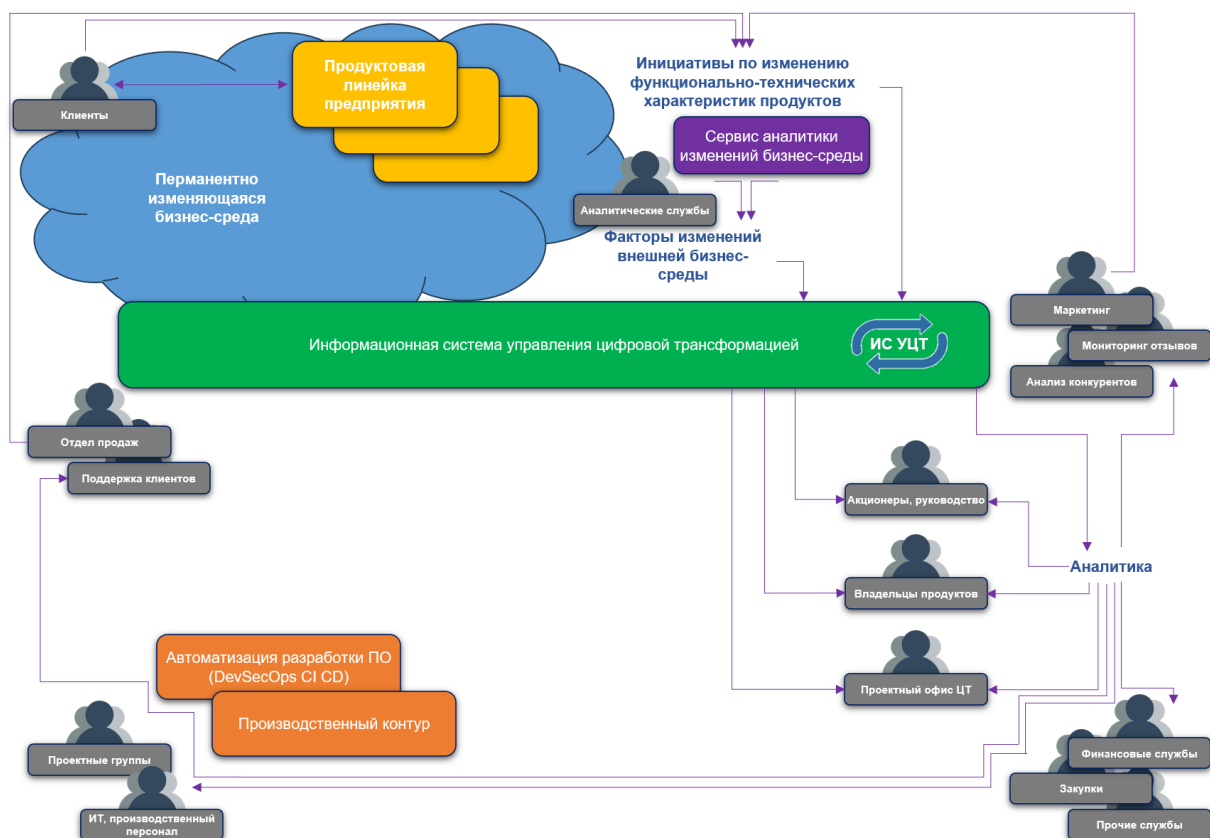

Рис. 1. Основные пользователи и их информационные потоки при взаимодействии с ИС УЦТ (разработано автором)
Main users and their information flows when interacting with the IS of DTM (developed by the author)

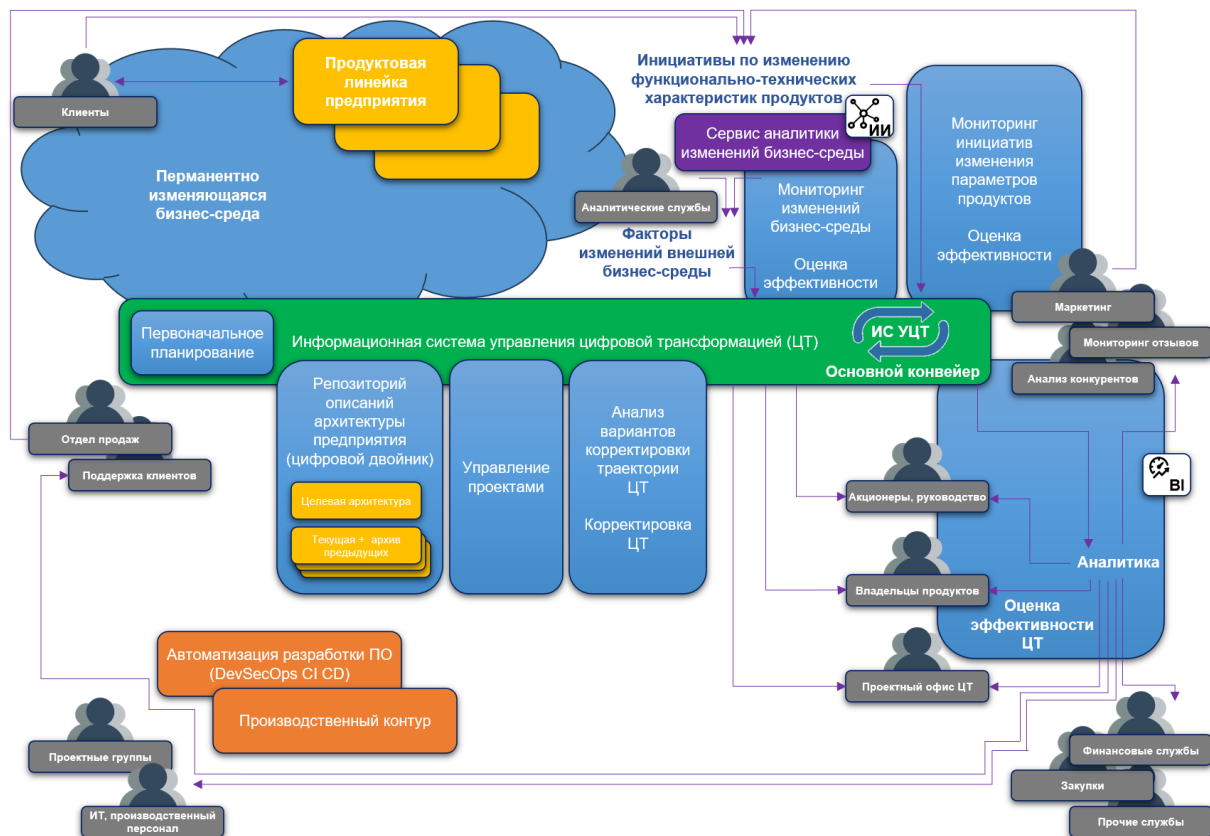

Рис. 2. Функциональная архитектура ИС УЦТ (разработано автором)
Functional architecture of the IS of DTM (developed by the author)

Крупноблочно ИС УЦТ состоит из следующих компонент: основного конвейера цифровой трансформации (ЦТ), модуля первоначального планирования, репозитория описаний архитектуры, управления проектами, модуля мониторинга изменений бизнес-среды, модуля мониторинга инициатив изменений параметров продуктов, модуля корректировки ЦТ, модуля аналитики.

Модуль «Основной конвейер» в информационной системе УЦТ играет ключевую роль в реализации сквозного процесса управления цифровой трансформацией предприятия. Его функциональность проявляется с первоначального этапа планирования цифровой трансформации и простирается через все этапы ее реализации, включая корректировки ее траектории выполнения и заканчивается оценкой эффективности достигнутых результатов (как промежуточных, так и финальных). Этот модуль также отвечает за обмен данными между различными компонентами информационной системы УЦТ, обеспечивая целостность и связь между различными этапами и аспектами управления цифровой трансформацией. Путем обмена информацией между компонентами системы данный модуль обеспечивает согласованность и эффективность процесса управления цифровой трансформацией, что позволяет предприятию оперативно реагировать на изменения и достигать поставленных целей в области цифровизации и развития бизнеса.

Модуль первоначального планирования в информационной системе УЦТ предназначен для ввода, учета и хранения данных, связанных с первоначальным этапом планирования цифровой трансформации предприятия. Этот модуль обеспечивает возможность структурированного ввода информации о целях, стратегии, задачах, ресурсах, сроках и других важных аспектах планирования цифровой трансформации. В рамках модуля первоначального планирования могут быть определены ключевые этапы и шаги, необходимые для успешной реализации цифровой трансформации (первая редакция, изменяющаяся впоследствии при реализации трансформации по мере реакции на изменения внешней бизнес-среды и предпочтений пользовательской аудитории). Таким образом, модуль первоначального планирования играет важную роль в обеспечении структурированного подхода к начальному этапу управления цифровой трансформацией и является отправной точкой ее реализации.

Репозиторий описаний архитектуры является важной частью информационной системы управления цифровой трансформацией. Его основная цель — хранение и учет версий архитектур предприятия (цифровой двойник), включая следующие аспекты:

— ведение текущей целевой архитектуры — описание архитектуры предприятия, которая должна быть достигнута в результате цифровой трансформации, отражающей желаемое состояние предприятия после внедрения изменений в том виде, в котором она представляется на текущий

момент (целевая архитектура может изменяться по мере реализации цифровой трансформации, реагируя на изменения окружения предприятия);

— ведение текущей архитектуры — описание текущего состояния архитектуры предприятия с учетом реализованной части цифровой трансформации (сравнение текущей и целевой архитектур помогает понять разрывы и необходимые шаги для достижения желаемого состояния — траектории реализации оставшейся части цифровой трансформации);

— ведение истории изменений (репозиторий также содержит информацию обо всех изменениях, которые произошли в архитектуре предприятия со временем. Это позволяет отслеживать эволюцию архитектуры и понимать, какие решения привели к текущему состоянию);

— варианты корректировок траектории (репозиторий может включать в себя различные варианты корректировок траектории реализации цифровой трансформации. Это позволяет анализировать варианты и выбирать оптимальные решения для достижения поставленных целей).

Модуль «управление проектами» в рамках информационной системы управления цифровой трансформацией предназначен для цифровизации детального оперативного управления проектами, которые входят в план проектов предприятия. Он также учитывает укрупненные стадии и реперные точки, определенные в модуле «основной конвейер».

Цифровая трансформация как инструмент стратегического управления предприятием в современных условиях должна оперативно учитывать перманентные изменения окружающей бизнес-среды, оценивать их влияние на бизнес компании, ее конкурентоспособность, своевременно корректировать траекторию выполнения проектов цифровой трансформации. Для коммерческой компании ее эффективность и конкурентоспособность обеспечиваются эффективностью и конкурентоспособностью ее продуктовой линейки. Соответственно, эффективность предприятия в целом, его конкурентоспособность, эффективность цифровой трансформации складываются из эффективности отдельных продуктов. Исходя из этого, влияние изменений бизнес-среды на эффективность и конкурентоспособность целесообразно измерять в виде оценки эффективности каждого отдельного продукта или предприятия в целом. Такое влияние можно учитывать как соответствующее приращение параметров моделей расчета экономической эффективности и модели расчета нефинансовых показателей эффективности. Для каждого параметра моделей совокупное влияние факторов изменчивости бизнес-среды можно учитывать как поправочный коэффициент к приращению соответствующего параметра, отражающий вероятность события (приращения параметра). Сам коэффициент рассчитывается с учетом адаптированного к предметной области математического аппарата построения деревьев причин (деревьев отказов, неисправностей) [49—52].

Модуль мониторинга инициатив изменений параметра продуктов компании должен работать аналогичным образом с модулем мониторинга изменений бизнес-среды с той разницей, что в качестве исходных факторов изменений берутся не факторы изменений бизнес-среды, а наиболее весомые или трудоемкие, дорогие в реализации инициативы по изменению функционально-технических параметров продуктов компании.

Модуль корректировки цифровой трансформации является одним из ключевых компонент ИС УЦТ. Он предназначен для осуществления корректировок траектории реализации цифровой трансформации предприятия на основе данных мониторинга и расчетов эффективности различных альтернативных траекторий. Модуль должен проводить расчеты и анализ различных альтернативных траекторий реализации цифровой трансформации. Это позволяет оценить потенциальные выгоды, риски и последствия для предприятия. На основе анализа данных и расчетов эффективности модуль должен поддерживать процесс принятия решений о необходимости и характере корректировок в траектории цифровой трансформации. Модуль должен предусматривать возможность документирования всех корректировок в траектории цифровой трансформации, включая описание изменений, причины и последствия. После принятия решения о корректировке модуль должен обеспечить загрузку изменений в основной конвейер информационной системы УЦТ, чтобы обеспечить их реализацию и согласованность с общим планом цифровой трансформации. Таким образом, модуль корректировки цифровой трансформации играет важную роль в обеспечении гибкости и адаптивности процесса цифровой трансформации предприятия, позволяя эффективно реагировать на изменяющиеся условия и цели бизнеса.

Модуль аналитики ИС УЦТ представляет собой классическую BI-систему, интегрированную с другими модулями ИС УЦТ.

Заключение

Современные предприятия вынуждены работать в условиях перманентно изменяющейся бизнес-среды, обусловленной накоплением потенциала информационных технологий, которые по

закону диалектики перехода количественных изменений в качественные изменяют не только технологические возможности самого предприятия (новый технологический уклад), но и поведенческие паттерны клиентской среды, для которой стали доступны мощности передовых технологий в виде сервисов и компонент, не требующих от пользователя специальных навыков. Это, в свою очередь, меняет не только производственный контур и возможности по выпуску новых продуктов, но и подходы к их реализации и развитию. Наблюдается ускорение жизненного цикла продуктов и обострение конкуренции. В совокупности данные факторы подстегивают изменение общей экономической ситуации, развивают мировой экономический кризис.

В этих условиях старые, традиционные методики управления цифровой трансформацией теряют свою актуальность, а сама цифровая трансформация, в свою очередь, приобретает все большее значение для конкурентоспособности предприятия.

Кроме того, актуализируется задача построения единого цикла управления цифровой трансформацией современной коммерческой компании, учитывающей реалии ее работы, мониторингающей ее бизнес-окружение и оперативно реагирующей (с прогностикой вариантов развития событий) на изменения бизнес-среды и предпочтений пользовательской аудитории.

В статье также предложены границы применения новых подходов автоматизации управления цифровой трансформацией, определена функциональная архитектура единой системы управления, ее компоненты и их основные задачи. Научная новизна работы состоит в разработке архитектуры компонент единой системы, позволяющей применить новые принципы управления цифровой трансформацией. При этом предложенные подходы позволяют коммерческому предприятию оперативно получать оценку влияния внешней бизнес-среды, учитывать влияние инициатив изменений функционально-технических характеристик продуктовой линейки и с учетом этих влияний оценить (прогнозировать) эффективность продуктовой линейки и коммерческого предприятия в целом, а также оперативно корректировать развитие продуктовой линейки и прогнозировать оценку эффективности таких действий.

Список источников

1. *European Commission*. Digital transformation in transport, construction, energy, government and public administration. URL: <https://ec.europa.eu/jrc/en/publication/eur-scientific-and-technical-research-219> (дата обращения: 10.04.2023).
2. Прохоров А., Коник Л. Цифровая трансформация. Анализ, тренды, мировой опыт. 2-е изд., испр. и доп. М.: КомНьюс Групп, 2019. 368 с.
3. Степанов Д. Ю. Цифровизация и корпоративные информационные системы // Корпоративные информационные системы. 2021. № 4 (16). URL: <https://corpinfosys.ru/archive/2021/issue-16/121-2021-16-digitalizationerp> (дата обращения: 06.06.2023).
4. *How big old companies navigate digital transformation* / I. Sebastian, M. Mocker, J. Ross, K. Moloney, C. Beath, N. Fonstad // MIS Quarterly Executive. 2017. № 3. С. 197—213.
5. *ITU*. Accelerating digital transformation: good practices for developing, driving and accelerating ict centric innovation ecosystems in Europe. URL: <https://www.itu.int/myitu/-/media/Publications/2018-Publications/BDT-2018/Accelerating-Digital-Transformation.pdf> (дата обращения: 24.03.2021).

6. *OECD*. Measuring the digital transformation: A roadmap for the future. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/9789264311992-en/> (дата обращения: 19.03.2021).
7. *SAP*. Что такое цифровая трансформация? URL: <https://www.sap.com/cis/insights/what-is-digital-transformation.html> (дата обращения: 12.04.2023).
8. *Исаев Р.* От процессного управления к цифровой трансформации и ИТ-процессам. Версия 2.0. URL: https://www.businessstudio.ru/articles/article/ot_protessnogo_upravleniya_k_tsifrovoy_transformacii_isaev/ (дата обращения: 12.04.2023).
9. *Digital business strategy: toward a next generation of insights* / A. Bharadwaj, O. Sawy, R. Pavlou, N. Venkatraman // *MIS Quarterly*. 2013. № 2. С. 471—482. DOI: 10.25300/MISQ/2013/37:2.3
10. *Стратегия цифровой трансформации: написать, чтобы выполнить* / под ред. Е. Г. Потаповой, П. М. Потеева, М. С. Шклярук. М. : РАНХиГС, 2021. 184 с.
11. *World Bank Group*. Конкуренция в цифровую эпоху: стратегические вызовы для Российской Федерации. URL: <https://openknowl-edge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/30584/AUS0000158-RU> (дата обращения: 24.03.2021).
12. *Кочетков Е. П., Забавина А. А., Гафаров М. Г.* Цифровая трансформация компаний как инструмент антикризисного управления: эмпирическая оценка влияния на эффективность // *Стратегические решения и риск-менеджмент*. 2021. Т. 12, № 1. С. 68—81. DOI: 10.17747/2618-947X-2021-1-68-81
13. *Генкин А., Михеев А.* Блокчейн. Как это работает и что ждет нас завтра. М. : Альпина-Паблишер, 2018. 592 с.
14. *Минов А., Кирюшин С., Борисов Е.* Цифровизация и цифровая трансформация. URL: https://4cio.ru/content/_os.pdf (дата обращения: 11.04.2023).
15. *Тапскотт А., Тапскотт Д.* Технология блокчейн — то, что движет финансовой революцией сегодня. М. : Эксмо, 2017. 448 с.
16. *Каплан Р., Нортон Д.* Стратегическое единство. Создание синергии организации с помощью сбалансированной системы показателей. М. : Вильямс, 2006. 384 с.
17. *Портер М., Хампелманн Дж.* Революция в производстве. *Harvard Business Review*. Россия. М., 2018. С. 3—16.
18. *Андерсон Дж. У.* Лучшие практики внедрения SAP. М. : Лори, 2014. 640 с.
19. *Моборн Р., Чан К.* Переход к голубому океану. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2018. 336 с.
20. *Кулапов М. Н., Варфоломеев В. П., Карасев П. А.* Технологические аспекты теории управления инновационными процессами: системный анализ и подходы к моделированию // *Дружковский вестник*. 2018. № 3 (23). С. 82—100.
21. *Никулин Л. Ф., Деменко О. Г.* «Четвертая парадигма» и менеджмент // *Научно-аналитический журнал «Наука и практика Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова»*. 2018. № 1 (29). С. 48—63.
22. *Денисов И. В., Потапов Р. А.* Становление и развитие менеджера // *Научно-аналитический журнал «Наука и практика Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова»*. 2017. № 2 (26). С. 28—33.
23. *Келли К.* Неизбежное. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2017. 352 с.
24. *Лелу Л.* Блокчейн от А до Я. Все о технологии десятилетия. М. : Эксмо, 2018. 154 с.
25. *Хардион С.* Internet definition history. URL: <http://www.hpssociety.info/news/internet-definition-history.html>. (дата обращения: 08.03.2023).
26. *Вайл П., Ворнер С.* Цифровая трансформация бизнеса. Изменение бизнес-модели для организации нового поколения / пер. с англ. М. : Альпина Паблишер, 2019. URL: <https://hse.alpinadigital.ru/book/18612#login> (дата обращения: 06.06.2023).
27. *Гарифуллин Б. М., Зябриков В. В.* Цифровая трансформация бизнеса: модели и алгоритмы // *Креативная экономика*. 2018. № 9. С. 1345—1358.
28. *Орловский В., Коровкин В.* От носорога к единорогу. Как управлять корпорациями в эпоху цифровой трансформации. М. : Эксмо, 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-kompaniy-kak-instrument-antikrizisnogo-upravleniya-empiricheskaya-otsenka-vliyaniya-na-effektivnost/viewer> (дата обращения: 06.06.2023).
29. *Денисенко В. Ю.* Мониторинг эффектов цифровых продуктов в условиях цифровой трансформации промышленных предприятий // *Креативная экономика*. 2021. Т. 15, № 5. С. 1715—1724. DOI: 10.18334/ce.15.5.11
30. *Уринцов А. И.* Некоторые актуальные вопросы совершенствования системы управления субъектом экономики // *Актуальные вопросы управления деятельностью различных отраслей : материалы научно-практической конференции*. 2006. С. 7—10.
31. *Уринцов А. И., Староверова О. В.* Инструментальные средства адаптации хозяйствующих субъектов к цифровой экономике. М. : РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2019. С. 164.
32. *Днепровская Н.* Формирование инновационной среды цифровой экономики : дис. ... д-ра экон. наук. М., 2020.
33. *Ценжарик М. К., Крылова Ю. В., Стещенко В. И.* Цифровая трансформация компаний: стратегический анализ, факторы влияния и модели // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. 2020. Т. 36, вып. 3. С. 390—420.
34. *Зеленков М. Ю.* Критерии и методы оценки эффективности цифровизации управления транспортно-логистическими системами // *Тренды и управление*. 2019. № 2. С. 76—90.
35. *Уколов В. Ф., Афанасьев В. Я., Черкасов В. В.* Ключевые эффекты цифровизации и возможные потери // *Вестник университета*. 2019. № 8. С. 55—58.
36. *McKinsey & Company*. How COVID-19 Has Pushed companies over the technology tipping point — and Transformed Business Forever. URL: <https://www.mckinsey.com/NotFound.aspx?item=%2fcapabilities%2fstrategy-and-corporate-finance%2four-insights%2fhow-covid-19-has-pushed-companies-over-the-technology-tipping-point-and-transformed-business-forever&user=extranet%5cAnonymous&site=website> (дата обращения: 11.03.2023).
37. *ITU*. Digital transformation and the role of enterprise architecture. URL: https://www.itu.int/pub/D-STR-DIG_TRANSF-2019 (дата обращения: 10.04.2023).
38. *Цифровая трансформация отраслей: стартовые условия и приоритеты* : докл. к XXII Апрельской Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества / Г. И. Абдрахманова, К. Б. Быховский, Н. Н. Веселитская, К. О. Вишневецкий, Л. М. Гохберг, П. Б. Рудник и др. М. : Высшая школа экономики, 2021. 239 с.
39. *Кафиятуллина Ю. Н., Курочкин Д. А., Сердечный Д. В.* Принципы цифровой трансформации бизнеса в современных условиях. Ч. 1 // *Вестник университета*. 2022. № 6. С. 74—82.

40. Куренков А. Л. Цифровизация стратегического планирования на предприятиях корпоративного сектора экономики России в условиях permanently изменяющейся бизнес-среды. М. : РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2023. 112 с.
41. Кокуйцева Т. В., Овчинникова О. П. Методические подходы к оценке эффективности цифровой трансформации предприятий высокотехнологических отраслей промышленности // Креативная экономика. 2021. Т. 15, № 6. С. 2413—2430.
42. *ScrumTrek*. Исследования Agile в России — результаты 2022 года. 2022. URL: https://agilesurvey.ru/report22?utm_campaign=agilesurvey_report22 (дата обращения: 19.04.2023).
43. Куренков А. Л. Мониторинг выполнения цифровой трансформации предприятий коммерческого сектора экономики в условиях permanently изменяющейся бизнес-среды // Инновации и инвестиции. 2023. № 11. С. 538—541.
44. Куренков А. Л. Оценка эффективности цифровой трансформации предприятий коммерческого сектора экономики: современные реалии и особенности // Инновации и инвестиции. 2023. № 9. С. 134—137.
45. Куренков А. Л. Предпосылки к созданию и основные подходы методологии управления цифровой трансформацией коммерческих предприятий // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации : материалы X Междунар. конф. аспирантов и молодых ученых, Витебск, 8 декабря 2023 г. / Витебский государственный университет ; редкол.: Е. Я. Аршанский (гл. ред.) [и др.]. Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2023. 290 с.
46. Куренков А. Л. Продуктовый подход в планировании и управлении цифровой трансформацией предприятий коммерческого сектора экономики в условиях permanently изменяющейся бизнес-среды // Инновации и инвестиции. 2023. № 10. С. 152—155.
47. Куренков А. Л. Учет влияния изменений характеристик продукта на эффективность цифровой трансформации предприятий коммерческого сектора экономики в условиях permanently изменяющейся бизнес-среды // Инновации и инвестиции. 2023. № 12. С. 349—351.
48. Куренков А. Л. Предпосылки и направления развития информационных систем планирования и управления цифровой трансформацией предприятий коммерческого сектора экономики // Инновации и инвестиции. 2023. № 8. С. 129—132.
49. Осипова Н. А. Методы построения дерева событий и дерева отказов. URL: <https://ppt-online.org/48768> (дата обращения: 15.09.2023).
50. ГОСТ Р 27.302-2009. Анализ дерева неисправностей. URL: <https://meganorm.ru/Data2/1/4293814/4293814089.htm> (дата обращения: 15.09.2023).
51. *ITExpert*. Дерево отказов как метод структурного анализа FTA. Примеры внедрения. URL: <https://www.itexpert.ru/rus/biblio/detail.php?ID=16266> (дата обращения: 15.09.2023).
52. *FMEA*. Анализ видов и последствий потенциальных отказов. Ссылочное руководство : пер. с англ. Н. Новгород : Приоритет, 2012. 282 с.

References

1. European Commission. *Digital transformation in transport, construction, energy, gov-ernment and public administration*. Available at: <https://ec.europa.eu/jrc/en/publication/eur-scientific-and-technical-research-219> (accessed: 10.04.2023).
2. Prokhorov A., Konik L. *Tsifrovaya transformatsiya. Analiz, trendy, mirovoy opyt* [Digital Transformation. Analysis, Trends, Global Experience], ed. 2. Moscow, KomN'yus Grup, 2019, 368 p.
3. Stepanov D.Yu. *Tsifrovizatsiya i korporativnye informatsionnye sistemy, Korporativnye informatsionnye sistemy* [Digitalisation and Corporate Information Systems], 2021, no. 4 (16). Available at: <https://corpinfosys.ru/archive/2021/issue-16/121-2021-16-digitalizationerp> (accessed: 06.06.2023).
4. Sebastian I., Mocker M., Ross J., Moloney K., Beath C., Fonstad N. How big old companies navigate digital transformation, *MIS Quarterly Executive*, 2017, no. 3, pp. 197–213.
5. ITU. *Accelerating digital transformation: good practices for developing, driving and accelerating ict centric innovation ecosystems in Europe*. Available at: <https://www.itu.int/myitu/-/media/Publications/2018-Publications/BDT-2018/Accelerating-Digital-Transformation.pdf> (accessed: 24.03.2021).
6. OECD. *Measuring the digital transformation: A roadmap for the future*. Available at: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/9789264311992-en/> (accessed: 19.03.2021).
7. SAP. *Chto takoe tsifrovaya transformatsiya?* [SAP. What Is Digital transformation?]. Available at: <https://www.sap.com/cis/insights/what-is-digital-transformation.html> (accessed: 12.04.2023).
8. Isaev R. *Ot protsessnogo upravleniya k tsifrovoy transformatsii i IT-protssessam*. Versiya 2.0. [From Process Management to Digital Transformation and IT Processes. Version 2.0]. Available at: https://www.businessstudio.ru/articles/article/ot_protssessnogo_upravleniya_k_tsifrovoy_transformatsii_isaev/ (accessed: 12.04.2023).
9. Bharadwaj A., Sawy O., Pavlou R., Venkatraman N. Digital business strategy: toward a next generation of insights, *MIS Quarterly*, 2013, no. 2, pp. 471–482. DOI: 10.25300/MISQ/2013/37:2.3
10. Potapova E.G., Poteev P.M., Shklyaruk M.S. (eds.). *Strategiya tsifrovoy transformatsii: napisat', chtoby vypolnit'* [Digital Transformation Strategy: Write to Execute]. Moscow, RANKhiGS, 2021, 184 p.
11. World Bank Group. *Konkurentsia v tsifrovuyu epokhu: strategicheskie vyzovy dlya Rossiyskoy Federatsii* [Competition in the Digital Age: Strategic Challenges for the Russian Federation]. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/30584/AUS0000158-RU> (accessed: 24.03.2021).
12. Kochetkov E.P., Zabavina A.A., Gafarov M.G. *Tsifrovaya transformatsiya kompaniy kak instrument antikrizisnogo upravleniya: empiricheskaya otsenka vliyaniya na effektivnost'* [Digital Transformation of Companies as a Tool of Crisis Management: An Empirical Research of the Impact on Efficiency], *Strategicheskie resheniya i risk-menedzhment* [Strategic Decisions and Risk Management], 2021, vol. 12, no. 1, pp. 68–81. DOI: 10.17747/2618-947X-2021-1-68-81
13. Genkin A., Mikhhev A. *Blokcheyn. Kak eto rabotaet i chto zhdet nas zavtra* [Blockchain. How it works and what awaits us tomorrow]. Moscow, Al'pina Publisher, 2018, 592 p.
14. Minov A., Kiryushin S., Borisov E. *Tsifrovizatsiya i tsifrovaya transformatsiya* [Digitalisation and Digital Transformation]. Available at: https://4cio.ru/content/_os.pdf (accessed: 11.04.2023).
15. Tapskott A., Tapskott D. *Tekhnologiya blokcheyn — to, chto dvizhet finansovoy revolyutsiei segodnya* [Blockchain Technology Is What Is Driving the Financial Revolution Today]. Moscow, Eksmo, 2017, 448 p.

16. Kaplan R., Norton D. *Strategicheskoe edinstvo. Sozdanie sinergii organizatsii s pomoshch'yu sbalansirovannoy sistemy pokazateley* [Strategic Cohesion. Creating Organisational Synergy Through a Balanced Scorecard]. Moscow, Vil'yams, 2006, 384 p.
17. Porter M., Khappelmann Dzh. *Revolutsiya v proizvodstve* [A Revolution in Manufacturing]. Harvard Business Review. Rossiya. Moscow, 2018, pp. 3–16.
18. Anderson Dzh.U. *Luchshie praktiki vnedreniya SAP* [Best Practices of SAP Implementation]. Moscow : Lori, 2014, 640 p.
19. Moborn R., Chan K. *Perekhod k golubomu okeanu* [Transition to the Blue Ocean], Moscow : Mann, Ivanov i Ferber, 2018, 336 p.
20. Kulapov M.N., Varfolomeev V.P., Karasev P.A. Tekhnologicheskie aspekty teorii upravleniya innovatsionnymi protsessami: sistemnyy analiz i podkhody k modelirovaniyu [Technological Aspects of the Theory of Innovation Process Management: System Analysis and Modelling Approaches], *Drukerovskiy vestnik* [The Drucker Bulletin], 2018, no. 3 (23), pp. 82–100.
21. Nikulin L.F., Demenko O.G. Chetvertaya paradigma i menedzhment [The Fourth Paradigm and Management], *Nauchno-analiticheskiy zhurnal «Nauka i praktika Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova»* [Scientific and analytical journal “Science and Practice” of Plekhanov University], 2018, no. 1 (29), pp. 48–63.
22. Denisov I.V., Potapov R.A. Stanovlenie i razvitie menedzhera [Formation and growth of a manager, *Nauchno-analiticheskiy zhurnal «Nauka i praktika Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova»* [Scientific and analytical journal “Science and Practice” of Plekhanov University], 2017, no. 2 (26), pp. 28–33.
23. Kelli K. Neizbezhnoe. 12 tekhnologicheskikh trendov, kotorye opredelyayut nashe budushchee [The Inevitable. 12 Technology Trends That Define Our Future]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 2017, 352 p.
24. Lelu L. *Blokcheyn ot A do Ya. Vse o tekhnologii desyatiletia* [Blockchain From A to Z. All About the Technology of the Decade]. Moscow, Eksmo, 2018, 154 p.
25. Khardidi S. *Internet definition history*. Available at: <http://www.hpssociety.info/news/internet-definition-history.html>. (accessed: 08.03.2023).
26. Vayl P., Vornor S. *Tsifrovaya transformatsiya biznesa. Izmenenie biznes-modeli dlya organizatsii novogo pokoleniya* [Digital Business Transformation. Changing the Business Model for a New Generation Organisation. Moscow, Al'pina Publisher, 2019. Available at: <https://hse.alpinadigital.ru/book/18612#login> (accessed: 06.06.2023). Per. s angl.
27. Garifullin B.M., Zyabrikov V.V. Tsifrovaya transformatsiya biznesa: modeli i algoritmy [Digital Transformation of Business: Models and Algorithms], *Kreativnaya ekonomika* [Creative Economy], 2018, no. 9, pp. 1345–1358.
28. Orlovskiy V., Korovkin V. *Ot nosoroga k edinorogu. Kak upravlyat' korporatsiyami v epokhu tsifrovoy transformatsii* [From Rhino to Unicorn. How to Manage Corporations in the Era of Digital Transformation]. Moscow, Eksmo, 2020. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-kompaniy-kak-instrument-antikrizisnogo-upravleniya-empiricheskaya-otsenka-vliyaniya-na-effektivnost/viewer> (accessed: 06.06.2023).
29. Denisenko V.Yu. Monitoring effektivov tsifrovyykh produktov v usloviyakh tsifrovoy transformatsii promyshlennyykh predpriyatiy [Monitoring the Effects of Digital Products Amidst Digital Transformation of Industrial Enterprises], *Kreativnaya ekonomika* [Creative Economy], 2021, vol. 15, no. 5, pp 1715–1724. DOI: 10.18334/ce.15.5.11
30. Urintsov A.I. Nekotorye aktual'nye voprosy sovershenstvovaniya sistemy upravleniya sub"ektom ekonomiki [Some Topical Issues of Improving the Management System of an Economic Actor], *Aktual'nye voprosy upravleniya deyatel'nost'yu razlichnykh otrasley : materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Topical Issues of Management of Activity of Various Fields : Materials of the Scientific-Practical Conference], 2006, pp. 7–10.
31. Urintsov A.I., Staroverova O.V. *Instrumental'nye sredstva adaptatsii khozyay-stvuyushchikh sub"ektov k tsifrovoy ekonomike* [Instrumental Means Of Adaptation Of Economic Actors To The Digital Economy]. Moscow, REU im. G.V. Plekhanova, 2019, p. 164.
32. Dneprovskaya N. *Formirovanie innovatsionnoy sredy tsifrovoy ekonomiki* [Formation of the Innovative Environment of the Digital Economy]: dr. ekon. sci. diss. Moscow, 2020.
33. Tsenzharik M.K., Krylova Yu.V., Steshenko V.I. Tsifrovaya transformatsiya kompaniy: strategicheskii analiz, faktory vliyaniya i modeli [Digital Transformation in Companies: Strategic Analysis, Drivers and Models], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika* [St. Petersburg University Journal of Economic Studies], 2020, vol. 36, issue 3, pp. 390–420.
34. Zelenkov M.Yu. Kriterii i metody otsenki effektivnosti tsifrovizatsii upravleniya transportno-logisticheskimi sistemami [Criteria and Methods for Assessing Efficiency of Digitalization of Management of Transport and Logistics Systems], *Trendy i upravlenie* [Trends and Management], 2019, no. 2, pp. 76–90.
35. Ukolov V.F., Afanas'ev V.Ya., Cherkasov V.V. Klyuchevye efekty tsifrovizatsii i vozmozhnye poteri [Key Digitalization Effects and Possible Losses], *Vestnik universiteta* [University Bulletin], 2019, no. 8, pp. 55–58.
36. McKinsey&Company. *How COVID-19 Has Pushed companies over the technology tipping point — and Transformed Business Forever*. Available at: <https://www.mckinsey.com/NotFound.aspx?item=%2fcapabilities%2fstrategy-and-corporate-finance%2four-insights%2fhow-covid-19-has-pushed-companies-over-the-technology-tipping-point-and-transformed-business-forever&user=extranet%5cAnonymous&site=website> (accessed: 11.03.2023).
37. ITU. *Digital transformation and the role of enterprise architecture*. Available at: https://www.itu.int/pub/D-STR-DIG_TRANSF-2019 (accessed: 10.04.2023).
38. Abdrakhmanova G.I., Bykhovskiy K.B., Veselitskaya N.N., Vishnevskiy K.O., Gokhberg L.M., Rudnik P.B. i dr. *Tsifrovaya transformatsiya otrasley: startovye usloviya i priority : dokl. k XXII Aprel'skoy Mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva* [Digital Transformation of Industries: Starting Conditions and Priorities : Report to the XXII April International Scientific Conference on the Problems of Development of Economy and Society]. Moscow, Vysshay shkola ekonomiki, 2021, 239 p.
39. Kafiyatullina Yu.N., Kurochkin D.A., Serdechnyy D.V. Printsipy tsifrovoy transformatsii biznesa v sovremennykh usloviyakh, part. 1 [Digital Business Transformation in Current Conditions. Part I]. *Vestnik universiteta* [University Bulletin], 2022, № 6, pp. 74–82.

40. Kurenkov A.L. *Tsifrovizatsiya strategicheskogo planirovaniya na predpriyatiyakh korporativnogo sektora ekonomiki Rossii v usloviyakh permanentno izmenyayushcheyssya biznes-sredy* [Digitalisation of Strategic Planning at Enterprises of the Corporate Sector of the Russian Economy in a Permanently Changing Business Environment]. Moscow, REU im. G.V. Plekhanova, 2023, 112 p.
41. Kokuytseva T.V., Ovchinnikova O.P. Metodicheskie podkhody k otsenke effektivnosti tsifrovoy transformatsii predpriyatiy vysokotekhnologichnykh otrasley promyshlennosti [Methodological Approaches to Performance Evaluation of Enterprises Digital Transformation in High-Tech Industries], *Kreativnaya ekonomika* [Creative Economy], 2021, vol. 15, no. 6, pp. 2413–2430.
42. *ScrumTrek. Issledovaniya Agile v Rossii — rezul'taty 2022 goda* [Agile Research in Russia — results of 2022]. Available at: https://agilesurvey.ru/report22?utm_campaign=agilesurvey_report22 (accessed: 19.04.2023).
43. Kurenkov A.L. Monitoring vypolneniya tsifrovoy transformatsii predpriyatiy kommercheskogo sektora ekonomiki v usloviyakh permanentno izmenyayushcheyssya biznes-sredy [Monitoring the Implementation of Digital Transformation of Enterprises in the Commercial Sector of the Economy in the Conditions Constantly Changing Business Environment], *Innovatsii i investitsii* [Innovation & Investment], 2023, no. 11, pp. 538–541.
44. Kurenkov A.L. Otsenka effektivnosti tsifrovoy transformatsii predpriyatiy kommercheskogo sektora ekonomiki: sovremennye realii i osobennosti [Assessing the Effectiveness of Digital Transformation of Enterprises in the Commercial Sector of the Economy: Modern Realities and Features], *Innovatsii i investitsii* [Innovation & Investment], 2023, no. 9, pp. 134–137.
45. Kurenkov A.L. Predposylki k sozdaniyu i osnovnye podkhody metodologii upravleniya tsifrovoy transformatsiey kommercheskikh predpriyatiy [Prerequisites for the Creation and Main Approaches of the Methodology for Managing the Digital Transformation of Commercial Enterprises], *Molodezh' XXI veka: obrazovanie, nauka, innovatsii : materialy X Mezhdunar. konf. aspirantov i molodykh uchennykh, Vitebsk, 8 dekember 2023 g.* [Youth of the XXI Century: Education, Science, Innovations : Materials of the Xth International Conference of Postgraduates and Young Scientists]. Vitebsk, Vitebskiy gosudarstvennyy universitet im. P.M. Masherova, 2023, 290 p.
46. Kurenkov A.L. Produktovyy podkhod v planirovanii i upravlenii tsifrovoy transformatsiey predpriyatiy kommercheskogo sektora ekonomiki v usloviyakh permanentno izmenyayushcheyssya biznes-sredy [Product Approach to Planning and Managing of Digital Transformation in Commercial Economy Sector], *Innovatsii i investitsii* [Innovation & Investment], 2023, no. 10, pp. 152–155.
47. Kurenkov A. L. Uchet vliyaniya izmeneniy kharakteristik produkta na effektivnost' tsifrovoy transformatsii predpriyatiy kommercheskogo sektora ekonomiki v usloviyakh permanentno izmenyayushcheyssya biznes-sredy [Impact of Product Characteristics Changes on the Effectiveness of Digital Transformation in Commercial Economy Sector], *Innovatsii i investitsii* [Innovation & Investment], 2023, no.2, pp. 349–351.
48. Kurenkov A.L. Predposylki i napravleniya razvitiya informatsionnykh sistem planirovaniya i upravleniya tsifrovoy transformatsiey predpriyatiy kommercheskogo sektora ekonomiki [Digital Transformation Managing Information Systems Trends in Commercial Economy Sector], *Innovatsii i investitsii* [Innovation & Investment], 2023, no. 8, pp. 129–132.
49. Osipova N.A. *Metody postroyeniya dereva sobytiy i dereva otkazov* [Methods of Building an Event Tree and a Failure Tree]. Available at: <https://ppt-online.org/48768> (accessed: 15.09.2023).
50. GOST R 27.302-2009. *Analiz dereva neispravnostey* [Fault tree analysis]. Available at: <https://meganorm.ru/Data2/1/4293814/4293814089.htm> (accessed: 15.09.2023).
51. *ITExpert. Derevo otkazov kak metod strukturnogo analiza FTA. Primery vnedreniya* [Failure tree as a method of structural analysis of FTA. Examples of implementation]. Available at: <https://www.itexpert.ru/rus/biblio/detail.php?ID=16266> (accessed: 15.09.2023).
52. FMEA. *Analiz vidov i posledstviy potentsial'nykh otkazov* [FMEA. Analysis of the types and consequences of potential failures. Reference Manual]. *Sylochnoe rukovodstvo*. Novgorod, Prioritet, 2012, 282 p. Per. s angl.

Информация об авторе

Куренков Александр Львович — кандидат технических наук, доцент базовой кафедры цифровой экономики института развития информационного общества, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Российская Федерация. E-mail: kurenkov.al@rea.ru

Information about the author

Aleksandr L. Kurenkov — Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Basic Department of Digital Economy of the Institute for the Development of the Information Society, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation. E-mail: kurenkov.al@rea.ru

Статья поступила в редакцию 06.05.2024; одобрена после рецензирования 07.06.2024; принята к публикации 31.08.2024.

The article was submitted 06.05.2024; approved after reviewing 07.06.2024; accepted for publication 31.08.2024.

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА

STATE AND CIVIL SOCIETY, IDEOLOGY AND POLITICS

Развитие территорий. 2024. № 3. С. 51—59.
Territory Development. 2024;(3):51—59.

Государство и гражданское общество, идеология и политика

Научная статья
УДК 332.145 + 314.152.2
<https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-3-51-59>

СОВРЕМЕННЫЙ ОПЫТ КИТАЯ ПО РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ПРОВИНЦИИ ЦЗИЛИНЬ

Светлана Борисовна Макеева

Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Российская Федерация, msbmag9581@yandex.ru

Аннотация. Одним из актуальных направлений региональной политики Китая, реализуемой на территории северо-восточной приграничной с Россией провинции Цзилинь, выступает демографический вектор. Целью статьи является рассмотрение китайского опыта по формированию и реализации региональной демографической политики в провинции Цзилинь в условиях сокращения и старения населения приграничных северо-восточных территорий КНР. Статистический метод исследования предоставил возможность охарактеризовать современные показатели численности населения провинции, а системный метод — рассмотреть особенности формирования и реализации системы управления длительным сбалансированным демографическим развитием провинции Цзилинь.

Ключевые слова: демографическая политика Китая, северо-восточная территория, убыль населения, рождаемость

Для цитирования: Макеева С. Б. Современный опыт Китая по реализации региональной демографической политики на территории северо-восточной провинции Цзилинь // Развитие территорий. 2024. № 3. С. 51—59. <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-3-51-59>

State and civil society, ideology and politics

Original article

CHINA'S CURRENT EXPERIENCE IN IMPLEMENTING REGIONAL DEMOGRAPHIC POLICY IN THE NORTH-EASTERN JILIN PROVINCE

Svetlana B. Makeeva

Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, msbmag9581@yandex.ru

Abstract. The demographic vector is one of the topical directions of China's regional policy implemented in the territory of the north-eastern Jilin province bordering Russia. The purpose of the article is to consider the Chinese experience in the formation and implementation of regional demographic policy in Jilin province in the conditions of population decline and ageing of the population in the north-eastern border territories of the PRC. The statistical method of research provided an opportunity to characterise the current indicators of the population of the province, the system method allowed to consider the features of formation and implementation of the management system of long-term balanced demographic development of Jilin province.

Keywords: demographic policy of China, north-eastern territory, population decline, birth rate

For citation: Makeeva S.B. China's Current Experience in Implementing Regional Demographic Policy in the North-Eastern Jilin Province. *Territory Development*. 2024;(3):51—59. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-3-51-59>

Введение

Демографический вектор является актуальным направлением региональной политики Китая, реализуемой на территории провинций и автономных районов. Начало XXI в. в социально-демографическом развитии Китая сопровождается проблемами убыли и старения населения. Особенно сложная ситуация наблюдается в северо-восточных приграничных территориях Китая, включая провинцию Цзилинь. Данная провинция является приграничной с Россией, и в китайском научном сообществе она рассматривается как центр Северо-Восточной Азии. Поэтому решение социально-экономических, демографических проблем в данной провинции имеет стратегически важное значение для китайского правительства. На протяжении последних двадцати лет в провинции Цзилинь реализуется целый комплекс территориальных преобразований, связанных с задачами индустриального, экоцивилизационного и инновационного развития в рамках объявленной с 2003 г. стратегии возрождения северо-восточной старой промышленной базы. Ключевым направлением подъема регионально-экономического потенциала провинции Цзилинь выступает инновационное развитие традиционных отраслей пищевой, химической, лесной промышленности, автомобилестроения, сельского хозяйства, а также таких новых для провинции секторов, как производство экологически чистых продуктов питания, биофармацевтическая индустрия, лазерная оптика, аэрокосмическая отрасль. Экономическое возрождение территории провинции Цзилинь нуждается в человеческом потенциале, а ежегодная убыль и старение населения провинции ставят под угрозу результативность стратегических мероприятий китайского правительства во всем Северо-Восточном регионе, в том числе и в Цзилине.

В представленной статье рассматривается анализ китайского опыта по формированию и реализации региональной демографической политики в провинции Цзилинь в условиях сокращения и старения населения приграничных северо-восточных территорий КНР. В основе исследования лежит анализ статистических данных седьмой переписи населения Китая (2020 г.) применительно к провинции Цзилинь, а также статистического материала с демографическими показателями этой провинции за 2021—2023 гг. Китаезычные нормативно-правовые документы, размещенные на сайте Народного правительства провинции Цзилинь, позволили изучить особенности реализации регионально-демографической политики в данной провинции. Работа с перечисленными материалами осуществлялась при использовании статистического и системного методов исследования.

Характеристика современных показателей численности населения провинции Цзилинь

Итоги седьмой переписи населения, проведенной в Китае в 2020 г., выявили наличие серьезных демографических проблем на всей территории

страны и особенно на северо-востоке. Под угрозой находилось намеченное возрождение старой северо-восточной промышленной базы, так как население выступает важным фактором экономического прогресса [1—4]. Результаты седьмой переписи показали, что темпы убыли населения в северо-восточных провинциях самые высокие в стране, а численность стареющего населения — самая большая среди китайских провинций [5—9]. По итогам данной переписи численность населения провинции Цзилинь составила 24 млн 73 тыс. человек, что на 3 млн 379 тыс. человек меньше по сравнению с шестой переписью населения 2010 г. Численность населения за 10 лет снизилась на 12,31 %, среднегодовое снижение составило 1,31 %. Провинция Цзилинь оказалась единственной во всем Китае, где количество женщин больше, чем мужчин. Численность мужчин в провинции к 2020 г. составила 12 018 319, а женщин — 12 055 134. Соотношение полов — 99,69. Всего в провинции насчитывалось 9 426 822 семейных домохозяйств, включающих 22 103 381 человек. Средняя численность населения на одно семейное домохозяйство составила 2,34 человека. Среди населения провинции Цзилинь 15 079 014 человек проживало в городах. Уровень урбанизации достиг 62,64 %. В сельской местности проживало 8 994 439 человек, что составило 37,36 % населения провинции. По сравнению с шестой переписью 2010 г. городское население увеличилось на 430 815 человек, а сельское сократилось на 3 810 177 человек. Следовательно, доля городского населения увеличилась на 9,28 %. Характеризуя национальный состав населения провинции Цзилинь, стоит отметить, что в 2020 г. ханьцев насчитывалось 21 985 839 человек (91,33 %), а численность национальных меньшинств достигла 2 087 614 человек (8,67 %) [10].

Регионально-демографические показатели провинции Цзилинь по итогам седьмой переписи демонстрировали, что среди крупных городов провинции (Чанчунь, Цзилинь, Сыпин, Ляояоань, Тунхуа, Байшань, Сунъюань, Байчэн) имелся один город (Чанчунь) с населением более 5 млн жителей, два города (Цзилинь и Сунъюань) — с населением от 2 до 5 млн человек, три города (Сыпин, Тунхуа, Байчэн) — с населением от 1 до 2 млн жителей. Население восточного района провинции Цзилинь составило 4 766 826 человек (19,80 %), население центрального района — 13 687 522 человека (56,86 %), а население западного района — 5 619 105 человек (23,34 %). По сравнению с шестой переписью 2010 г. из девяти городов население выросло только в городе Чанчунь. Прирост за десять лет составил 299 531 человек. В других городах население сократилось. В разрезе районов по сравнению с шестой переписью 2010 г. доля жителей в восточном районе снизилась на 1,66 %, доля жителей в центральном районе увеличилась на 4,56 %, а доля жителей в западном районе снизилась на 2,90 % [11].

По данным седьмой переписи 2020 г., возрастной состав населения провинции Цзилинь пока-

зывает, что жителей провинции в возрасте от 0 до 4 лет насчитывалось 2 818 723 человека (11,71 %), население в возрасте 15—59 лет — 15 703 565 человек (65,23 %), население в возрасте 60 лет и старше — 5 551 165 человек (23,06 %), население в возрасте 65 лет и старше составило 3 757 224 человека (15,61 %). По сравнению с шестой переписью 2010 г. доля населения в возрасте от 0 до 4 лет снизилась на 0,28 %, доля населения в возрасте 15—59 лет снизилась на 9,57 %, а доля людей в возрасте 60 лет и старше увеличилась на 9,85 %. Среди девяти крупных городов провинции Цзилинь в Чанчуне, Байчэне и Сунъюане доля населения в возрасте 15—59 лет составила более 65 %, а в остальных крупных городах доля населения в этом возрасте составила от 60 до 65 %. Доля пожилого населения в возрасте 65 лет и старше во всех городах провинции превышала 14 %. Самая низкая доля такой возрастной категории приходилась на город Чанчунь (14,15 %), а самая высокая доля — на город Байшань (17,62 %) [12].

Как показывает седьмая перепись, среди населения в провинции Цзилинь число людей с высшим образованием составило 4 029 488 человек, население со средним образованием (включая среднее техническое) — 4 111 787 человек, население с неполным средним образованием (нынешние учащиеся) — 9 204 361 человек. По сравнению с шестой переписью 2010 г. число людей с высшим и средним образованием увеличилось, а с неполным средним образованием сократилось. Среди жителей провинции неграмотное население (лица в возрасте 15 лет и старше, не умеющие читать) составило 321 318 человек. По сравнению с шестой переписью 2010 г. число неграмотных сократилось на 205 597 человек, а уровень неграмотности снизился с 1,92 до 1,33 % [13].

Характеризуя показатели демографического развития провинции Цзилинь за 2021—2023 гг., стоит отметить, что в 2021 г. общая численность населения провинции Цзилинь составила 23 754 000 человек, из которых 15 млн являлись жителями городов. Уровень урбанизации в 2021 г. достиг 63,36 %. В 2022 г. население провинции Цзилинь достигло 23 477 000 человек, из которых 14 961 000 городских жителей при уровне урбанизации 63,73 %. В настоящее время в провинции насчитывается 23 394 тыс. человек.

Показатели численности населения провинции Цзилинь по итогам седьмой переписи 2020 г. демонстрируют увеличивающуюся с каждым годом убыль населения, сокращение рождаемости, отток сельских жителей в города, сосредоточение населения в центральном районе провинции, ускоренный рост числа жителей крупного города Чанчунь, увеличение численности жителей с высшим образованием, старение населения. Самым «стареющим» городом провинции стал город Байшань. Демографические показатели за 2021—2023 гг. в целом по провинции Цзилинь подтверждают усугубление такой основной проблемы провинции, как убыль населения.

Формирование системы управления демографическим развитием в провинции Цзилинь

В сложной демографической ситуации провинции Цзилинь Народное правительство должно быстро реагировать на решение демографических проблем в соответствии с общегосударственным курсом в отношении всего народонаселения, объявленным сразу после подведения итогов седьмой переписи в 2021 г. Местное руководство провинции понимает, что все территориальные преобразования связаны с населением, которое является основой социально-экономического развития провинции.

Как отмечают представители Народного правительства провинции Цзилинь, совершенствование демографической политики ускоряет формирование высококачественного человеческого капитала, который выступает существенным импульсом всестороннего возрождения Цзилиня. Качественное демографическое развитие предполагает такое состояние провинции, при котором общая численность населения достаточна, социальные условия постоянно улучшаются, а человеческие ресурсы рационально распределены по всем районам провинции. Перед руководством провинции стоит сложная задача демографического планирования в условиях ежегодной убыли и старения населения, а также снижения роли человеческих ресурсов в промышленной системе КНР.

Руководство провинции также придает огромное значение построению системы управления демографическим развитием в условиях строительства в Китае «общества нового типа» с экономичным потреблением энергоресурсов и общества, «дружественного к деторождению и стареющему населению». Одним из вариантов решения демографических проблем является повышение уровня образования, строительство инновационной промышленной инфраструктуры, координация численности населения и устойчивого освоения ресурсов и окружающей среды. Управление демографическим развитием включает комплекс мер по увеличению оплаты труда, повышению уровня доходов жителей, в особенности малообеспеченных групп населения. В провинции Цзилинь уделяется внимание увеличению инвестиций в строительство инфраструктуры, а также в развитие образовательной, медицинской сферы и отрасли гражданского строительства.

Значительная роль в формировании системы управления демографическим развитием во всем Китае принадлежит планированию. Народные правительства всех уровней и их аппараты, включая руководство провинции Цзилинь, разрабатывают планы демографического развития, определяют целевые показатели и представляют статистические данные о планировании семьи. Так, на уровне провинции Цзилинь внедрена комплексная система ответственности соответствующих ведомств за управление демографическим развитием. Комитет здравоохранения провинции Цзилинь занимается просвещением по вопросам планирования семьи, руководит медицинскими

учреждениями для оказания услуг по охране здоровья матери и ребенка и планированию семьи. Комитет по делам развития и реформ провинции Цзилинь в сотрудничестве с органами здравоохранения занимается разработкой инфраструктурных проектов в области народонаселения и планирования семьи, а также утверждает финансирование на демографические проекты. Комитет по финансам провинции Цзилинь отвечает за распределение средств на нужды народонаселения и планирование семьи.

Органы общественной безопасности оказывают помощь органам здравоохранения в проведении проверки численности населения и представлении статистических данных о структуре, распределении населения, а также осуществляют ежегодную регистрацию населения и сбор данных о временном проживании. Комитет рыночного контроля провинции Цзилинь отвечает за регистрацию юридических лиц и коммерческих учреждений по уходу за детьми, а также осуществляет контроль безопасности продуктов питания и лекарств в различных учреждениях по уходу за детьми. Провинциальное отделение Министерства жилищного, городского и сельского строительства КНР оказывает помощь органам здравоохранения в проведении работ по планированию семьи. При разработке планов развития сельского хозяйства и экономики села органы управления осуществляют меры по повышению уровня сельскохозяйственного производства и планированию семьи в сельских условиях.

Комитет образования провинции Цзилинь контролирует обучение по планированию семьи в средних и высших учебных заведениях, а также организывает проведение научных исследований в области демографии. Провинциальное отделение Министерства по делам национальностей КНР знакомит представителей национальных меньшинств с векторами китайской демографической политики. Практическую реализацию регионально-демографической политики во всех населенных пунктах провинции Цзилинь регулирует Провинциальный комитет Народного политического консультативного совета Китая по демографическим ресурсам и окружающей среде.

Таким образом, сформированная современная система управления демографическим развитием в провинции Цзилинь нацелена на воплощение общегосударственных задач китайского правительства по решению проблем, связанных с ежегодным сокращением рождаемости, убылью и старением населения на данной территории.

Реализация китайской политики длительного сбалансированного демографического развития на территории провинции Цзилинь

В условиях ежегодной убыли и старения населения в Северо-Восточном регионе Комитет Коммунистической партии Китая провинции Цзилинь и Народное правительство провинции Цзилинь начало реализацию комплекса мер, соответствующих государственному постановлению

Центрального правительства КНР от 2021 г. № 30 о проведении политики содействия длительному сбалансированному демографическому развитию. На уровне провинции был принят План оптимизации политики рождаемости в провинции Цзилинь, который распространялся на все муниципальные партийные комитеты, в том числе на зону горного развития Чанбайшань, Новый район Чанчунь, образцово-показательную зону международного сотрудничества Китая и Южной Кореи.

Ключевым вектором в рассматриваемом Плане являются положения политики «Одна семья — три ребенка», объявленной в 2021 г. китайским правительством. За короткий срок была перестроена региональная демографическая политика в сторону поощрения рождения трех детей. Вносились корректировки в провинциальные нормативные акты, отменялись ограничительные меры и штрафные санкции за третьего ребенка. Предполагалось совершенствование системы обслуживания населения, создание дополнительных ведомств по охране здоровья матери и ребенка, а также по планированию семьи, уходу за детьми и пожилыми людьми. Была пересмотрена и улучшена система отпусков по беременности и родам. Так, например, отпуск по беременности и родам продолжительностью 98 дней в соответствии с политикой «Одна семья — три ребенка» увеличивался до 180 дней, а отпуск по уходу за ребенком для мужчин увеличивался до 25 дней. Существенная часть положений Плана была обращена в сторону реализации высококачественных образовательных ресурсов, развитию детских садов и групп присмотра за детьми в возрасте 2—3 лет.

Внедряя политику стимулирования рождаемости, Народное правительство провинции Цзилинь оказывало финансовую поддержку семьям всех населенных пунктов, в которых рождалось двое или трое детей. Банковские учреждения провинции Цзилинь предоставляли потребительские кредиты для пар, заключающих брак и осуществляющих уход за детьми в размере до 200 тыс. юаней. Снижение процентных ставок предоставлялось в зависимости от рождения одного, двух и трех детей. Парам, имеющим детей, но с пропиской за пределами провинции Цзилинь, разрешалось получение гражданского лечения. Согласно региональной демографической политике, пары с двумя или тремя детьми при создании малых коммерческих предприятий, освобождались от НДС.

План оптимизации политики рождаемости был призван ускоренно реализовывать на территории провинции Цзилинь национальную стратегию активного реагирования на старение населения, а также организовывать реализацию политики рождения трех детей. На первом месте стоял научный мониторинг демографического развития провинции. Седьмая перепись показала, что провинция Цзилинь переживает общие демографические тенденции снижения рождаемости и увеличения старения населения, характерные для всего

Китая. Для того чтобы совершенствовать прогноз народонаселения и систему раннего предупреждения острых демографических проблем, было решено проводить мониторинг таких показателей, как репродуктивное здоровье, создание новых семей, уровень школьного образования, медицинское страхование и социальное обеспечение, занятость и предпринимательство. Комитет здравоохранения провинции в соответствии с Планом оптимизации политики рождаемости в провинции Цзилинь усилил свою работу по процедуре сбора и представления демографических данных, особенно сведений о регистрации рождения детей [14].

Согласно Плану оптимизации политики рождаемости в провинции Цзилинь, к 2025 г. предполагается создание системы активной поддержки рождаемости, повышения уровня послеродового ухода и воспитания детей, снижения уровня материнской смертности до менее 14,5 на 100 000 женщин, а уровня младенческой смертности — до менее 4 на 1 000 человек. В Плате уделяется особое внимание и ускоренному созданию инклюзивной системы обслуживания детей, росту количества детских садов для детей грудного и раннего возраста до трех лет.

Особое внимание в региональной демографической политике на территории провинции уделяется созданию эффективной системы охраны здоровья матери и ребенка. Осуществляется строительство важнейших центров лечения матерей и новорожденных детей, а также детских поликлиник. Часть мер была ориентирована на сокращение расходов на рождение ребенка и образование в семьях. Стали распространяться бесплатные медицинские осмотры перед беременностью и создаваться бесплатные системы охраны здоровья матери и ребенка. Предполагается повышение выделения средств Народным правительством для воспитания и образования детей в семьях [15].

Начиная с 2021 г. процесс реализации региональной демографической политики на территории провинции Цзилинь регулировал документ «Положения о народонаселении и планировании семьи провинции Цзилинь», принятый 30 октября 2021 г. С учетом экономико-географических, историко-культурных условий, сложившихся в провинции, были определены правила, касающиеся всех организаций и граждан, находящихся в пределах Цзилиня. Осуществление политики в области народонаселения и планирования семьи в провинции опиралось на пропаганду и образование, научно-технический прогресс, систему вознаграждения и социального обеспечения.

Процесс регулирования рождаемости в провинции Цзилинь также предусматривает, что супружеская пара может иметь троих детей. Супруги могут иметь еще одного ребенка при следующих обстоятельствах: 1) родившие троих детей, одному из которых присвоена инвалидность третьей группы и выше; 2) лица с пропиской и местом жительства в приграничных уездах (городах, районах). Народные правительства уездного уровня

должны принимать меры для обеспечения гражданам доступа к услугам по планированию семьи и улучшению репродуктивного здоровья, создавать и усовершенствовать сеть служб охраны здоровья матери и ребенка, систему добрачного медицинского обслуживания. Пары детородного возраста самостоятельно выбирают меры контрацепции и контроля над рождаемостью для предотвращения нежелательной беременности. В провинции Цзилинь категорически запрещается использовать ультразвуковую технику и другие технические средства для немедицинской идентификации пола плода, строго запрещается использовать искусственное прерывание беременности для немедицинского выбора пола. Супружеским парам провинции Цзилинь, получившим в период реализации политики «Одна семья — один ребенок» специальный документ «Почетная грамота родителям единственных детей», полагается ежемесячная выплата в размере 10 юаней для ребенка до достижения им 18-летнего возраста [16].

Народное правительство провинции Цзилинь продвигает систему совместных межведомственных совещаний для оптимизации демографической политики, чтобы координировать действия с департаментами, отвечающими за реформы, человеческие ресурсы, социальное обеспечение, жилищное строительство и медицинское страхование.

Совместно с Государственным комитетом по развитию и реформам руководство провинции Цзилинь разрабатывает варианты финансирования провинциальных проектов в области демографии. С 2020 г. 14 детских учреждений провинции получили 32 млн юаней из центральных специальных фондов. Кроме того, местные органы власти Цзилиня активно инвестировали в строительство центров здоровья детей и планирования семьи. Так, например, город Мэйхэкоу выделил 20 млн юаней для строительства крупномасштабного частного комплекса услуг по уходу за детьми. По состоянию на конец 2023 г. в провинции насчитывается 1 988 учреждений, оказывающих услуги по уходу за детьми, которые могут предоставить 89 800 детских мест для младенцев и детей младшего возраста до трех лет, что является лучшим показателем по Китаю.

Огромную роль в реализации китайской политики длительного сбалансированного демографического развития на территории Цзилиня играет Провинциальный комитет Народного политического консультативного совета Китая по демографическим ресурсам и окружающей среде. Данный Комитет отвечает за процесс ускорения совершенствования системы активной политики планирования семьи. Представители Комитета отмечают, что Цзилинь стала одной из первых провинций в Китае, завершившей пересмотр местных правил и переход к новым задачам китайского правительства в демографической сфере. В провинции осуществляется свободная политика планирования семьи. Проводится ослаб-

ление политики деторождения для пар, состоящих в повторном браке (дети, рожденные до повторного брака, не включаются в расчет), при котором такие пары могут иметь троих детей после повторного брака, независимо от того, сколько детей у них было ранее. Пары, живущие в приграничных районах провинции Цзилинь, могут иметь четверых детей.

За короткий срок Провинциальный комитет НПКСК по демографическим ресурсам и окружающей среде в Цзилине пересмотрел в общей сложности 85 законов, постановлений и нормативных документов, касающихся планирования семьи. В 2021 г. Комитетом был разработан План действий по улучшению безопасности матери и ребенка в провинции Цзилинь (2021—2025 гг.), по централизованному лечению беременных из группы высокого риска, созданию акушерских учреждений в сельских районах, строительству комнат матери и ребенка в общественных местах. К 2024 г. в провинции Цзилинь функционирует в общей сложности 496 комнат матери и ребенка. В рамках реализации региональной демографической политики в провинции Цзилинь были изданы специальные нормативные акты провинциального уровня, Правила регистрации и подачи документов в детские учреждения провинции Цзилинь, Меры по управлению детскими учреждениями провинции Цзилинь, Стандарты создания детских учреждений провинции Цзилинь.

В провинции проводится активная работа по созданию дружелюбной к детям атмосферы. В полной мере используются средства массовой информации, такие как телевидение и газеты, а также новые медиаплатформы для широкой пропаганды демографической политики Китая «Одна семья — три ребенка». С 2022 г. в городах провинции Цзилинь празднуется Всемирный день народонаселения, на котором проводятся мероприятия по пропаганде политики рождаемости. Широко освещается высокая значимость таких праздников, как Международный день семьи и День грудного вскармливания. В СМИ провинции Цзилинь активно пропагандируются правильные брак и любовь, деторождение, дородовой и послеродовой уход, гендерное равенство, уход за женщинами, репродуктивное здоровье [17].

В соответствии с постановлением ЦК КПК, Госсовета КНР № 42 от 2021 г. об усилении работы с пожилыми людьми в новую эпоху Народное правительство провинции проводит активную работу в отношении стареющего населения. В провинции внедряется концепция позитивного и здорового старения, продвигаются традиционные добродетели сыновней почтительности и уважения к пожилым людям, уделяется особое внимание социальным и медицинским услугам по уходу за пожилыми людьми. Важная роль отводится созданию системы обслуживания пожилых людей на дому. В последние годы усвершенствуется многоуровневая система пенсионного обеспечения, оказывается содействие участию пожилых людей в общественной жизни, расши-

ряется предоставление образовательных ресурсов для пожилых людей, повышается качество культурных и спортивных услуг для этих граждан. В рамках построения китайского общества, дружественного к стареющим гражданам, усиливается защита прав и интересов пожилых людей, проживающих в провинции Цзилинь: осуществляется строительство удобной среды для пожилых людей, производство специальных товаров для стареющего населения, а также финансирование строительства в каждом городе учреждений по уходу за престарелыми людьми [18].

Таким образом, длительное сбалансированное демографическое развитие на территории провинции Цзилинь достигается в результате последовательной деятельности государственных органов власти, нацеленной на прирост населения и укрепление его здоровья. Четвертый пленум 12-го созыва Провинциального партийного комитета Цзилинь, состоявшийся в начале 2024 г., предложил повысить уровень жизни населения на основе содействия демографическому развитию данной провинции [14].

Заключение

В результате рассмотрения китайского опыта по формированию и реализации региональной демографической политики в провинции Цзилинь в современных условиях сокращения и старения населения приграничных северо-восточных территорий КНР было установлено, что экономическое возрождение территории провинции Цзилинь нуждается в человеческом потенциале, а ежегодная убыль населения провинции ставит под угрозу результативность стратегических мероприятий китайского правительства, проводимых в северо-восточной части провинции на старой промышленной базе. Для провинции характерны такие демографические процессы, как сокращение рождаемости, отток сельских жителей в города, сосредоточение населения в центральном районе провинции, ускоренный рост числа жителей столичного города Чанчунь, увеличение количества жителей с высшим образованием, старение населения. Провинциальное руководство придает огромное значение построению системы управления демографическим развитием в условиях строительства в Китае «общества нового типа» с экономичным потреблением энергоресурсов и общества, «дружественного к деторождению и стареющему населению». Варианты решения демографических проблем выступают меры по увеличению оплаты труда, повышению уровня доходов жителей, строительству инфраструктуры провинции, развитию образовательной и медицинской сфер. Ключевыми программными документами реализации китайской политики длительного сбалансированного демографического развития на территории провинции Цзилинь являются План оптимизации политики рождаемости в провинции Цзилинь от 2021 г., Положение о народонаселении и планировании семьи в провинции Цзилинь от 2021 г., План действий по

улучшению безопасности матери и ребенка в провинции Цзилинь (2021—2025 гг.). Сформированная современная система управления демографическим развитием в провинции Цзилинь соответ-

ствует китайской политике «Одна семья — три ребенка», а также способствует построению «серебряной экономики», в которой ведущее место отводится стареющим гражданам страны.

Список источников

1. Дудченко Г. Б. Хозяйственная специализация и перспективы развития города Яньцзи (Яньбань — Корейский автономный округ провинции Цзилинь, КНР) // Гуманитарное знание — конструктивная основа благополучия общества. 2023. С. 91—95.
2. Казаков Г. К. Политическая система провинции Цзилинь: особенности кадровой ротации высшего звена провинциального руководства // Востокведные исследования на Алтае. 2019. № 13. С. 90—96.
3. Макеева С. Б. История демографического развития китайской провинции Хэйлунцзян (1970—2020) // Вестник Самарского университета. Серия: История, педагогика, филология. 2023. № 2. С. 17—23. DOI: 10.18287/2542-0445-2023-29-2-17-23
4. Макеева С. Б. Отражение проблем семьи, материнства и детства в социальной рекламе Китая (регионоведческий аспект) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1 (44). С. 19—29. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/19-29
5. Ван Пин. Цзилинь син жэнькоу фачжань чжуанкуан юй вэйлай цюйши (Современное состояние и будущие тенденции демографического развития провинции Цзилинь) // Жэнькоу сюэ кань (Демография). 1981. № 3. С. 3—7 (на кит. яз.).
6. Цзилинь син жэнькоу фачжань яньбянь цюйши дэ фэньсин фэньси (Фрактальный анализ тенденций демографического развития провинции Цзилинь) / Ли Мин, У Чжэнфан, Чжан Ляньчжи, Цзун Шэнвэй, Ду Хайбо // Шаньси шифань дасюэ сюэбао (Педагогический университет Шаньси (Издание по естественным наукам)). 2012. № 3. С. 88—91 (на кит. яз.).
7. Ли Сюлин, Ли Чэнгу. Цзилинь син жэнькоу фэньсин дэ лилунь цзеси (Теоретический анализ фрактала населения провинции Цзилинь) // Дандай цзинцзи яньцзю (Современные экономические исследования). 2010. № 6. С. 53—55 (на кит. яз.).
8. Лю Жунмэй, Лю Цинжуй. Жэнькоу бяньдун дуй дунбэй дицую цзинцзи цзэнчжан дэ инсян яньцзю (Исследования влияния демографических изменений на экономический рост в Северо-Восточном Китае) // Чжунго жэнькоу кэсюэ (Китайская демографическая наука). 2021. № 5. С. 63—76 (на кит. яз.).
9. Чоу Фаньин, Юй Шисян. Дандай Цзилинь цзяньшэ (Современное строительство Цзилиня). Чанчунь, 1989. 283 с. (на кит. яз.).
10. Цзилинь шэн ци цы цюаньго жэнькоу пуча гунбао (ди и хао). Цзилинь шэн тунцзи цзюй. (Официальный бюллетень Всеобщей седьмой переписи населения по провинции Цзилинь. № 1. Статистическое управление провинции Цзилинь. 25 ноября 2022 г.). URL: <https://xxgk.jl.gov.cn/PDFfile/202211/8637625.pdf> (на кит. яз.).
11. Цзилинь шэн ци цы цюаньго жэнькоу пуча гунбао (ди эр хао). Цзилинь шэн тунцзи цзюй. (Официальный бюллетень Всеобщей седьмой переписи населения по провинции Цзилинь. № 2. Статистическое управление провинции Цзилинь. 25 ноября 2022 г.). URL: https://xxgk.jl.gov.cn/zsjg/tjj/xxgkmlqy/202211/t20221125_8637629.html (на кит. яз.).
12. Цзилинь шэн ци цы цюаньго жэнькоу пуча гунбао (ди сань хао). Цзилинь шэн тунцзи цзюй. (Официальный бюллетень Всеобщей седьмой переписи населения по провинции Цзилинь. № 3. Статистическое управление провинции Цзилинь. 25 ноября 2022 г.). URL: <https://xxgk.jl.gov.cn/PDFfile/202211/8637646.pdf> (на кит. яз.).
13. Цзилинь шэн ци цы цюаньго жэнькоу пуча гунбао (ди сы хао). Цзилинь шэн тунцзи цзюй. (Официальный бюллетень Всеобщей седьмой переписи населения по провинции Цзилинь. № 4. Статистическое управление провинции Цзилинь. 25 ноября 2022 г.). URL: http://tjj.jl.gov.cn/tjsj/tjgb/pcjqtgb/202105/t20210524_8079066.html (на кит. яз.).
14. Цзилинь шэн вэйшэн цзянькан вэй «цюаньчэ луоши юхуа шэньюй чжэнцэ цуцзинь жэнькоу чанци цзюньхэн фачжань шиши фаньянь шиши сицэ (чжэнцзю ицзянь гао)» чжэнцэ цзеду. Цзилинь шэн вэйшэн цзянькан вэйюаньхуэй (Интерпретация курса «Оптимизация политики рождаемости в провинции Цзилинь для содействия долгосрочному сбалансированному развитию населения». Комитет по делам здравоохранения провинции Цзилинь). URL: http://wsjkw.jl.gov.cn/hdjl/yjzj/202212/t20221202_8642854.html (на кит. яз.).
15. Чжунго Цзилинь шэн вэй Цзилинь син жэньминь чжэнфу иньфа «цюаньюй юхуа шэньюй чжэнцэ цуцзинь жэнькоу чанци цзюньхэн фачжань шиши фаньянь». Цзилинь син жэньминь чжэнцэ (Провинциальный комитет Коммунистической партии Китая в Цзилине и Народное правительство провинции Цзилинь опубликовали План оптимизации политики рождаемости в провинции Цзилинь для содействия долгосрочному сбалансированному развитию населения). URL: https://www.jl.gov.cn/szfzt/zcfg/swywgwj/202112/t20211223_8331737.html (на кит. яз.).
16. Цзилинь син жэнькоу юй цзихуа шэньюй тяоли. Цзилинь син жэньминь чжэнцэ (Положение о народонаселении и планировании семьи в провинции Цзилинь. Народное правительство провинции Цзилинь). URL: https://www.jl.gov.cn/szfzt/zcfg/dffg/202306/t20230626_2387190.html (на кит. яз.).
17. Дуй шэн чжэнсе чжуаньмэнь вэйюаньхуэй ди 202321 хао тянь цзяньй дэ дафу цзи вэй фуи цзы 53 хао. Цзилинь син жэньминь чжэнфу (Ответ на предложение Провинциального комитета Народного политического консультативного совета Китая по демографическим ресурсам и окружающей среде. 2023, № 53. Народное правительство провинции Цзилинь). URL: https://xxgk.jl.gov.cn/zcbm/fgw_98077/xxgkmlqy/202312/t20231201_8846152.html (на кит. яз.).
18. Чжунгун Цзилинь шэн вэй Цзилинь син жэньминь чжэнфу гуаньюй цзяцян синь шидай лаолин гунцзю дэ шиши ицзянь. Цзилинь син жэньминь чжэнцэ (Замечания Провинциального комитета Коммунистической партии Китая в Цзилине и Народного правительства провинции Цзилинь по усилению работы в отношении стареющего населения в новую эпоху. Народное правительство провинции Цзилинь). URL: https://www.jl.gov.cn/szfzt/zcfg/swywgwj/202204/t20220408_8431075.html (на кит. яз.).

References

1. Dudchenko G.B. Khozyaystvennaya spetsializatsiya i perspektivy razvitiya goroda Yan'tszi (Yan'ban' – Koreyskiy avtonomnyy okrug provintsii Tszilin', KNR) [Economic Specialization and Development Prospects of the City of Yanji (Yanbian-Korean Autonomous Prefecture, Jilin Province, PRC)], *Gumanitarnoe znanie — konstruktivnaya osnova blagopoluchiya obshchestva* [Humanitarian Knowledge — a Constructive Basis for the Well-Being of Society], 2023, pp. 91–95.
2. Kazakov G.K. Politicheskaya sistema provintsii Tszilin': osobennosti kadrovoy rotatsii vysshego zvena provintsial'nogo rukovodstva [The Political System of Jilin Province: Features of Personnel Rotation of the Highest Level of the Provincial Leadership], *Vostokovednye issledovaniya na Altae* [Oriental Studies in Altai], 2019, no. 13, pp. 90–96.
3. Makeeva S.B. Istoriya demograficheskogo razvitiya kitayskoy provintsii Khey-luntszyan (1970–2020) [History of Demographic Development of the Chinese Province of Heilongjiang (1970–2020)], *Vestnik Samarskogo universiteta. Seriya: Istoriya, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology], 2023, no. 2, pp. 17–23. DOI: 10.18287/2542-0445-2023-29-2-17-23
4. Makeeva S.B. Otrazhenie problem sem'i, materinstva i detstva v sotsial'noy reklame Kitaya (regionovedcheskiy aspekt) [Reflection of Problems of Family, Motherhood and Childhood in Social Advertising in China (Regional Studies Aspect)], *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Oykumena. Regional Researches], 2018, no. 1 (44), pp. 19–29. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/19-29
5. Van Pin. Tszilin' sin zhen'kou fachzhan' chzhuankuan yuy veylay tsyuyshi (Sovremennoe sostoyanie i budushchie tendentsii demograficheskogo razvitiya provintsii Tszilin') [Current Status and Future Trends of Demographic Development in Jilin Province], *Zhen'kou syue kan' (Demografiya)* [Demography], 1981, no. 3, pp. 3–7. Пеп. (na kit. yaz.).
6. Li Min, U Chzhenfan, Chzhan Lyan'chzhi, Tszun Shenvey, Du Khaybo. Tszilin' sin zhen'kou fachzhan' yan'byan' tsyuyshi de fen'sin fen'si (Fraktal'nyy analiz tendentsiy demograficheskogo razvitiya provintsii Tszilin') [Fractal Analysis of Demographic Development Trends in Jilin Province], *Shan'si shifan' dasyue syuebao (Pedagogicheskii universitet Shan'si (Izdanie po estestvennym naukam))* [Shanxi University of Education (Natural Science Edition)], 2012, no. 3, pp. 88–91 (na kit. yaz.).
7. Li Syulin, Li Chengu. Tszilin' sin zhen'kou fen'sin de lilun' tszesi (Teoreticheskii analiz fraktala naseleniya provintsii Tszilin') [Theoretical Analysis of the Population Fractal of Jilin Province], *Danday tszintsi yan'tszyu (Sovremennye ekonomicheskie issledovaniya)* [Modern Economic Research], 2010, no. 6, pp. 53–55 (na kit. yaz.).
8. Lyu Zhumei, Lyu Tsinzhuy. Zhen'kou byan'dun duy dunbey ditsyuy tszintsi tszenchzhan de insyan yan'tszyu (Issledovanie vliyaniya demograficheskikh izmeneniy na ekonomicheskii rost v Severo-Vostochnom Kitae) [A study on the Impact of Demographic Change on Economic Growth in Northeast China], *Chzhungo zhen'kou kesyue (Kitayskaya demograficheskaya nauka)* [Chinese Demographic Science], 2021, no. 5, pp. 63–76 (na kit. yaz.).
9. Chou Fan'in, Yuy Shisyan. *Danday Tszilin' tszyan'she (Sovremennoe stroitel'stvo Tszilinya)*. Chanchun' [Modern Construction of Jilin], 1989, 283 p. (na kit. yaz.).
10. *Tszilin' shen tsi tsy tsyuan'go zhen'kou pucha gunbao (di i khao)*. *Tszilin' shen tuntszi tszyuy (Ofitsial'nyy byulleten' Vseobshchey sed'moy perepisi naseleniya po provintsii Tszilin' no. 1*. Statisticheskoe upravlenie provintsii Tszilin', 25 november 2022 g.) [Official Bulletin of the Seventh General Population Census for Jilin Province, no. 1. Statistical Office of Jilin Province, 25 November 2022]. Available at: <https://xxgk.jl.gov.cn/PDFfile/202211/8637625.pdf> (na kit. yaz.).
11. *Tszilin' shen tsi tsy tsyuan'go zhen'kou pucha gunbao (di er khao)*. *Tszilin' shen tuntszi tszyuy (Ofitsial'nyy byulleten' Vseobshchey sed'moy perepisi naseleniya po provintsii Tszilin' no. 2*. Statisticheskoe upravlenie provintsii Tszilin', 25 november 2022 g.) [Official Bulletin of the Seventh General Population Census for Jilin Province, no. 2. Statistical Office of Jilin Province, 25 November 2022]. Available at: https://xxgk.jl.gov.cn/zsjg/tjj/xxgkmlqy/202211/t20221125_8637629.html (na kit. yaz.).
12. *Tszilin' shen tsi tsy tsyuan'go zhen'kou pucha gunbao (di san' khao)*. *Tszilin' shen tuntszi tszyuy (Ofitsial'nyy byulleten' Vseobshchey sed'moy perepisi naseleniya po provintsii Tszilin' no. 3*. Statisticheskoe upravlenie provintsii Tszilin', 25 november 2022 g.) [Official Bulletin of the Seventh General Population Census for Jilin Province. № 3. Statistical Office of Jilin Province, 25 November 2022]. Available at: <https://xxgk.jl.gov.cn/PDFfile/202211/8637646.pdf> (na kit. yaz.).
13. *Tszilin' shen tsi tsy tsyuan'go zhen'kou pucha gunbao (di sy khao)*. *Tszilin' shen tuntszi tszyuy (Ofitsial'nyy byulleten' Vseobshchey sed'moy perepisi naseleniya po provintsii Tszilin' no. 4*. Statisticheskoe upravlenie provintsii Tszilin', 25 november 2022 g.) [Official Bulletin of the Seventh General Population Census for Jilin Province, no. 4. Statistical Office of Jilin Province, 25 November 2022]. Available at: http://tjj.jl.gov.cn/tjsj/tjgb/pcjqtgb/202105/t20210524_8079066.html (na kit. yaz.).
14. *Tszilin' shen veyshen tszyan'kan vey «tsyuan'che luoshi yukhua shen'yuy chzhentse tsutszin' zhen'kou chantsi tszyun'khen fachzhan' shishi fan'an' shishi sutsze (chzhentsyu its-zyan' gao)» chzhentse tszedu*. *Tszilin' shen veyshen tszyan'kan veyyuan'khuey (Interpretatsiya kursa «Optimizatsiya politiki rozhdaemosti v provintsii Tszilin' dlya sodeystviya dolgosrochnomu sbalansirovannomu razvitiyu naseleniya»*. Komitet po delam zdavoookhraneniya provintsii Tszilin') [The Interpretation of the Course “Optimising Fertility Policy in Jilin Province to Promote Long-term Balanced Population Development”. Jilin Provincial Health Committee]. Available at: http://wsjkw.jl.gov.cn/hdjl/yjzj/202212/t20221202_8642854.html (na kit. yaz.).
15. *Chzhungo Tszilin' shen vey Tszilin' sin zhen'min' chzhenfu in'fa «tsyuan'yuy yukhua shen'yuy chzhentse tsutszin' zhen'kou chantsi tszyun'khen fachzhan' shishi fan'an'»*. *Tszilin' sin zhen'min' chzhentse (Provintsial'nyy komitet Kommunisticheskoy partii Kitaya v Tsziline i Narodnoe pravitel'stvo provintsii Tszilin' opublikovali Plan optimizatsii politiki rozhdaemosti v provintsii Tszilin' dlya sodeystviya dolgosrochnomu sbalansirovannomu razvitiyu naseleniya)* [The Provincial Committee of the Communist Party of China in Jilin and the People's Government of Jilin Province released the Plan for Optimising Fertility Policy in Jilin Province to Promote Long-term Balanced Population Development]. Available at: https://www.jl.gov.cn/szfzt/zcfg/swywgw/202112/t20211223_8331737.html (na kit. yaz.).
16. *Tszilin' sin zhen'kou yuy tszhikua shen'yuy tyaoi*. *Tszilin' sin zhen'min' chzhentse (Polozhenie o narodonaselenii i planirovaniy sem'i v provintsii Tszilin' Narodnoe pravitel'stvo provintsii Tszilin')* [Regulations on Population and Family Planning in Jilin Province. People's Government of Jilin Province]. Available at: https://www.jl.gov.cn/szfzt/zcfg/dffg/202306/t20230626_2387190.html (na kit. yaz.).

17. Duy shen chzhense chzhuan'men' veyuan'khuey di 2023Z1 khao tyan' tszyan'i de dafu tszi vey fui tsz, 2023, no. 53 khao. Tszilin' sin zhen'min' chzhenu (Otvét na predloženie Provintsial'nogo komiteta Narodnogo politicheskogo konsul'tativnogo soveta Kitaya po demograficheskim resursam i okružhayushchey srede [Response to the Proposal of the Provincial Committee of the Chinese People's Political Consultative Conference on Population Resources and Environment.], *Narodnoe pravitel'stvo provintsii Tszilin'* [People's Government of Jilin Province], 2023, Z1, no. 53. Available at: https://xxgk.jl.gov.cn/zcbm/fgw_98077/xxgkmlqy/202312/t20231201_8846152.html (na kit. yaz.).

18. Chzhungun Tszilin' shen vey Tszilin' sin zhen'min' chzhenu guan'yuy tszyatsyan sin' shiday laolin guntszo de shishi itszyan'. Tszilin' sin zhen'min' chzhentu (Zamechaniya Provintsial'nogo komiteta Kommunisticheskoy partii Kitaya v Tsziline i Narodnogo pravitel'stva provintsii Tszilin' po usileniyu raboty v otnoshenii stareyushchego naseleniya v novuyu epokhu. Narodnoe pravitel'stvo provintsii Tszilin') Remarks of the Provincial Committee of the Communist Party of China in Jilin and the People's Government of Jilin Province on Strengthening Work on the Aging Population in the New Era. People's Government of Jilin Province]. Available at: https://www.jl.gov.cn/szfzt/zcfg/swygywj/202204/t20220408_8431075.html (na kit. yaz.).

Информация об авторе

Макеева Светлана Борисовна — кандидат исторических наук, заведующий отделом региональной демографии, Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр, Российская академия наук, Москва, Российская Федерация. E-mail: msbmag9581@yandex.ru

Information about the author

Svetlana B. Makeeva — Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Regional Demography, Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS), Moscow, Russian Federation. E-mail: msbmag9581@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 12.03.2024; одобрена после рецензирования 07.06.2024; принята к публикации 31.08.2024.

The article was submitted 12.03.2024; approved after reviewing 07.06.2024; accepted for publication 31.08.2024.

ОСНОВНЫЕ КАНАЛЫ РЕКРУТАЦИИ МОЛОДЕЖИ В ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Анастасия Сергеевна Столбинская

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация,
astolbinskaya-21@edu.ranepa.ru

Аннотация. Данная статья носит научно-теоретический характер и посвящена рассмотрению каналов рекрутации молодежи в политические элиты современного российского общества. В работе проанализировано понятие рекрутации элит, представлены основные аспекты теории политических элит, выделены перспективные направления исследования, дающие возможность сравнительного изучения универсальных для ряда стран каналов рекрутации молодежи во власть, а также каналов, характерных для российского общества. Материалом для анализа послужили научные статьи ряда исследователей в области изучения властных групп.

Ключевые слова: молодежь, рекрутация молодежи, каналы рекрутации, политические элиты

Для цитирования: Столбинская А. С. Основные каналы рекрутации молодежи в политические элиты современного российского общества // Развитие территорий. 2024. № 3. С. 60—64. <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-3-60-64>

State and civil society, ideology and politics

Original article

MAIN CHANNELS FOR RECRUITING YOUTH INTO THE POLITICAL ELITES OF MODERN RUSSIAN SOCIETY

Anastasia S. Stolbinskaya

Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation, astolbinskaya-21@edu.ranepa.ru

Abstract. This article is of scientific and theoretical nature and is devoted to the consideration of the channels for recruiting youth into the political elites of modern Russian society. The paper analyses the notion of elite recruitment, presents the main aspects of the theory of political elites, and identifies promising areas of research that provide an opportunity for a comparative study of the channels for recruiting youth into power that are universal for a number of countries, as well as the channels that are specific to the Russian society. The material for the analysis is scientific articles by a number of researchers studying power groups.

Keywords: youth, youth recruitment, recruitment channels, political elites

For citation: Stolbinskaya A.S. Main Channels for Recruiting Youth Into the Political Elites of Modern Russian Society. *Territory Development*. 2024;(3):60—64. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-3-60-64>

В современном мире четко прослеживается тренд на изменение подхода к формированию кадрового резерва общественно-политических организаций. Государство сегодня нацелено на поиск и рекрутацию молодежи не только в качестве избирательного ресурса, но и на включение ее в состав действующей политической элиты. Факт наличия молодых руководителей на всех уровнях власти в очередной раз подтверждает это.

Привлечение молодежи, обладающей новаторскими идеями, в состав действующей политической элиты российского общества способно принципиально изменить вектор социально-экономического управления. Однако существует проблема малой степени изученности действующих в России каналов рекрутации молодежи

в политическую элиту, а также возможностей их развития в современной стране.

Расхождение социальных, интеллектуальных и других условий, предоставляющих далеко неодинаковые возможности приобщения к политической сфере жизни общества, привело к общественно-политической стратификации. Существование особой властной группы и необходимость в постоянном ее обновлении обусловлено, во-первых, активно развивающейся экономикой в мире; во-вторых, постоянной потребностью политических организаций в управленцах, обладающих релевантными компетенциями; в-третьих, необходимостью усиления привлечения внимания молодежи к решению вопросов социально-политической жизни общества [1]. Эти факторы

способствовали более системному рассмотрению проблемы увеличения шансов вхождения молодежи в элиту российского общества.

Как уже отмечалось, любой организации для правильного функционирования необходима молодежь, отличающаяся наивысшим чувством ответственности и наделенная особыми духовными и интеллектуальными качествами. Поиск, подбор и отбор такой молодежи в политологии называется рекрутированием [2].

Прежде всего обратимся к этимологии понятия «рекрутация», которая отсылает нас к статье К. Кириллова «От воина до менеджера», опубликованной в журнале «Рекрутинг news» (2011 г. № 1). В этой статье освещается историческое происхождение термина «рекрутинг» в разных странах [3]. Так, первые каналы рекрутации существовали в рабовладельческом строе, где работорговцы-посредники находили и приводили богатых рабовладельцев на рынок, которые по собственным критериям отбирали подходящий «товар», договариваясь с посредниками о требованиях к рабам, их физическому состоянию. В итоге удачной сделки рекрутеры получали хорошие комиссионные.

В России же данный термин появился в эпоху Петра Великого, когда солдат отбирали на службу к царю, и это явление получило название «рекрутские наборы».

В русско-французском словаре слово «recruter» переводится как набор, вербовка или найм на военную службу за деньги. Синоним этого термина есть и в немецком языке «*rekrutierung*», что означает набирать или пополнять. В соответствии с западными источниками по управлению организацией слово «рекрутинг» представляет собой действие по привлечению заинтересованных, наиболее подходящих по знаниям и навыкам для данной должности кандидатов [4].

В процессе рекрутации используются разные системы, каналы, механизмы и пр. В данной статье проанализированы как традиционные, так и современные каналы рекрутации молодежи в политические элиты российского общества.

Рассматривая каналы рекрутации и их виды, обратимся к современным российским авторам. Политолог, профессор О. В. Гаман-Голутвина, один из ведущих специалистов, работающих в данном направлении исследования, изучала проблему актуальности качества организации рекрутации элит в «слуги государевы», а также его каналы и механизмы. Она определила каналы рекрутации как пути продвижения к вершине политической иерархии [5], выделяя такие институциональные каналы, как государственный аппарат, органы местного управления, армия, политические партии, религиозные организации, система образования [5]. Схожую точку зрения на видовой состав каналов рекрутирования имеют такие авторитетные российские ученые, как Г. К. Ашин, А. В. Дука, А. С. Быстрова, О. В. Крыштановская. Они выделяют в качестве каналов рекрутирования органы государственной власти, политические

партии, армию, систему образования, крупные финансовые и промышленные компании, общественные и религиозные организации, СМИ [6].

В свою очередь, И. С. Палитай, С. Ю. Попова, А. В. Селезнева определяют каналы рекрутирования как институциональные пути продвижения людей к вершинам властной иерархии [1]. В качестве традиционных каналов рекрутирования молодежи в современной России они выделяют политические партии и их молодежные отделения, молодежные движения и организации политической и неполитической направленности федерального и регионального уровней, молодежные общественные институты, осуществляющие представительные и консультативные функции при органах государственной власти, а также органы государственной и муниципальной власти (бюрократический аппарат) [7]. Авторы, рассматривая рекрутацию молодежи в ряды высших политических элит посредством государственной службы, считают, что, попадая в систему, они начинают свою деятельность с низов, постепенно продвигаясь по карьерной лестнице все выше, а затем система сама начинает работать на этих кандидатов и продвигать их [8].

С. Г. Зырянов в работе приводит мнение автора А. В. Филимоновой, которая полагает, что для определения понятия «каналы рекрутации» необходимо использовать институциональный подход, считая каналы социальными институтами. Автор рассматривает их как способ попадания в элиту, имея в виду те институты, благодаря которым у молодежи есть шанс достичь вершин в политической элите российского общества [9]. А исследователь В. В. Трофимова в числе прочих к основным каналам рекрутирования относит армию и систему образования [10].

Обобщив значимые мнения перечисленных авторов, в целом можно согласиться с предложенным подходом в части, касающейся органов государственной власти, политических партий, бизнеса, а также общественных организаций, их следует отнести к основным каналам рекрутации политической элиты современного российского общества. Кроме того, замечено, что для достижения попадания в политические элиты молодые политики меняют каналы рекрутации. Армия (силовики) и сфера образования не являются каналами рекрутации, они, скорее, выступают как каналы-поставщики, создающие условия для рекрутирования, так как через вузы и армию проходят миллионы человек, а в политику попадают единицы. На наш взгляд, нельзя отнести и СМИ к каналу рекрутации, они, скорее, будут инструментом для продвижения себя и своих идей, для приобретения дополнительной известности.

Таким образом, основываясь на изложенном, можно сформулировать определение каналов рекрутации как совокупности институционализированных и неинституционализированных структур, по которым происходит изменение вертикальной социально-политической позиции кандидата на значимую должность.

Далее рассмотрим основные аспекты «теории элит», созданной в конце XIX — начале XX в. такими учеными-«элитаристами», как Вильфредо Парето, Гаэтано Моска и Роберто Михельс [11].

До второй половины XVIII в. слово «элита» использовалось по большей части для описания основных свойств и характеристик военных подразделений, продуктов труда и сортов растений. Только с начала XIX в. данный термин начинают употреблять для стратификации общества. Однако наиболее активное использование понятия «элита» произошло в прошлом веке.

Е. В. Лазуткина считает, что право основоположника термина «элита» принадлежит итальянскому инженеру французского происхождения, экономисту, социологу, политологу и философу Вильфредо Парето. По его мнению, элита — это лица, получившие максимальный индекс в своей области деятельности, достигшие высшего уровня компетентности, люди, занимающие высокое положение соответственно степени своего влияния, политического и социального могущества, составляющие аристократию [12]. Всем известно, что аристократия той эпохи представляла собой свет общества, наделенный выдающимися качествами, порой не самыми положительными, но обеспечивающими власть.

В. Парето также считал, что истеблишмент должны составлять талантливые и наделенные особыми качествами и характеристиками личности, которые имеют доступ к тем ресурсам, которыми может воспользоваться далеко не каждый человек. В любом обществе, по его мнению, неизбежен процесс «передвижения элит», когда наиболее талантливые члены общества поднимаются вверх, обновляя собой правящий круг элиты. А те, в свою очередь, «опускаются вниз», становясь бесчисленным множеством [13]. Основываясь на убеждении В. Парето, допустимо сделать вывод о том, что возможность вступления в политическую элиту есть у любого человека, обладающего незаурядными качествами личности, такими как врожденные психологические качества, которые определяют личность индивида, а также приобретенные социальные качества, в том числе воспитание и идеологическое мировоззрение.

Отличную от В. Парето точку зрения на системы актуализации элит в своем представлении имел Гаэтано Моска [14]. Он считал, что не богатство и родовитость должны быть основными критериями отбора в политические элиты [15]. Мыслительные способности, особые достижения и высокий уровень образованности являются главными качествами, определяющими особое положение человека в обществе.

Немецкий социолог и педагог, один из классиков элитизма Роберт Михельс предложил свой особый способ актуализации высшего сословия общества посредством вступления в его ряды людей, имеющих выдающиеся способности [16]. Такие люди должны интегрироваться в уже существующие группы, занимающие первые позиции. Новым членам политической элиты необходимо

завоевать уважение у старого состава элиты, которые, в свою очередь, выдвигают особые требования ко всем новичкам.

В современной политической науке принято выделять три системы политических элит: антрепренерскую, или предпринимательскую, систему гильдий и номенклатурную [17].

Для антрепренерской системы политических элит характерны открытость и демократизм. Отбор кандидатов осуществляется с прицелом на индивидуальные качества личности. Уровень и специализация образования кандидата, его профессиональная компетентность, а также материальное положение большого значения не имеют. Предполагается острая конкурентная борьба за право попасть в элиту общества, потенциальные кандидаты должны проявить активность, находчивость и изобретательность. Однако существуют и слабые места данной системы. При всей открытости системы есть вероятность попадания в элиту случайных людей, авантюристов, труднопредсказуемых личностей. Это чревато тем, что политическая элита будет смешанной и склонной к внутренним противоречиям.

Антрепренерская система характерна для демократических стран. Например, в 80-е гг. XX в. по такой системе в США актер Рональд Рейган был избран президентом, а в 2003 г. губернатором Калифорнии становится бывший актер, не являющийся ни профессиональным политиком, ни политологом, ни экономистом, ни юристом.

Система гильдий, напротив, имеет достаточно закрытую форму рекрутирования и полное отсутствие конкуренции при наборе кандидатов из выделенных социальных страт. Претенденты отбираются с учетом определенных требований, таких как уровень образования, партийный стаж, практический опыт работы с людьми. Основные характеристики системы — постепенное, медленное продвижение кандидата по карьерной лестнице вверх, склонность к замкнутости и воспроизводству схожего типа руководителей из-за отсутствия конкуренции. Но предсказуемость в политической верхушке общества чаще является достоинством, чем недостатком, поскольку снижает вероятность конфликтов во властных кругах. Система гильдий встречается в авторитарных и тоталитарных государствах (например, в КНДР).

Номенклатурная система была распространена в социалистических странах. Югославский политик Милован Джилас, в середине XX в. занимавшийся проблемой популяризации концепции «нового класса» — партийной номенклатуры, правящей в коммунистических странах, отмечал иерархию советской номенклатурной элиты как самую строгую [18]. В СССР, для того чтобы зачислили в штат правящей элиты, считалось необходимым быть членом КПСС (формальный критерий) или быть протеже кого-либо из высшего слоя привилегированного класса (неформальный критерий). В такой системе внутри элиты исключены конфликты и обеспечена преемственность политического курса. Кандидат в течение всей

своей жизни должен был подниматься к вершине «пирамиды власти» по длинной и очень сложной лестнице. Неудивительно, что на ее вершине были только 70—80-летние старцы. Личная преданность нижестоящих вышестоящим, покорная дисциплинированность, а также имитация бурной деятельности — преобладающие характеристики данной системы. Независимые и талантливые личности не попадали в ряды политической элиты того времени. Неудивительно, что к середине 80-х гг. XX в. уход советской номенклатуры стал неминуемым и безальтернативным [4].

Рассмотренные теоретические положения позволяют нам сформулировать ряд исследовательских вопросов: какие каналы рекрутации молодежи в элитарные группы существуют на региональном уровне в современной политической системе России, какие требования к личностным и профессиональным качествам они предъявляют, происходят ли здесь какие-либо изменения и как можно оценить их эффективность? Для этого сопоставим биографические данные политиков, начинающих свою карьеру в два периода:

в начале нулевых и после 2014 г. Оба периода связаны со сменой губернаторской команды и включением в политическую жизнь новых поколений электората. С 2000 г., когда губернатором Новосибирской области был избран В. А. Толоконский, начинается период политической социализации поколений, не имеющих опыта советской социализации и переживших в школьном детстве достаточно трудный этап реформ 1990-х гг. С 2018 г., когда на должность губернатора был избран А. А. Травников, избирательное право получают молодые люди, детство которых проходит в относительно благополучные 2000-е гг. Понятно, что здесь нет прямой зависимости, но, если рассмотреть численные соотношения и особенности биографий молодых людей в Правительстве Новосибирской области среди кандидатов и депутатов в органы Законодательного собрания и партий, то можно получить более четкую картину каналов социального и политического продвижения, ценностей и интересов активистов молодежных групп и объединений.

Список источников

1. Палитай И. С., Попова С. Ю., Селезнева А. В. Рекрутирование молодых политических лидеров в современной России: каналы, формы, технологии // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 445. С. 68—77.
2. Симачкова Л. А. Рекрутмент: понятие, сущность и содержание // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2010. № 2. С. 76—79.
3. Чердакова В. В. История рекрутинга и что такое рекрутинг сотрудников. URL: <https://cherdakova.ru/publication/carier/kak-naйти-khoroshego-rabotnika-i-otsenit-ego/podgotovitelnaya-rabota/rekruting-otkuda-ty-vzyalsya/> (дата обращения: 26.08.2023).
4. Ашин Г. К. История элитологии. М. : Издатель А. В. Соловьев, 2004.
5. Гаман-Голутвина О. В. Определение основных понятий элитологии // Полис. 2000. № 3. С. 97—103.
6. Анатомия российской элиты. М. : Изд-во «Захаров», 2005. С. 384.
7. Палитай И. С. Особенности процесса становления института молодежного политического лидерства. М., 2020. С. 110.
8. Дюка А. В. Социальная дифференциация и рекрутирование элит // Политический класс в современном обществе / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М. : РОССПЭН, 2012. С. 78—107.
9. Зырянов С. Г. Особенности современной системы рекрутирования российской политической элиты. [Б. г. и.]. С. 35.
10. Трофимова В. В. Политико-психологические особенности процесса рекрутирования современной российской политической элиты. Общественный капитал 33 российских элит развития // Общественные науки и современность. 2009. № 3. С. 5—16.
11. Парето В. О применении социологических теорий // Социс. 1995. № 10. С. 137—145.
12. Лазуткина Е. В. Некоторые вопросы теории элиты Вильфредо Парето и современность // Вестник Красноярского педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2014. С. 171—175.
13. Елин С. П. Особенности взгляда Парето на роль элит в системе социального равновесия общества // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 20. С. 18—26.
14. Володин К. С. Газтано Моска и Вильфредо Парето: обзор теории. Тамбов, 2012. С. 1—7.
15. Моска Г. Правящий класс // Социс. 1994. № 10. С. 187—198.
16. Михельс Р. Социология политических партий в условиях демократии // Диалог. 1991. № 3. С. 42—46.
17. Основы политической элитологии : учеб. пособие / Г. К. Ашин, А. В. Понеделков, В. Г. Игнатов, А. М. Старостин. М. : Приор, 1999.
18. Пеньков В. Ф. Взлеты и падения номенклатуры // Вестник Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 1 (45). С. 288, 289.

References

1. Palitay I.S., Popova S.Yu., Selezneva A.V. Rekrutirovanie molodykh politicheskikh liderov v sovremennoy Rossii: kanaly, formy, tekhnologii [Recruiting Young Political Leaders in Modern Russia: Channels, Forms, Technologies], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2020, no. 445, pp. 68–77.
2. Simachkova L.A. Rekrutment: ponyatie, sushchnost' i soderzhanie [Recruitment: Conception, Nature and Meaning], *Vestnik Ul'yanovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Ulyanovsk State Technical University], 2010, no. 2, pp. 76–79.

3. Cherdakova V.V. *Istoriya rekrutiny i chto takoe rekrutiny sotrudnikov* [The History of Recruiting and What Employee Recruiting Is]. Available at: <https://cherdakova.ru/publication/carier/kak-nayti-khoroshego-rabotnika-i-otsenit-ego/podgotovitel'naya-rabota/rekrutiny-otkuda-ty-vzyalsya/> (accessed: 26.08.2023).
4. Ashin G.K. *Istoriya elitologii* [History of elitology]. Moscow, Izdatel' A.V. Solov'ev, 2004.
5. Gaman-Golutvina O.V. *Opredelenie osnovnykh ponyatiy elitologii* [Defining the Basic Notions of the Elites Theory], *Polis* [Polis. Political Studies], 2000, no. 3, pp. 97–103.
6. *Anatomiya rossiyskoy elity* [Anatomy of the Russian Elite]. Moscow, «Zakharov» Publ., 2005, p. 384.
7. Palitay I.S. *Osobennosti protsessa stanovleniya instituta molodezhnogo politicheskogo liderstva* [Peculiarities of the Process of Formation of the Institute of Youth Political Leadership], Moscow, 2020, p. 110.
8. Duka A.V. *Sotsial'naya differentsiatsiya i rekrutirovaniye elit* [Social Differentiation and Recruitment of Elites], *Politicheskii klass v sovremennoy obshchestve* [Political Class in Modern Society]. Moscow, ROSSPEN, 2012, pp. 78–107.
9. Zyryanov S.G. *Osobennosti sovremennoy sistemy rekrutirovaniya rossiyskoy politicheskoy elity* [Peculiarities of the Modern System of Recruiting the Russian Political Elite]. [B. g. i.], p. 35.
10. Trofimova V.V. *Politiko-psikhologicheskie osobennosti protsessa rekrutirovaniya sovremennoy rossiyskoy politicheskoy elity. Obshchestvennyy kapital 33 rossiyskikh elit razvitiya* [Political and Psychological Characteristics of Contemporary Russian Political Elite Recruitment Process], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 2009, no. 3, pp. 5–16.
11. Pareto V. *O primenenii sotsiologicheskikh teorii* [On the Application of Sociological Theories], *Sotsis* [Sociological Studies], 1995, no. 10, pp. 137–145.
12. Lazutkina E.V. *Nekotorye voprosy teorii elity Vil'fredo Pareto i sovremennost'* [Some Questions of Vilfredo Pareto's Theory of Elite and Modern Times], *Vestnik Krasnoyarskogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva* [Bulletin of KSPU named after V.P. Astafyev], 2014, pp. 171–175.
13. Elin S.P. *Osobennosti vzglyada Pareto na rol' elit v sisteme sotsial'nogo ravnovesiya obshchestva* [Pareto's Special View of the Role of Elites in the System of Social Balance], *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2012, no. 20, pp. 18–26.
14. Volodin K.S. *Gaetano Moska i Vil'fredo Pareto: obzor teorii* [Gaetano Mosca and Vilfredo Pareto: an Overview of the Theory], Tambov, 2012, pp. 1–7.
15. Moska G. *Pravyashchiy klass* [Ruling Class], *Sotsis* [Sociological Studies], 1994, no. 10, pp. 187–198.
16. Mikhel's R. *Sotsiologiya politicheskikh partiy v usloviyakh demokratii* [Sociology of Political Parties in a Democracy], *Dialog* [Dialogue], 1991, no. 3, pp. 42–46.
17. Ashin G.K., Ponedelkov A.V., Ignatov V.G., Starostin A.M. *Osnovy politicheskoy elitologii* [Fundamentals of Political Elitology]: ucheb. posobie, Moscow, Prior, 1999.
18. Pen'kov V.F. *Vzlety i padeniya nomenklatury* [Rises and Falls of the Nomenclature], *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta im. G.R. Derzhavina. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Series Humanities], 2007, no. 1 (45), p. 288, 289.

Информация об авторе

Столбинская Анастасия Сергеевна — аспирант, Сибирский институт управления — РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: astolbinskaya-21@edu.ranepa.ru

Information about the author

Anastasia S. Stolbinskaya — Postgraduate Student, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: astolbinskaya-21@edu.ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 23.05.2024; одобрена после рецензирования 07.06.2024; принята к публикации 30.07.2024.

The article was submitted 23.05.2024; approved after reviewing 07.06.2024; accepted for publication 30.07.2024.

Развитие территорий. 2024. № 3. С. 65—71.

Territory Development. 2024;(3):65—71.

Экономические исследования

Научная статья

УДК 332.12

<https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-3-65-71>

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ: БАЛАНСОВЫЙ МЕТОД

Дмитрий Валериевич Василенко

Донецкая академия управления и государственной службы, Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация, dima_vasilenko@list.ru

Аннотация. Рыночный механизм саморегулирования предполагает стремление спроса и предложения к сбалансированности. Региональный рынок труда не является исключением. Равновесие отражает лишь количественное соотношение спроса и предложения. Качественный аспект сбалансированности рынка труда устанавливает соответствие профессионально-квалификационных качеств работника требованиям должности. Поскольку рынок труда представляет собой сложную систему отношений, то для его изучения используется объектно-ориентированная декомпозиция, позволяющая разделить систему, избрав в качестве критерия принадлежность ее элементов к различным абстракциям данной проблемной сферы.

Ключевые слова: экономика, рынок труда, регион, трудовые отношения, сбалансированность

Для цитирования: Василенко Д. В. Теоретические основы обеспечения социально-трудовых отношений: баланс-овый метод // Развитие территорий. 2024. № 3. С. 65—71. <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-3-65-71>

Economic research

Original article

THEORETICAL BASES OF ENSURING SOCIAL AND LABOR RELATIONS: BALANCE METHOD

Dmitri V. Vasylenko

Donetsk Academy of Management and Public Administration, Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation, dima_vasilenko@list.ru

Abstract. The market mechanism of self-regulation implies the aspiration of supply and demand to balance. The regional labor market is not an exception. Equilibrium reflects only the quantitative ratio of supply and demand. The qualitative aspect of labor market equilibrium establishes the compliance of professional and qualification qualities of a worker with the requirements of the position. Since the labor market is a complex system of relations, the object-oriented decomposition is used for its study, it allows to divide the system, choosing as the criterion the belonging of its elements to different abstractions of the field.

Keywords: economy, labor market, region, labor relations, balance

For citation: Vasylenko D.V. Theoretical Bases of Ensuring Social and Labor Relations: Balance Method. *Territory Development*. 2024;(3):65—71. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-3-65-71>

Введение

Региональный рынок труда представляет собой некоторую совокупность внутрифирменных рынков труда, где существует соответствие между качественными характеристиками работника и занимаемой должностью, что позволяет квалифи-

цировать такое состояние, как профессионально-квалификационная его сбалансированность. Природа профессионально-квалификационной сбалансированности может быть раскрыта как результат отношений субъектов рынка труда. Профессионально-квалификационная сбалансированность

отражает необходимые условия действия рыночного механизма саморегулирования. Возможные изменения в трудовом потенциале региона в целом и отдельных предприятий можно отследить на основе определения зависимостей между спросом и предложением совокупного регионального рынка труда, которые характеризуют действие соответствующих факторов и возможностей обеспечения профессионально-квалификационной сбалансированности. Автором статьи определена природа процессов и явлений, объясняющих профессионально-квалификационную сбалансированность спроса и предложения, решена важная научно-практическая задача определения количественного и качественного состава факторов, обуславливающих ситуацию на рынке труда и ее изменения.

Рынок труда является неотъемлемым элементом рыночного механизма хозяйствования, имеющего специфические качества. Так, например, А. М. Колот характеризует рынок труда как самый сложный элемент рыночной экономики [1]. Исследователи В. Боровик, Е. Ермакова и В. Похощев согласны с А. Сухаревой, которая определяет рынок труда как «составную часть структуры рыночной экономики, функционирующей в ней вместе с другими рынками» [2, с. 25]. Однако независимо от того, как экономисты определяют его место и роль в рыночной экономике, понятие «рынок труда» является одним из самых востребованных в экономической теории. Интерес к нему постоянно растет, поскольку меняются условия взаимодействия работодателей и наемных работников. Следует согласиться с мнением о том, что с развитием рыночных отношений и становлением системы социального партнерства изменился и механизм функционирования рынка труда. На смену одним тенденциям всегда приходят другие, требующие научного объяснения. В этой ситуации появляется необходимость в разработке метода научного познания, который бы с максимальной научной объективностью позволил уточнить и прояснить значение изменений на рынке труда.

Целью исследования выступает определение роли и места рынка труда в обеспечении социально-трудовых отношений.

Материалы и методы исследования

Многие из тех, кто избрал предметом исследования экономику труда, считают «научной» обязанностью провести ревизию дефиниции понятия. Исследователи В. Боровик, Е. Ермакова и В. Похощев подчеркивают «наличие различных определений рынка труда» [2, с. 26]. Существуют работы, посвященные систематизации научных взглядов на это понятие. Так, И. Петрова предлагает «три способа, позволяющих раскрыть сущность рынка труда» [3, с. 54]. Вместе с тем для большинства экономистов выяснение его сути является делом вполне естественным.

Следует отметить, что рынок труда — это система социально-экономических отношений.

Многие ученые утверждают, что данная точка зрения свойственна современной российской экономической науке, но при этом они подчеркивают социально-экономический и общественный характер отношений.

Следовательно, при выяснении формальной структуры понятия «рынок труда», его основных составляющих, идентифицирующих рынок труда, необходимо использовать типологические черты, имманентные категории «отношения». В части необходимости структурирования понятия для раскрытия его сути А. М. Колот высказывается так: «для более полного раскрытия сущности категории „рынок труда“ необходимо разобраться в структуре этого рынка, в совокупности элементов и процессов, образующих этот рынок» [1, с. 180].

Результаты научного исследования

С позиций научной абстракции, отношения можно рассматривать с двух ракурсов.

Первый ракурс — общественно-натуральный, поскольку общественные отношения составляют особый тип, а понятие «общественные отношения» является предметом изучения для обществоведов. Характеризуя сущность общественных отношений, они, как правило, в общих чертах раскрывают суть всего комплекса этих отношений, но при этом прерогатива отдается экономической плоскости. Исследователи единодушны в том, что общество — это целостная система, а экономическая сфера общественной жизни вместе с социальной, политической и духовной является одной из ее подсистем. Под общественными отношениями понимаются не только разнообразные формы, но и результаты и условия взаимодействия, взаимосвязи, возникающие в процессе деятельности между социальными группами и внутри них. Исходя из такого толкования, экономические отношения представляют собой разнообразные формы, результаты и условия взаимодействия и взаимосвязи, появляющиеся и формирующиеся в экономическом пространстве между хозяйствующими субъектами. Но вопрос о том, являются ли отношения, возникающие на каждой из фаз воспроизводственного цикла, частью экономических или же частью производственных отношений, остается полемическим.

Таким образом, рынок труда может быть представлен как универсальный механизм развития человечества, демонстрирующий сверхиндивидуальный порядок социального бытия, закономерности которого невозможно объяснить, основываясь на понимании индивидуальностей субъектов, представленных на этом рынке, или же показывающий суть отношений между ними.

Второй ракурс — общетеоретический, ведь экономические отношения рассматриваются в политэкономическом аспекте. Политэкономия изучает сущность, законы и закономерности социально-экономических отношений, а также поведение субъектов в процессе производства, присвоения и потребления материальных благ. Например, Н. В. Герасимов непреклонен, утвер-

жая, что «лишь благодаря соответствующей системе отношений индивиды образуют социально-экономическую общность» [4, с. 154]. При переходе с уровня общности на уровень социально-экономических отношений составляющая «объекты» трансформируется в «стороны», или «субъекты», составляющая «непосредственно отношения» — в «характер зависимости (взаимозависимости)», «основа» — в «объект», «материальный фон» — в «реальные условия». При характеристике рынка труда как особого типа рыночных отношений используются составляющие социально-трудовых отношений. Следовательно, использование метода абстрагирования позволило обозначить концептуальные границы понятия «рынок труда». Необходимым условием при-

менения этого метода является преодоление барьера абстракции. Составляющие являются элементами познания рынка труда, а их система — методологическим приемом преодоления барьера абстракции. Вместе с тем этот подход к определению рынка труда не следует считать абсолютно верным.

Состояние регионального рынка труда является профессионально-квалификационным сбалансированным, когда эффективная (продуктивная) занятость отражает качественное соотношение спроса и предложения в части соответствия профессионально-квалификационных качеств работников (компетентности) требованиям занимаемых ими должностей (компетенций) (рис. 1).

Рис. 1. Объекты социально-трудовых отношений регионального рынка труда
Objects of social and labor relations of the regional labor market

Характеристика составляющих рынка труда содержится во многих работах. Несколько ученых характеризуют деятельность субъектов рынка труда, объекты отношений, характер отношений, реальные условия отношений, результат отношений. Для каждого исследователя характеристика компонента представляет собой аргумент в цепочке логических рассуждений. Следует констатировать, что отсутствие комплексного представления составляющих, предполагающего не столь-

ко определение их сути, сколько наличие логических связей, не позволяет синтезировать необходимые условия функционирования рыночного механизма саморегуляции. Выяснение природы последнего предполагает получение ответов на вопросы: кто, что, где и каким образом регулирует.

Таким образом, к составляющим (элементам) социально-трудовых отношений относятся субъекты, объекты, характер сотрудничества, реальные условия, результат (рис. 2).

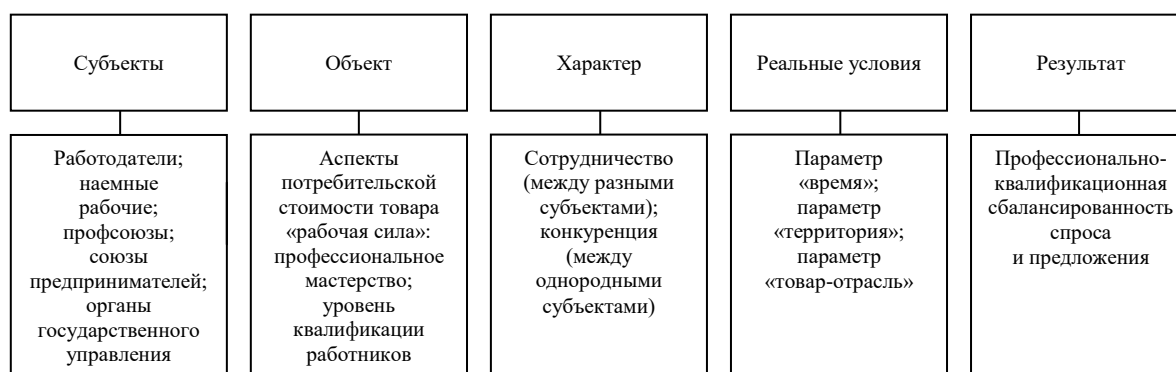

Рис. 2. Элементы социально-трудовых отношений
Elements of social and labor relations

Первой составляющей (элементом), характеризующей социально-трудовые отношения, являются субъекты. Отношения между ними определяют наличие рынка, что объясняет повышенное внимание к данному атрибуту. Несмотря на постоянное изменение состава, на рынке есть субъекты, без которых этот рынок невозможно представить таковым. Так, Ю. Б. Чернявская экономическими субъектами считает «физических и юридических лиц, функционирующих с целью создания продукта, выполнения работ, оказания услуг и получения дохода» [5, с. 156]. Некоторые авторы отмечают, что в экономической теории в качестве субъекта рынка труда функционирует *homo economicus*, а в социологической теории — *homo sociologicus*, поведение которого нелогично и нерационально [6]. Другие авторы признают работодателей и наемных работников основными субъектами [2]. Исследователь С. Ю. Калинкина называет их «юридически и экономически свободными владельцами рабочей силы и средств производства» [7, с. 11], а В. В. Близнюк — «населением и предпринимателями» [8].

Вопрос о субъектах со стороны предложения стал самостоятельным предметом дискуссий. В узком значении к таковым относят безработных и работающих лиц, активно ищущих другую работу, а в широком — всех работающих, поскольку в нестабильной экономике потенциальными и реальными участниками рынка могут стать все трудоспособные. В рынок труда втянуты все занятое, а также незанятое трудоспособное население, которое находится в поиске работы. Подчеркивая масштаб социально-трудовых отношений, отмечаем, что их потенциальными субъектами выступает трудоспособное население. Наличие полемики во многом объясняется условным характером границ отношений.

Масштаб и сложность отношений делают их значимыми для социума. Общество на органы власти возлагает обязанности установления норм и правил, регулирующих отношения основных субъектов рынка, а также функцию контроля за их соблюдением. Многие исследователи считают, что роль государства на рынке труда постоянно усиливается.

Другой точки зрения придерживается А. Е. Лапин. Так, снижение роли государства в постсоветских странах он объясняет, во-первых, изменением собственности; во-вторых, отказом государства от патерналистских принципов руководства отношениями экономических субъектов; в-третьих, формированием системы трудовых отношений на основе принципов трипартизма: «государство — работодатель — работник» [9]. Исключительно рыночных отношений в данной сфере не существует, поскольку сильным является влияние государства и профсоюзов на определение цены рабочей силы [5]. В энциклопедическом издании государство характеризуется как косвенный субъект [10]. Исследователи С. Легомина [11], В. В. Близнюк [8] и А. О. Горовая [12] подчеркивают наличие центральных и региональных

органов, координирующих деятельность рынка труда. В то же время Н. П. Борецкая обращает внимание на необходимость разработки государственной политики социальной защиты среднего класса [13], а исследователь А. А. Шлихтер на опыте США приходит к выводу о том, что именно государство способствует формированию рынка рабочей силы, обеспечению ее качества через программы подготовки и переподготовки [14].

Таким образом, можно сделать некоторые выводы: во-первых, отношения работодателей и наемных работников следует признать базовыми, а все остальные — производными от них; во-вторых, численность субъектов рынка велика, разнообразие их обусловлено выполняемыми функциями; в-третьих, полемика ведется во многих направлениях, и каждое поколение экономистов находит предмет для дискуссии, кроме того, расширяется круг проблем, старые переходят на новый уровень осмысления, что лишь подчеркивает интерес к рынку труда; в-четвертых, характеризовать рынок труда означает анализировать деятельность субъектов в сфере мотивов, поступков и результатов.

Вторая составляющая (элемент) — объект отношений — позволяет выяснить, что следует считать объектом купли-продажи на рынке труда. Подчеркивая полемичность вопроса, ряд отечественных ученых называет четыре объекта: труд, рабочую силу, услуги рабочей силы, результаты труда. Экономическая энциклопедия констатирует, что сторонники теории рынка труда объектом видят рабочую силу [10]. Так, С. Ю. Калинкина [7], Ю. Б. Чернявская [5] подчеркивают специфику товара «рабочая сила». Специфичность объясняется тем, что после продажи этот товар не становится собственностью. Ю. Чернявская считает, что понятия «рынок рабочей силы» и «рынок труда» отличаются тем, что «рабочая сила составляет потенциальную способность к труду, а труд — функционирующую способность» [5, с. 156]. Как считает В. И. Герасимчук, объектом выступают «трудовые услуги владельца рабочей силы, а не услуги труда или рабочей силы, поскольку рабочая сила является имманентным свойством человека, а труд — процессом его потребления» [15, с. 18]. Разнообразие точек зрения свидетельствует о неутомимости научного поиска.

Подобно любому другому товару объект купли-продажи на рынке труда обладает потребительской стоимостью, которая предполагает удовлетворение потребности работодателей, т. е. является общественной потребительской стоимостью. Разнообразие потребностей объясняет разнообразие потребительских ценностей. Потребительская стоимость имеет два базовых аспекта: способность удовлетворять потребность и уровень ее удовлетворения.

Что касается объекта купли-продажи на рынке труда, то первым аспектом является профессиональное мастерство. Некоторые ученые считают, что продаются социально-профессиональные и квалификационные качества работников. Если

человек не работает из-за каких-то обстоятельств по приобретенной специальности, то он теряет квалификацию, а его потенциальная рабочая сила не реализуется. При этом профессиональное мастерство рабочих является важным стратегическим товаром любого государства. Второй аспект включает уровень квалификации работников. Согласно национальному классификатору, «квалификация работников — это уровень профессиональной пригодности». Как считают некоторые авторы, качество трудового потенциала определяется прежде всего квалификацией. Уровень квалификации рабочих кадров в условиях рынка становится важным экономическим фактором, приобретающим хозяйственное и социально-политическое значение. Согласно другому подходу, образовательный профессионально-квалификационный уровень молодых людей рассматривается как стартообразующий показатель («собственно ресурсный дивиденд») на рынке труда. Изучение американского опыта позволяет сделать вывод о том, что уровень квалификации работников был и остается важнейшим фактором трудоустройства.

Следовательно, профессионально-квалификационные качества работников (компетентность) представляют собой основные свойства объекта купли-продажи на рынке труда. Это означает, что данные свойства составляют основу базовых отношений. Цена товара, а также другие условия продажи и потребления определяются соотношением уникальности свойств и платежеспособного спроса работодателя. Свойства имеют индивидуальный спрос и предложение. Отсутствие купли-продажи свидетельствует о невостребованности профессионально-квалификационных качеств работников (компетентности).

Третьей составляющей является характер отношений. Он позволяет установить тип результата отношений. Большое количество рыночных субъектов обуславливает множественность типов отношений. Можно различать три основные формы взаимодействия субъектов на рынке труда: кооперацию, конкуренцию и конфликт. Отношения между разнородными субъектами рынка приобретают форму кооперации, поскольку их цель взаимообусловлена, а между однородными субъектами — форму конкуренции, в связи с единством цели. Следовательно, между основными субъектами рынка труда априори существуют партнерские отношения. Институт социального партнерства можно рассматривать как действенный рыночный механизм, позволяющий решать острые социально-трудовые проблемы, а его создание можно считать целевым постановлением концепции действий на рынке труда.

Следует признать, что подобное толкование характера отношений является итогом длительной эволюции. История материальной цивилизации свидетельствует о том, что абсолютное большинство социальных потрясений прошлого связано именно с конфликтами в сфере социально-трудовых отношений. Если раньше противоборство

сторон носило антагонистический характер, то сейчас партнерские отношения вовсе не отрицают наличия противоречий в отношениях, принимающих форму компромисса. Поэтому точку зрения, согласно которой сущностью отношений на рынке труда является взаимодействие конкурирующих продавцов и покупателей рабочей силы, следует признать ошибочной.

Четвертой составляющей (элементом) являются реальные условия отношений. В условиях хозяйствования существует не абстрактный, а реальный рынок труда. Отмечается, что абстрактная модель рынка труда воспроизводит только самые существенные его характеристики, а реальные рынки труда разнообразны и представляют собой очень сложные системы. Параметры «время», «территория» и «товар — отрасль» являются значениями характеристик рыночных отношений. Структуризация рыночной ситуации устанавливает границы оперативной области ее изучения. Параметры рассмотрены в двух ракурсах: первый раскрывает объективный характер параметра, а второй демонстрирует неоднородность характеристик. Уровни параметров рыночной ситуации определяют значение характеристик рыночных отношений. Признаком разнообразия характеристик, а значит, и уровней параметров ситуации выступает масштаб.

Пятой составляющей является результат отношений основных субъектов рынка. Результат может быть положительным или отрицательным. Положительный означает достижение сторонами компромисса, а отрицательный — наоборот. Как отмечалось ранее, предметом компромисса является стоимость профессионально-квалификационных качеств работников. Рынок труда достигает оптимума при качественном и количественном равновесии предложения и спроса на рабочую силу. Полная эффективная занятость — это не только привлечение всех нуждающихся в работе трудоспособных граждан в трудовой процесс, но и достижение количественного и качественного (профессионально-квалификационного) соответствия занятой рабочей силы количеству рабочих мест, а также их сбалансированности. С позиций энциклопедических знаний, одной из функций рынка труда, раскрывающих его суть, является содействие увеличению сбалансированности между трудовыми ресурсами и рабочими местами, чем и достигается эффективная занятость. Следовательно, занятость отражает количественное соотношение спроса и предложения, а эффективная (продуктивная) занятость — качественное соотношение спроса и предложения в части соответствия профессионально-квалификационных качеств работников (компетентности) требованиям должностей (компетенций), которые они занимают. Если полная занятость свидетельствует о количественном положительном результате отношений основных субъектов, то полная эффективная занятость — о качественном. Полная занятость тождественна сбалансированности рынка труда, а полная эффективная занятость — про-

фессионально-квалификационному равновесию. Последняя предполагает, что в отношениях основных субъектов, имеющих на рынке, достигнуто соответствие профессионально-квалификационных требований работодателя (компетенций) и профессионально-квалификационных качеств работника (компетентности). На рынке труда второго и выше уровней представлены совокупные спрос и предложение, а значит, сбалансированность демонстрирует результат отношений рыночных субъектов. Поскольку профессионально-квалификационная сбалансированность обнаруживается исключительно в отношениях субъектов, то рынок труда второго и выше уровней является совокупностью внутрифирменных рынков труда.

В экономике доминируют неравновесные процессы вследствие нелинейных изменений в динамике развития. Наличие в настоящее время дисбаланса на рынке труда отмечается многими учеными. Так, зарубежные исследователи изучают эту проблему в течение последних шести десятилетий. Они исследуют движение низкоквалифицированных рабочих в Европе и Соединенных Штатах Америки с позиций влияния глобализации на мировой рынок труда. А. А. Рассули, например, исследует логику развития профессио-

нально-квалификационной структуры рабочей силы [16]. Проблема нарушения профессионально-квалификационной сбалансированности особенно актуальна для старопромышленных районов, к которым можно отнести Донбасс.

Выводы

Во-первых, профессионально-квалификационная сбалансированность является результатом отношений рыночных субъектов в реальных условиях. Отражая соотношение индивидуального спроса и предложения, профессионально-квалификационная сбалансированность демонстрирует сбалансированность внутрифирменного рынка труда. Во-вторых, на втором и выше уровнях рынка труда имеется соотношение совокупного спроса и предложения, которое демонстрирует зависимости и взаимозависимости отношений субъектов. Закономерности развития рынков труда второго и выше уровней выражаются во внутрифирменном рынке труда и через него. Изучение профессионально-квалификационной сбалансированности рынка труда второго и выше уровней возможно исключительно на внутрифирменном уровне, поскольку он демонстрирует персонифицированные отношения работодателей и наемных работников.

Список источников

1. Колот А. М. Социально-трудовые отношения: теория и практика регулирования : моногр. Киев : КНЭУ, 2003. 230 с.
2. Боровик В., Ермакова Е., Похвощев В. Системный кризис в области занятости // Федерализм. 2002. № 1. С. 25—46.
3. Петрова И. Процесс сегментации рынка труда // Экономика России. 1995. № 9. С. 52—61.
4. Герасимов Н. В. Экономическая система: генезис, структура, развитие. Минск : Навука і тэхніка, 1991. 351 с.
5. Чернявская Ю. Б. Теоретико-методологические аспекты исследования рынка труда // Формирование рыночных отношений : сб. науч. тр. Киев : НДЭИ, 2006. Вып. 12 (67). С. 155—158.
6. Калугина З. И., Вершинина Т. Н. От полной занятости к трудозыбыточной конъюнктуре: методологические подходы к исследованию формирующегося рынка труда // Регион: экономика и социология. 2000. № 2. С. 93—106.
7. Калинин С. Ю. Управление рынком труда : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Челябинск, 1995. 22 с.
8. Близнюк В. В. Региональные особенности рынка труда: методология исследования, анализ и прогноз : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Киев, 2001. 20 с.
9. Лапин А. Е. Проблемы и перспективы государственного менеджмента рынка труда в России: взгляд из региона // Менеджмент в России и за рубежом. 2000. № 4. С. 61—71.
10. Экономическая энциклопедия : в 3 т / редкол.: С. В. Мочерный (отв. ред.) и др. Киев : Академия, 2002. Т. 3. 952 с.
11. Легомина С. Пути совершенствования регулирования рынка труда // Государство: аспекты труда. 2001. № 4. С. 9—13.
12. Горюва А. О. Регулирование регионального рынка труда в системе социально-экономических отношений : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Львов, 2003. 20 с.
13. Борецкая Н. П. Политика социального обеспечения среднего класса // Демография и социальная экономика. 2007. № 1. С. 170—183.
14. Шлихтер А. А. Государственные программы в сфере труда и занятости (опыт США) // Труд за рубежом. 2004. № 3. С. 45—65.
15. Герасимчук В. И. Трансформация занятости и проблемы социализации рынка труда в переходной экономике : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Киев, 2002. 32 с.
16. Rassuli A. Evolution of the professional contingent workforce // Journal of Labor Research. 2005. Vol. 26, no. 4. P. 689—710.

References

1. Kolot A.M. *Sotsial'no-trudovye otnosheniya: teoriya i praktika regulirovaniya* [Social and Labour Relations: Theory and Practice of Regulation]: monogr. Kiev, KNEU Publ, 2003, 230 p.
2. Borovik V., Ermakova E., Pokhvoshchev V. *Sistemnyy krizis v oblasti zanyatosti* [Systemic Crisis in Employment], *Federalizm* [Federalism], 2002, no. 1, pp. 25—46.
3. Petrova I. *Protsess segmentatsii rynka truda* [Labour Market Segmentation Process], *Ekonomika Rossii* [Economy of Russia], 1995, no. 9, pp. 52—61.

4. Gerasimov N.V. *Ekonomicheskaya sistema: genezis, struktura, razvitie* [Economic System: Genesis, Structure, Development]. Minsk, Navuka i tekhnika, 1991, 351 p.
5. Chernyavskaya Yu.B. Teoretiko-metodologicheskie aspekty issledovaniya rynka truda [Theoretical and Methodological Aspects of Labour Market Research], *Formirovaniye rynochnykh otnosheniy* [Formation of Market Relations] : sb. nauch. tr., Kiev, NDEI, 2006, issue 12 (67), pp. 155–158.
6. Kalugina Z.I., Vershinina T.N. Ot polnoy zanyatosti k trudoizbytochnoy kon'yunkture: metodologicheskie podkhody k issledovaniyu formiruyushchegosya rynka truda [From Full Employment to Labour Surplus: Methodological Approaches to the Study of the Emerging Labour Market], *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2000, no. 2, pp. 93–106.
7. Kalinkina S.Yu. *Upravleniye rynkom truda* [Labour Market Management]: cand. ekon. sci. diss. Abstr., Chelyabinsk, 1995, 22 p.
8. Bliznyuk V.V. *Regional'nye osobennosti rynka truda: metodologiya issledovaniya, analiz i prognoz* [Regional Peculiarities of the Labour Market: Research Methodology, Analysis and Forecasting]: cand. ekon. sci. diss. Abstr., Kiev, 2001, 20 p.
9. Lapin A.E. Problemy i perspektivy gosudarstvennogo menedzhmenta rynka truda v Rossii: vzglyad iz regiona [Problems and Prospects of State Management of the Labour Market in Russia: A Regional View], *Menedzhment v Rossii i za rubezhom* [Management in Russia and Abroad], 2000, no. 4, pp. 61–71.
10. Mocherniy S.V. (eds.). *Ekonomicheskaya entsiklopediya* [Economic Encyclopaedia] : v 3 t. Kiev, Akademiya, 2002, vol. 3, 952 p.
11. Legominova S. Puti sovershenstvovaniya regulirovaniya rynka truda [Ways to Improve Labour Market Regulation], *Gosudarstvo: aspekty truda* [State: Aspects of Labour], 2001, no. 4, pp. 9–13.
12. Gorovaya A.O. *Regulirovaniye regional'nogo rynka truda v sisteme sotsial'no-ekonomicheskikh otnosheniy* [Regulation of the Regional Labour Market in the System of Socio-Economic Relations]: cand. ekon. sci. diss. Abstr. L'vov, 2003, 20 p.
13. Boretskaya N.P. Politika sotsial'nogo obespecheniya srednego klassa [Middle-Class Social Welfare Policies], *Demografiya i sotsial'naya ekonomika* [Demography and Social Economy], 2007, no. 1, pp. 170–183.
14. Shlikhter A.A. Gosudarstvennye programmy v sfere truda i zanyatosti (opyt SShA) [State Programmes in the Sphere of Labour and Employment (the US Experience)], *Trud za rubezhom* [Labour Abroad], 2004, no. 3, p. 45–65.
15. Gerasimchuk V.I. *Transformatsiya zanyatosti i problemy sotsializatsii rynka truda v perekhodnoy ekonomike* [Employment Transformation and Problems of Labour Market Socialization in the Transition Economy], d-r ekon. sci. diss, Kiev, 2002, 32 p.
16. Rassuli A. Evolution of the professional contingent workforce, *Journal of Labor Research*, 2005, vol. 26, no. 4, pp. 689–710.

Информация об авторе

Василенко Дмитрий Валериевич — доктор экономических наук, доцент, доцент кафедры теории управления и государственного администрирования, Донецкая академия управления и государственной службы, Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация. E-mail: dima_vasilenko@list.ru

Information about the author

Dmitri V. Vasilenko — Doctor of Economics Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Management Theory and Public Administration, Donetsk Academy of Management and Public Administration, Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation. E-mail: dima_vasilenko@list.ru

Статья поступила в редакцию 27.03.2024; одобрена после рецензирования 07.06.2024; принята к публикации 31.08.2024.

The article was submitted 27.03.2024; approved after reviewing 07.06.2024; accepted for publication 31.08.2024.

ЭНЕРГОСБАЛАНСИРОВАННОСТЬ РЕГИОНОВ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Валерий Игоревич Белов

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, v.i.belov@bk.ru

Аннотация. Российское законодательство определяет сбалансированное пространственное развитие страны как государственную задачу, реализация которой связана в том числе с энергетической сбалансированностью российских регионов. В России наблюдается значительная межрегиональная дифференциация по уровню энергообеспеченности энергетическими активами, которая, в свою очередь, связана с внутренней энергетической несбалансированностью регионов. Целью исследования является осуществление анализа энергезависимости и энергообеспеченности регионов, которые создают региональные проблемы в области энергоразвития территорий, а также определение возможных путей их преодоления посредством принятия стратегических решений со стороны органов государственной власти.

Ключевые слова: энергезависимость, энергообеспеченность, устойчивое развитие, энергоемкость региональной экономики, энергодифицитный регион, энергопотребление

Для цитирования: Белов В. И. Энергосбалансированность регионов России: проблемы и пути решения // Развитие территорий. 2024. № 3. С. 72—79. <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-3-72-79>

Economic research

Original article

ENERGY BALANCE OF RUSSIAN REGIONS: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Valeriy I. Belov

Northwestern Institute of Management — Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation, v.i.belov@bk.ru

Abstract. Russian legislation defines balanced spatial development of the country as a state task, the realization of which is connected, among other things, with energy balance of Russian regions. There is a significant interregional differentiation in the level of energy supply with energy assets in Russia, which, in turn, is associated with the internal energy imbalance of the regions. The purpose of the study is to analyze the energy dependence and energy supply of regions, which create regional problems in the field of energy development of territories; to identify possible ways to overcome the abovementioned problems by means of strategic decision-making on the part of public authorities.

Keywords: energy dependence, energy supply, sustainable development, energy intensity of regional economy, energy-deficient region, energy consumption

For citation: Belov V.I. Energy balance of Russian regions: problems and solutions. *Territory Development*. 2024;(3):72—79. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-3-72-79>

Введение

В утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р Стратегии пространственного развития России на период до 2025 г. обозначен ряд основных проблем, характеризующихся несбалансированностью и высокой межрегиональной дифференциацией субъектов Российской Федерации, среди которых отмечается несоответствие существующего уровня развития потребностям экономики и населения регионов России, а также наличие инфраструктурных ограничений в сфере энергетики. В целях ускорения темпов экономического роста и обеспечения сбалансированного

пространственного развития страны предполагается ликвидация инфраструктурных ограничений федерального значения и повышение доступности и качества энергетической инфраструктуры, которые к настоящему времени не реализованы. Аналогичные цели государственной политики регионального развития обозначены в Указе Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года», согласно которому необходимо обеспечить сбалансированное и устойчивое социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации

посредством решения приоритетных задач: инфраструктурного обеспечения пространственного развития экономики, утверждения планируемого размещения федеральной, региональной и муниципальной инженерной, энергетической инфраструктуры. В Указе Президента Российской Федерации от 8 ноября 2021 г. № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» в качестве целей государственной политики в сфере стратегического планирования обозначены обеспечение эффективного использования ресурсов (в том числе и энергетических), создание условий для долгосрочного устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации.

Достижением поставленных целей и решением государственных задач обеспокоенно и научное сообщество, многочисленные публикации которого посвящены устойчивому развитию территорий [1—4]. Так, руководствуясь международными резолюциями и документами [5—7], а также национальной документацией в этой области, под устойчивым развитием чаще всего понимается баланс между экономическими, социальными и экологическими аспектами [8], т. е. определенный триединый подход, позволяющий учитывать разнообразие факторы, управление которыми отвечает принятым документам и потребностям развития регионов и экономики в целом [9 ; 10].

Другим подходом к анализу устойчивого развития региональных систем отличаются исследования, в которых такая триада (экономика, экология, социальная сфера) рассматривается по отдельности [11]. При этом особое внимание уделяется вопросам измерения устойчивого развития регионов [12—15]. Согласно принятым Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций (ООН) документам, устойчивое развитие страны предполагает достижение национальными государствами взаимосвязанных целей устойчивого развития (насчитывается 17 глобальных целей и 169 показателей-задач). Российская Федерация, следуя мировым трендам и глобальной повестке, ратифицировала международные конвенции и соглашения и помимо опубликования ежегодных отчетных статистических данных периодически представляет российскому и мировому сообществу различные доклады [16 ; 17] и коммюнике, отражающие происходящие изменения и эффективность достижения поставленных целей в области устойчивого развития.

При этом стоит заметить, что в научной литературе и в отдельных нормативных правовых документах понятия «устойчивое развитие» и «сбалансированное развитие» часто отождествляются или представляются синонимичными, хотя это не является бесспорным. Базируясь на некоторых общих для двух понятий принципах и постулатах, в содержательном плане они имеют определенные различия. Так, сбалансированное развитие предполагает поддержание необходимой пропорциональности — экономической, социальной,

инфраструктурной, при которой возможно устойчивое развитие социально-экономических систем [18]. По мнению других авторов, сбалансированное развитие связано с диверсификацией экономики, позволяющей изменять пропорции между различными отраслями экономики, тем самым обеспечивая устойчивость развития региональных систем [19]. Тогда можно заключить, что устойчивое развитие обеспечивается сбалансированным развитием, так как любая сбалансированная система приводит ее к устойчивому развитию, и любую систему можно считать устойчивой, если она характеризуется сбалансированным развитием.

Отличительным моментом можно считать и то обстоятельство, что применительно к субъектам Российской Федерации сбалансированное развитие предполагает сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом состоянии регионов и качестве жизни [20], которая, как можно заключить, появляется «благодаря» возникновению различных диспропорций, т. е. несбалансированности отдельных отраслей и секторов региональной экономики как внутри конкретного региона, так и между региональными экономиками в целом. К причинам такой несбалансированности следует отнести несколько общеизвестных обстоятельств: во-первых, естественные различия природно-климатических условий, во многом формирующие ресурсно-производственный потенциал региона (объективные причины); во-вторых, нерелевантность принимаемых управленческих решений и несовершенство региональной политики в отдельных регионах страны (субъективные причины); в-третьих, различия в темпах роста (развития) ряда отраслей и секторов региональной экономики (имманентные причины).

Устойчивое развитие региональных экономик и страны в целом наряду с прочим предполагает достижение определенного баланса между наличествующими (собственными) энергетическими ресурсами региона и потребностями в них, т. е. предполагает достижение энергосбалансированности как внутри региона, так и между регионами. В этом отношении большинство субъектов Российской Федерации характеризуется крайней несбалансированностью.

Выделим две существенные проблемы.

Первая проблема связана со статической, вторая — с динамической энергонесбалансированностью регионов. Так, например, при соотношении собственной генерации электроэнергии к ее потреблению в регионе, т. е. при определении внутренней энергообеспеченности (самодостаточности) региона в энергоресурсах (электроэнергии) наблюдается значительная межрегиональная дифференциация: между энергоизбыточными субъектами Российской Федерации, производство электроэнергии в которых, по расчетам автора и официальным данным Федеральной службы государственной статистики (Росстата), в 2—5 раз превышает собственные потребности (Костромская

и Амурская области, Ставропольский край и др.), и энергодефицитными субъектами Российской Федерации, потребность которых в электроэнергии в 25—30 раз превышает собственные энергетические мощности (Брянская, Калужская, Псковская области и др.).

Вторая проблема, отражающая энергетическую несбалансированность регионов, демонстрирует высокие темпы роста энергозависимости субъектов Российской Федерации. По данным электробаланса Российской Федерации, в региональном разрезе энергозависимость региона можно считать как отношение полученной электроэнергии из-за пределов субъекта Российской Федерации к потребленной на данной территории. Так, с 2010 по 2022 г. межрегиональная энергозависимость возросла от нескольких сотен раз (300—600 % в Самарской области, Республике Якутия, Пермском крае) до нескольких тысяч раз (1000—3000 % в Республике Дагестан, Иркутской и Рязанской областях), что, безусловно, требует пристального внимания со стороны научного сообщества и принятия срочных решений на базе анализа наблюдаемых тенденций развития со стороны органов государственной власти.

Оценка внутри- и межрегиональной энергосбалансированности регионов (первая проблема)

Согласно расчетным данным по электробалансу за 2022 г., представленным на официальном сайте Росстата, 59 (69,41 %) из 85 субъектов Российской Федерации не имеют собственных энергоресурсов (электроэнергии) в полном объеме, необходимых для осуществления и организации производственно-экономической деятельности и комфортной жизнедеятельности людей. Среди энергонеобеспеченных регионов выделяются Республика Ингушетия, полностью (на 100 %) являющаяся энергодефицитной, Еврейская автономная область, энергообеспеченность которой составляет 0,09 %. Самодостаточность в электроэнергии Брянской области составляет 3,05 %, Псковской области — 3,16 %, Калужской области — 3,80 %, Белгородской области — 7,21 %, Республики Тыва — 12,91 %.

Вместе с тем 24 региона (28,23 %) из 85 субъектов Российской Федерации обладают собственными энергетическими мощностями по генерации электроэнергии в объеме, превышающем свои собственные потребности (выработка составляет >100 %). Таким образом, они являются энергообеспеченными (к данной группе регионов следует добавить Камчатский край и Сахалинскую область, в которых параметры производства и потребления электроэнергии равны, т. е. они энергообеспечены ровно на 100 %). Аналогично группе энергодефицитных регионов в группе энергообеспеченных также наблюдается значительная вариабельность. Можно выделить несколько энергообеспеченных регионов с самыми высокими значениями: Тверская область — 496,73 %, Костромская область — 459,08 %, Смо-

ленская область — 359,08 %, Саратовская область — 358,38 %, Курская область — 252,69 %, Ростовская область — 238,23 %, Воронежская область — 228,59 %, Амурская область — 203,90 %, Ленинградская область — 193,99 %.

Проблема дефицита электроэнергии в большинстве регионов страны в настоящее время решается стандартным способом — путем перетока электроэнергии по высоковольтным линиям электропередачи из энергодостаточных в энергодефицитные регионы. Однако такая оперативная мера (которую на данном этапе можно рассматривать как временную, не носящую стратегический характер) в целом не решает проблему энергосбалансированности регионов и их устойчивого развития, а лишь создает видимость решения данной проблемы.

Аргументами в пользу данного суждения можно считать следующие пояснения.

Во-первых, сам по себе переток электроэнергии только закрепляет сложившееся положение дел в энергохозяйстве региона: энергозависимость регионов не сокращается, а баланс энергоресурсов в модели «производство — потребление» остается ненормальным, несовершенным. Тезис о том, что такой подход позволяет энергетически связать регионы и обеспечить их энергетическую безопасность лишь при первом приближении кажется состоятельным, но при более глубоком рассмотрении вопроса едва ли является таковым. Если предположить обесточивание первоисточника энергии по каким-либо причинам в одном энергообеспеченном регионе, а вслед за ним и во всех других зависящих от него регионах, то под угрозой как раз и оказывается та самая энергетическая безопасность регионов, которая, по идее, энергетически «скрепляла» субъекты Российской Федерации. Риск возникновения подобных ситуаций ставит под сомнение использование такого подхода в стратегическом плане. Более надежным способом получения энергоресурсов и сбалансированного энергоразвития территории представляется выработка необходимой энергии посредством собственных генерирующих мощностей, расположенных на территории энергодефицитного региона.

Во-вторых, следует обратить внимание на ситуацию, когда избыточная добыча полезных ископаемых и избыточное производство электроэнергии располагаются в одном регионе страны, а ее потребление находится в другом. В таком случае возникает непропорциональность учета экологических издержек. Так, например, вполне очевидно, что регионы, связанные с добычей и переработкой энергоресурсов, значительно больше загрязняют окружающую среду, чем регионы, в которых подобная генерация энергии отсутствует. Тогда складывается ситуация, что регионы-генераторы, обеспечивающие электроэнергией многие другие субъекты Российской Федерации, признаются регионами с неустойчивым развитием ввиду высоких экологических издержек, в то время как регионы-потребители, ис-

пользующие эту энергию в своей производственной деятельности (не всегда являющейся экологически чистой), напротив, признаются регионами с устойчивым развитием. Подобные метаморфозы не только искажают реальную ситуацию в регионе, но и требуют сбалансированного подхода в вопросах соотношения экономической и экологической составляющих.

В-третьих, определенная энергетическая несбалансированность наблюдается в «атомных» регионах страны, т. е. в тех регионах, где располагаются атомные электростанции. Примечательным и несколько странным оказывается тот факт, что считающиеся энергообеспеченными регионами, выработка энергии на территории которых в несколько раз превышает собственные потребности, формально и частично являются энергозависимыми субъектами Российской Федерации. Расчеты показывают, что, например, энергозависимость Воронежской области составляет 8,92 %, Курской области — 1,07 %, Смоленской области — 1,49 %, Тверской области — 4,85 %, Ленинградской области — 7,42 %, Ростовской области — 4,98 %, Свердловской области — 1,86 %. Небезынтересная ситуация складывается в Костромской области, энергообеспеченность которой составляет 459 %, но при этом регион является энергозависимым от поставок энергии из других субъектов Российской Федерации на 94,02 % (!). С организационно-управленческой точки зрения, такая «энергосбалансированность» региона трудно поддается объяснению.

В-четвертых, рассчитанные парные коэффициенты корреляции Пирсона между валовым региональным продуктом (ВРП) и энергозависимостью регионов ($r = -0,2174$), а также между ВРП на душу населения и энергозависимостью регионов ($r = -0,3236$) за 2021 г. (по всем 85 субъектам Российской Федерации) дополнительно подтверждают тезис о том, что энергосбалансированность регионов является существенным фактором их устойчивого развития. Так, отрицательная корреляция между данными показателями означает, что снижение энергетической зависимости субъектов Российской Федерации от поставок энергоресурсов из соседних регионов, как это происходит в настоящее время, и повышение собственной энергообеспеченности, будут способствовать росту региональной экономики (ВРП) и качества жизни населения (ВРП на душу населения).

Оценка динамической энергосбалансированности российских регионов (вторая проблема)

Наряду со статической энергосбалансированностью регионов необходимо рассмотреть и динамическую, отражающую темпы роста энергозависимости субъектов Российской Федерации. Проведенный анализ динамических рядов вместе с расчетом темпов роста базисным методом за период с 2010 по 2022 г. показывает значительную вариабельность между регионами страны.

Так, например, темпы роста энергозависимости в Амурской области составили 0,36 %, в Саратовской области — 0,50 %, в Липецкой области — 0,91 %, в Республике Хакасия — 3,94 %, в Тверской области — 5,80 %. Обращают на себя внимание субъекты Российской Федерации с самыми высокими темпами роста за указанный период: Республика Дагестан — 3 040,28 %, Иркутская область — 1 133,24 %, Рязанская область — 1 041,98 %, Пермский край — 648,95 %, Республика Саха — 364,36 %, Самарская область — 336,47 %.

Низкие темпы роста энергозависимости в ряде регионов страны свидетельствуют о сложившемся энергобалансе и относительно стабильном энергопотреблении, что с точки зрения энергоёмкости региональной экономики можно охарактеризовать как положительное явление. Столь высокие темпы роста энергозависимости в Дагестане связаны с тем, что при сократившемся на ~16 % собственном производстве электроэнергии (с 5 541,1 млн кВт·ч в 2010 г. до 4 684,8 млн кВт·ч в 2022 г.) в Республике возросло энергопотребление на ~62 % (с 5 150,2 млн кВт·ч в 2010 г. до 8 338,1 млн кВт·ч в 2022 г.), и регион из энергообеспеченного превратился в энергозависимый. Примечательно, что только на две отрасли хозяйства («городское и сельское хозяйство» и «потери в электросетях») приходится 82,5 % от всего энергопотребления в регионе. В Рязанской области динамика в тысячу процентов объясняется схожими причинами: сократившимся на ~42 % собственным производством электроэнергии (с 10 284,1 млн кВт·ч в 2010 г. до 5 974,4 млн кВт·ч в 2022 г.) и возросшим на 21 % энергопотреблением (с 6 157,7 млн кВт·ч в 2010 г. до 7 454,7 млн кВт·ч в 2022 г.). Аналогичный по динамике темп роста в Иркутской области связан с наращиванием регионом объемов транзита электроэнергии через свою территорию. Так, в 2010 г. из-за пределов данного субъекта Российской Федерации было получено 541 млн кВт·ч электроэнергии, а отпущено за пределы региона 8 781,8 млн кВт·ч, в 2022 г. получено 7 043,5 млн кВт·ч, отпущено 15 278,2 млн кВт·ч. На самом деле энергозависимым регион является искусственно. Будучи энергоизбыточным субъектом Российской Федерации, Иркутская область лишь «благодаря» методике расчета и выполнению транзитных функций формально становится энергозависимым регионом. Данный факт, как и в случае с первой проблемой, характеризует некоторые регионы страны как энергонесбалансированные с организационно-управленческой точки зрения. Фактически же они остаются энергоизбыточными, а проблема энергосбалансированности таких регионов смещается от наличия собственных энергоресурсов, дефицит которых испытывает большинство субъектов Российской Федерации, в сторону их перевыработки — генерации энергии в объеме, превышающем собственные потребности региона. Вместе с тем рассмотрение проблемы, связанной с динамической

энергосбалансированностью регионов вкупе с их энергообеспеченностью, позволяет выделить наиболее проблемные (энергонесбалансированные) субъекты Российской Федерации и определить приоритетные направления сбалансированного и устойчивого энергоразвития территорий в стратегическом плане.

Результаты и выводы

При сопоставлении рассчитанных данных (все расчеты выполнены согласно имеющимся официальным данным Федеральной службы государ-

ственной статистики по электробалансу Российской Федерации за соответствующий период) главным компонентом при группировке и сортировке российских регионов (исследование проводилось по всем 85 субъектам Российской Федерации) стали темпы роста энергообеспеченности территории, поскольку они отражают изменения в энергетической самодостаточности и энергоемкости региональной экономики. Были выделены первые 14 субъектов Российской Федерации с самыми высокими темпами роста по показателю энергообеспеченности (таблица).

Динамика изменений энергозависимости и энергообеспеченности отдельных российских регионов
Dynamics of changes in energy dependence and energy supply of individual Russian regions

№ п/п	Субъект Российской Федерации	Энергозависимость по годам, %		Энергообеспеченность по годам, %	
		2022 г.	темп роста 2022 г. к 2010 г.	2022 г.	темп роста 2022 г. к 2010 г.
1	Чеченская Республика	80,88	80,93	47,14	87641,66
2	Республика Алтай	85,45	85,95	19,47	3390,73
3	Республика Калмыкия	98,20	85,71	112,75	2577,66
4	Республика Адыгея	72,27	77,50	27,73	410,98
5	Республика Северная Осетия	104,64	88,39	46,22	234,97
6	Новгородская область	66,05	66,75	46,69	234,92
7	Воронежская область	8,92	8,81	228,59	180,15
8	Курганская область	28,29	46,68	79,56	179,45
9	Ростовская область	4,98	27,01	238,23	154,24
10	Калининградская область	33,16	29,63	115,14	147,11
11	Республика Хакасия	0,82	3,94	114,69	144,92
12	Ярославская область	76,38	107,92	83,21	144,50
13	Астраханская область	39,55	48,69	92,89	141,62
14	Кабардино-Балкарская Республика	86,11	91,40	36,89	136,82

Примечание. Составлено и рассчитано автором по данным Росстата по электробалансу Российской Федерации.

Note. Compiled and calculated by the author according to Federal State Statistics Service data on the energy balance of the Russian Federation.

Самые высокие темпы роста энергообеспеченности наблюдаются в Чеченской Республике (87 641,66 %), что связано со строительством в 2018—2019 гг. Грознецкой ТЭС ввиду значительно возросшего энергопотребления в регионе (в 1 322 раза), ~67 % которого так же, как и в Республике Дагестан, приходится на две отрасли хозяйства — «городское и сельское хозяйство» и «потери в электросетях». Аналогичные причины объясняют столь высокие темпы роста энергообеспеченности Республики Алтай, когда за 2015—2019 гг. были построены и введены в эксплуатацию семь солнечных электростанций. При этом отметим, что данный регион является единственным в России, где более половины вырабатываемой электроэнергии приходится на возобновляемые источники энергии, но мощность которых пока не позволяет обеспечить регион энергоресурсами в необходимом объеме, поэтому он остается энергозависимым на 85 %. Схожая ситуация наблюдается в Республике Калмыкия с введенными там в эксплуатацию солнечными электростанциями — Малодербетовской и Яшкульской, а также в Республике Адыгея, где наряду с солнечной электростанцией эксплуатируется и вновь введенная в 2019—2020 гг. Адыгейская ВЭС — крупнейшая ветроэлектростанция в России.

В целом анализ данных позволяет заключить, что отрицательные темпы роста по показателю энергозависимости регионов (значение показателя <100 %, за исключением Ярославской области, где положительное значение объясняется тем, что почти 80 % полученной из-за пределов субъекта Российской Федерации энергии перенаправляется в другие регионы) свидетельствуют о наметившемся тренде в сторону повышения территориями своей энергообеспеченности (см. таблицу). В то же время положительная динамика в темпах роста по энергообеспечению региональных экономик собственными энергоресурсами (электроэнергией) фиксирует факт возросшего энергопотребления в регионах, а значит, и роста региональной энергоемкости, которая, согласно Указу Президента Российской Федерации от 4 июня 2008 г. № 889 «О некоторых мерах по повышению энергетической и экологической эффективности российской экономики», должна ежегодно сокращаться. То есть, с одной стороны, для большинства регионов страны, испытывающих недостаток в энергоресурсах, собственная генерация энергии снижает их энергозависимость от поставок от других субъектов Российской Федерации и характеризует таким образом развитие региона как сбалансированное и устойчивое,

а с другой стороны, повышение энергообеспеченности региона за счет строительства новых генерирующих энергомошностей и рост энергопотребления в регионе приводят к энергосбалансированности территории и неустойчивому ее развитию.

Представляется, что подобная дихотомия может быть урегулирована путем решения двудеиной задачи. В первом случае тренд на создание возобновляемых источников энергии и дополнительных энергомошностей должен поддерживаться и поощряться государственными органами власти, причем следует принимать во внимание не только строительство так называемых альтернативных источников энергии, но и обустройство региона когенерационными установками, преимущества и экономическая целесообразность которых подтверждаются их практической эксплуатацией в отдельных субъектах Российской Федерации. Во втором случае снижение энергоемкости региональных экономик может быть обеспечено, как минимум, двумя способами: за счет наращивания объемов производимой продукции (при этом темпы роста производства должны опережать темпы роста энергопотребления), тогда положительное сальдо в модели «производство (продукции) — потребление (энергии)» будет свидетельствовать о сбалансированности региона и его устойчивом развитии; путем сокращения энергопотерь в электросетях посредством внедрения более совершенного распределительного оборудования и локальной организации энергохозяйства региона.

Заключение

На базе проведенного анализа можно констатировать, что российские регионы обладают различной энергозависимостью и энергообеспеченностью, что является следствием сложившихся природно-климатических условий, отраслевой структуры региональной экономики, имеющейся энергетической инфраструктуры и др. Тем не ме-

нее схожесть энергоразвития регионов позволяет сгруппировать их и выработать стратегические направления энергосбалансированного развития. Так, решение внутрирегиональной проблемы, связанной с недостатком собственной генерации энергии, видится в создании дополнительной энергетической инфраструктуры и повышении собственных энергетических активов региона с учетом особенностей самого региона. Для этого потребуются не только принятие стратегического решения на уровне региональных властей и внесение соответствующих изменений в стратегические документы региона (Стратегию социально-экономического развития субъекта Российской Федерации, Схему и программу развития электроэнергетических систем России и др.), но и согласование их с федеральными органами власти, ответственными за создание и развитие энергообъектов на территории субъекта Российской Федерации.

Решение энергетической несбалансированности регионов, в которых доля производства энергии значительно превышает собственное производство, видится в наращивании объемов энергопотребления путем создания дополнительных производственных мощностей на своей территории (в отдельных случаях допускается создание энергоемкого производства ввиду избыточности энергоресурсов и относительно недорогой их стоимости), но при строгом соблюдении условия: темпы роста производства должны опережать темпы роста энергопотребления. В противном случае осуществление перетока избыточной энергии по многокилометровым линиям электропередачи в другие энергодефицитные регионы страны приводит и будет приводить к значительным энергетическим потерям в электросетях, устранить которые в данной «модели» никак не удастся ввиду природы таких энергопотерь, т. е. энергоемкость региональных экономик будет только возрастать, а устойчивость их развития будет снижаться.

Список источников

1. Захарова Е. Н., Бахова Я. С. Устойчивое развитие территории: теоретические основы и стратегический подход к реализации // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 10 (6А). С. 53—63.
2. Региональная социально-экономическая политика и устойчивое развитие: приоритеты развития сельских территорий / Н. В. Полуянова, Н. А. Киреева, И. М. Кублин, О. В. Прущак // Экономика устойчивого развития. 2021. № 4 (48). С. 144—152.
3. Устойчивое развитие экономики России: стратегии и тактики перехода к новому качеству экономического роста / Е. Н. Бабина, Г. В. Бондаренко, Н. В. Брюханова и др. ; под ред. К. Н. Ермолаева, О. А. Подкопаева. Самара, 2021. 260 с.
4. Чилиев Б. М. Устойчивое развитие регионов России: от стратегии к тактике // Экономическая безопасность. 2023. Т. 6, № 2. С. 717—728.
5. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (A/RES/70/1): Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 г. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 28.03.2024).
6. Наше общее будущее : доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития. 1987. URL: <http://www.ask-force.org/web/Sustainability/Brundtland-Our-Common-Future-1987-2008.pdf> (дата обращения: 28.03.2024).
7. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию : принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3—14 июня 1992 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 28.03.2024).
8. Василенко Н. В., Кулик А. В. Устойчивое развитие: теоретические подходы и принципы // Экономика устойчивого развития. 2023. № 4 (56). С. 44—50.

9. *Факторы и эффективные механизмы устойчивого развития* : моногр. / под общ. ред. Г. Ю. Гуляева. Пенза : Наука и Просвещение, 2020. 148 с.
10. Шимановский Д. В., Третьякова Е. А. Моделирование социо-эколого-экономических взаимосвязей как способ оценки устойчивого развития регионов РФ // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2020. № 15 (3). С. 369—384.
11. Бахматова А. К., Сарисвили М. Г. Механизм достижения целей устойчивого развития в России: проблемы и пути их решения // Фундаментальные исследования. 2021. № 3. С. 12—16.
12. Алферова Т. В. Устойчивое развитие региона: подходы к отбору показателей оценки // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2021. № 15 (4). С. 494—511.
13. Холодковская Н. С. Оценка экономических показателей устойчивого развития региональной экономики // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2021. № 2. С. 11—19.
14. Гринчель Б. М., Назарова Е. А. Анализ и управление устойчивым развитием регионов по фактору качества жизни // Друковский вестник. 2020. № 3. С. 209—223.
15. Масленникова А. В. Пространственное измерение региональной политики России: от Плана ГОЭЛРО до стратегии устойчивого развития // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2021. № 1. С. 87—95.
16. Цели устойчивого развития. ООН и Россия : доклад Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации. URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/11068.pdf?ysclid=ludqahez2q393694478> (дата обращения: 28.03.2024).
17. Регионы России и цели устойчивого развития, ООН 2021 : доклад / Российская ассоциация содействия ООН. URL: <https://una.ru/uploads/userfiles/file/> (дата обращения: 28.03.2024).
18. Сбалансированное развитие территории: подходы к определению и оценке / Л. А. Гамидуллаева, Е. С. Грошева, О. А. Белоградова, Д. Н. Шевченко // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2022. № 3 (43). С. 25—41.
19. Старикова М. С., Овусу-Донкор Принц. Сбалансированное развитие региона: подходы к определению // Электронный научный журнал «Вектор экономики». 2019. № 1. URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2019/1/regionaleconomy/Starikova_Ovusu-Donkor.pdf (дата обращения: 28.03.2024).
20. Сергеева Н. В. Обзор подходов к понятию сбалансированного развития региона // Государственное и муниципальное управление : ученые записки. 2019. № 4. С. 139—142.

References

1. Zakharova E.N., Bakhova Ya.S. Ustoychivoe razvitie territorii: teoreticheskie osnovy i strategicheskiy podkhod k realizatsii [Sustainable Territory Development: Theoretical Foundations and Strategic Approach to Implementation], *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 2020, no. 10 (6A), pp. 53—63.
2. Poluyanov N.V., Kireeva N.A., Kublin I.M., Prushchak O.V. Regional'naya sotsial'no-ekonomicheskaya politika i ustoychivoe razvitie: priori-tety razvitiya sel'skikh territoriy [Regional Socio-Economic Policies and Sustainable Development: Priorities for Rural Territories Development], *Ekonomika ustoychivogo razvitiya* [Economics of sustainable development], 2021, no. 4 (48), pp. 144—152.
3. Babina E.N., Bondarenko G.V., Bryukhanova N.V. i dr. *Ustoychivoe razvitie ekonomiki Rossii: strategii i taktiki perekhoda k novomu kachestvu ekonomicheskogo rosta* [Sustainable Development of the Russian Economy: Strategies and Tactics of Transition to a New Quality of Economic Growth], Samara, 2021, 260 p.
4. Chiliev B.M. *Ustoychivoe razvitie regionov Rossii: ot strategii k taktike* [Sustainable Development of Russian Regions: from Strategy to Tactics], *Eko-nomicheskaya bezopasnost'* [Economic security], 2023, vol. 6, no. 2, pp. 717—728.
5. *Preobrazovanie nashego mira: Povesotka dnya v oblasti ustoychivogo razvitiya na period do 2030 goda (A/RES/70/1)* [Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development]: Rezolyutsiya, prinyataya General'noy Assambleey OON 25 september 2015 g. [Resolution adopted by the General Assembly OON on 25 September 2015]. Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (accessed: 28.03.2024).
6. *Nashe obshcheye budushchee : doklad Vsemirnoy komissii po voprosam okruzhayushchey sredy i razvitiya* [Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future]. 1987. Available at: <http://www.ask-force.org/web/Sustainability/Brundtland-Our-Common-Future-1987-2008.pdf> (accessed: 28.03.2024).
7. *Rio-de-Zhaneyskaya deklaratsiya po okruzhayushchey srede i razvitiyu : prinyata Konferentsiye OON po okruzhayushchey srede i razvitiyu* [The Rio Declaration on Environment and Development: Adopted at the 1992 United Nations "Conference on Environment and Development"], Rio-de-Zhaneyro, 3—14 June 1992 g. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (accessed: 28.03.2024).
8. Vasilenko N.V., Kulik A.V. Ustoychivoe razvitie: teoreticheskie podkhody i printsipy [Sustainable Development: Theoretical Approaches and Principles]. *Ekonomika ustoychivogo razvitiya* [Economics of sustainable development], 2023, no. 4 (56), pp. 44—50.
9. *Faktory i effektivnye mekhanizmy ustoychivogo razvitiya* [Factors and Effective Mechanisms for Sustainable Development]: monogr. Penza, Nauka i Prosveshchenie, 2020, 148 p.
10. Shimanovskiy D.V., Tret'yakova E.A. Modelirovanie sotsio-ekologo-ekonomicheskikh vzaimosvyazey kak sposob otsenki ustoychivogo razvitiya regionov RF [Modeling Social Ecological Economic Relations as an Assessment Method for Sustainable Development of Regions in the Russian Federation], *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Ekonomika* [Perm University. Herald: Economy], 2020, no. 15 (3), pp. 369—384.
11. Bakhmatova A.K., Sarishvili M.G. Mekhanizm dostizheniya tseley ustoychivogo razvitiya v Rossii: problemy i puti ikh resheniya [The Mechanism of Achieving the Sustainable Development Goals in Russia: Problems and Ways of Their Solution], *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental research], 2021, no. 3, pp. 12—16.
12. Alferova T.V. Ustoychivoe razvitie regiona: podkhody k otboru pokazateley otsenki [Sustainable Development of the Region: Approaches to Selecting Evaluation Indicators], *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Ekonomika* [Perm University Herald. Economy], 2021, no. 15 (4), pp. 494—511.

13. Kholodkovskaya N.S. Otsenka ekonomicheskikh pokazateley ustoychivogo razvitiya regional'noy ekonomiki [Assessment of Economic Indicators of Sustainable Development of the Regional Economy], *Vestnik Rossiyskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek i obshchestvo* [Bulletin of the Russian New University. Series: Man and Society], 2021, no. 2, pp. 11–19.
14. Grinchel' B.M., Nazarova E.A. Analiz i upravlenie ustoychivym razvitiem re-gionov po faktoru kachestva zhizni [Analysis and Management of Sustainable Development of Regions by Quality of Life Factor], *Drukerovskiy vestnik* [The Drucker Bulletin], 2020, no. 3, pp. 209–223.
15. Maslennikova A.V. Prostranstvennoe izmerenie regional'noy politiki Ros-sii: ot Plana GOELRO do strategii ustoychivogo razvitiya [The Spatial Dimension of Russia's Regional Policy: From the State Commission for Electrification of Russia Plan to the Sustainable Development Strategy], *Vestnik Rossiyskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek i obshchestvo* [Bulletin of the Russian New University. Series: Man and Society], 2021, no. 1, pp. 87–95.
16. *Tseli ustoychivogo razvitiya. OON i Rossiya : doklad Analiticheskogo tsentra pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii* [Sustainable Development Goals. The UN and Russia : Report of the Analytical Centre under the Government of the Russian Federation]. Available at: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/11068.pdf?ysclid=ludqahez2q393694478> (accessed: 28.03.2024).
17. *Regiony Rossii i tseli ustoychivogo razvitiya, OON 2021 : doklad / Rossiyskaya assotsiatsiya sodeystviya OON* [Russia's Regions and the Sustainable Development Goals, UN 2021 : Report / the United Nations Association of Russia.]. Available at: <https://una.ru/uploads/userfiles/file/> (accessed: 28.03.2024).
18. Gamidullaeva L.A., Grosheva E.S., Belogradova O.A., Shevchenko D.N., Sbalansirovannoe razvitie territorii: podkhody k opredeleniyu i otsenke [Balanced Development of the Territory: Approaches to Determination and Assessment], *Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve* [Models, Systems, Networks in Economics, Technology, Nature and Society], 2022, no. 3 (43), pp. 25–41.
19. Starikova M.S., Ovusu-Donkor Prints. Sbalansirovannoe razvitie regiona: podkhody k opredeleniyu [Factors of Development of Retail Private Labels], *Elektronnyy nauchnyy zhurnal «Vektor ekonomiki»* [Electronic scientific journal 'Vector of Economics'], 2019, no. 1, Available at: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2019/1/regionaleconomy/Starikova_Ovusu-Donkor.pdf (accessed: 28.03.2024).
20. Sergeeva N.V. Obzor podkhodov k ponyatiyu sbalansirovannogo razvitiya regiona [Review of Approaches to the Concept of Balanced Development of the Region], *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie : uchenye zapiski* [State and Municipal Management. Scholar Notes], 2019, no. 4, pp. 139–142.

Информация об авторе

Белов Валерий Игоревич — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, доцент кафедры экономики и управления, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: v.i.belov@bk.ru

Information about the author

Valeriy I. Belov — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics, Northwestern Institute of Management — Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Associate Professor of the Department of Economics and Management, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: v.i.belov@bk.ru

Статья поступила в редакцию 30.03.2024; одобрена после рецензирования 28.04.2024; принята к публикации 07.06.2024.

The article was submitted 30.03.2024; approved after reviewing 28.04.2024; accepted for publication 07.06.2024.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белов Валерий Игоревич — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, доцент кафедры экономики и управления, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: v.i.belov@bk.ru

Василенко Дмитрий Валериевич — доктор экономических наук, доцент, доцент кафедры теории управления и государственного администрирования, Донецкая академия управления и государственной службы, Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация. E-mail: dima_vasilenko@list.ru

Киреенко Анна Павловна — доктор экономических наук, профессор, директор Байкальского института БРИКС, Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Российская Федерация. E-mail: sw.tpk.rt@mail.ru

Красикова Татьяна Юрьевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и цифровых бизнес-технологий, Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Российская Федерация. E-mail: krasikova_tatyan@mail.ru

Куренков Александр Львович — кандидат технических наук, доцент базовой кафедры цифровой экономики института развития информационного общества, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Российская Федерация. E-mail: kurenkov.al@rea.ru

Макеева Светлана Борисовна — кандидат исторических наук, заведующий отделом региональной демографии, Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр, Российская академия наук, Москва, Российская Федерация. E-mail: msbmag9581@yandex.ru

Морошкина Марина Валерьевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Российская Федерация. E-mail: ovpotasheva79@gmail.com

Поподько Галина Ивановна — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: pgi90@bk.ru

Поташева Ольга Вячеславовна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Российская Федерация. E-mail: ovpotasheva79@gmail.com

Слободняк Илья Анатольевич — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и цифровых бизнес-технологий, Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Российская Федерация. E-mail: slob.irkt@mail.ru

Столбинская Анастасия Сергеевна — аспирант, Сибирский институт управления — РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: astolbinskaya-21@edu.ranepa.ru

AUTHOR AFFILIATIONS

Valeriy I. Belov — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics, Northwestern Institute of Management — Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Associate Professor of the Department of Economics and Management, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: v.i.belov@bk.ru

Dmitri V. Vasylenko — Doctor of Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Management Theory and Public Administration, Donetsk Academy of Management and Public Administration, Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation. E-mail: dima_vasilenko@list.ru

Anna P. Kireenko — Doctor of Economic Sciences, Professor, Director of the Baikal Institute of BRICS, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation. E-mail: sw.tpk.rt@mail.ru

Tatiana Yu. Krasikova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Digital Business Technologies, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation. E-mail: asikova_tatyan@mail.ru

Aleksandr L. Kurenkov — Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Basic Department of Digital Economy of the Institute for the Development of the Information Society, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation. E-mail: kurenkov.al@rea.ru

Svetlana B. Makeeva — Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Regional Demography, Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS), Moscow, Russian Federation. E-mail: msbmag9581@yandex.ru

Marina V. Moroshkina — Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Economics, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russian Federation. E-mail: ovpotasheva79@gmail.com

Galina I. Popodko — Doctor of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: pgi90@bk.ru

Olga V. Potasheva — Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Economics, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russian Federation. E-mail: ovpotasheva79@gmail.com

Ilya A. Slobodnyak — Doctor of Economics, Professor, Professor, Department of Economics and Digital Business Technologies, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation. E-mail: slob.irkkt@mail.ru

Anastasia S. Stolbinskaya — Postgraduate Student, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: astolbinskaya-21@edu.ranepa.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

INFORMATION FOR AUTHORS

1. Общие положения

Редакция журнала «Развитие территорий» принимает к рассмотрению оригинальные, ранее нигде (в том числе в сети Интернет) не публиковавшиеся статьи.

Периодичность выхода журнала — четыре раза в год (ежеквартально). Журнал распространяется по подписке. Полнотекстовые электронные версии вышедших номеров доступны на сайте Сибирского института управления — филиала РАНХиГС.

В журнале публикуются результаты фундаментальных и прикладных научных исследований отечественных и зарубежных ученых, а также аспирантов и студентов (совместно с преподавателями) по следующим направлениям:

- Актуальные вопросы государственного и муниципального управления.
- Государство и гражданское общество, идеология и политика.
- Право и юридические науки.
- Экономические исследования.
- Проблемы развития экономики и управления.
- Информационные системы и процессы.
- Бизнес-информатика.
- Территория: факты, оценки, перспективы.
- Страницы истории.
- Научный поиск и предложения.

Статьи публикуются на русском языке и сопровождаются аннотацией и ключевыми словами на русском и английском языках.

Объем статьи должен составлять от 20 до 60 тыс. знаков (с пробелами). Статья должна быть тщательно выверена автором. За достоверность и точность приведенных фактов, цитат, географических названий, собственных имен и прочих сведений ответственность несет автор.

Материалы представляются по электронной почте e-mail: rasv_ter@siu.ranepa.ru.

Взаимодействие редакционной коллегии, связанное с публикацией рукописи, осуществляется с ответственным автором, который должен представить редакционной коллегии номер мобильного телефона для рабочих контактов. Если автор один, то он является ответственным автором. Авторский коллектив самостоятельно выбирает ответственного автора данной публикации. В редакционную коллегию представляется доверенность каждого соавтора на передачу всех прав и обязанностей по взаимодействию с редколлегией при подготовке рукописи к публикации конкретному лицу. Доверенности должны быть заверены в отделе кадров по месту работы.

Плата за публикацию статьи, равно как иные сборы, с авторов не взимается. Гонорар за статьи не выплачивается.

2. Порядок приема и отбора рукописей

Редакционная коллегия журнала оставляет за собой право отбора присылаемых материалов.

При поступлении статьи в редакцию проводится ее проверка на соответствие тематике журнала и требованиям к оформлению. В случае несоответствия автору дается краткий ответ с отказом в публикации.

При соответствии статьи требованиям проводится ее проверка на отсутствие некорректных заимствований (плагиат).

В случае соответствия статьи всем перечисленным требованиям она направляется на научное рецензирование. Все статьи, принятые в редакцию, обязательно проходят процедуру двойного «слепого» рецензирования (автор и рецензент не известны друг другу). Рецензирование статей осуществляют не только члены редакционного совета и редакционной коллегии, но и приглашенные эксперты — признанные специалисты в той научной области, которой соответствует тематика статьи. Выбор рецензента осуществляется редакционной коллегией.

Рекомендации рецензентов являются основанием для принятия редакционной коллегией решения об опубликовании статьи.

Статьи, получившие отрицательную оценку рецензентов, отклоняются. Отклоненные статьи авторам не высылаются, с авторами не обсуждаются и повторно не рассматриваются.

Если редакционной коллегией принято решение «Рекомендовать к публикации с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков», то автору высылаются вопросы и/или предложения рецензента и устанавливается срок для устранения указанных недостатков либо аргументированного отклонения выдвинутых замечаний (в течение 10 рабочих дней). В случае возникновения серьезных противоре-

чий между автором и рецензентом редакционная коллегия имеет право направить статью на дополнительное рецензирование.

Срок хранения рецензий в редакции — 3 года.

Окончательное решение о публикации принимается редакционной коллегией и редакционно-экспертным советом журнала. Автор информируется о принятом решении.

Решение редакционной коллегии о допуске статьи или отказе в публикации направляется автору по электронной почте. В случае положительного решения в письме указываются сроки публикации.

Рукописи статей, рекомендованных к публикации, подвергаются редакционной обработке, которая включает литературное редактирование, корректуру, техническое редактирование. Редакция не ставит в известность авторов об изменениях и сокращениях рукописи, имеющих редакционный характер и не затрагивающих содержание статьи. При необходимости замечания редактора согласуются с автором.

3. Требования к публикациям

Основные сведения об авторе. На русском и английском языках приводят: имя, отчество, фамилию автора (полностью). Наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО); адрес организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (город и страна).

Также указываются электронный адрес автора (e-mail); открытый идентификатор ученого (Open Researcher and Contributor ID — ORCID) (при наличии). Адрес организации (учреждения), где работает или учится автор, может быть указан в полной форме. Электронный адрес автора приводят без слова «e-mail», после электронного адреса точку не ставят. ORCID приводят в форме электронного адреса в сети Интернет. В конце ORCID точку не ставят. Наименование организации (учреждения), её адрес, электронный адрес и ORCID автора отделяют друг от друга запятыми.

Содержание статьи: оригинальность текста, актуальность проблемы, четкая формулировка темы статьи, соответствие содержания статьи заявленной в названии теме, высокий научный уровень (признанные в науке методы исследования, корректность статистического анализа, обоснованность полученных данных, аргументированные выводы, логичность и полнота раскрытия темы), научный, научно-публицистический стиль изложения, терминологическая точность.

Структура статьи: введение (обоснование актуальности исследования, постановка проблемы, обзор литературы по тематике исследования); определение целей и задач; методы (описание научного инструментария исследования); результаты (представление основных фактических данных, обсуждение, интерпретация полученных данных, предложения по практическому применению и/или дальнейшему исследованию); заключение (выводы, подведение итогов статьи без повторения уже использовавшихся формулировок).

Аннотация: объем — от 100 до 150 слов, представляется на русском и английском языках. В аннотации необходимо отразить актуальность темы исследования, постановку проблемы, основные результаты и выводы. Аннотация должна отражать логику изложения материала в статье, лаконично и точно излагать основные идеи и выводы исследования.

Ключевые слова: объем — от 6 до 12 слов, должны отражать специфику темы статьи, объекта или результатов исследования на русском и английском языках.

4. Правила оформления научной статьи

Общие требования. Рукопись статьи оформляется в редакторе Microsoft Office Word и прикрепляется в формате *.doc, *.docx. Поля сверху, снизу, слева и справа — 2 см. Выравнивание по ширине. Абзацный отступ — 0,5 см. Межстрочный интервал полуторный. Переносы включены.

Шрифт представляемой в редакцию статьи — Times New Roman. Размер шрифта — 14 пт. В верхнем левом углу листа должен стоять УДК. Ниже по центру полужирным шрифтом прописными буквами печатается название статьи (на русском и английском языках). Далее фамилия автора, инициалы, строкой ниже — полное название организации, e-mail. Ниже через строку помещается аннотация и ключевые слова. Далее этот блок повторяется на английском языке. Еще через строку помещают основной текст статьи. (См. пример структуры статьи.)

Список источников. Размещается непосредственно после основного текста статьи. В список включают библиографические записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи. Записи нумеруют и располагают в порядке цитирования источников. При этом сначала следуют источники на русском языке, после них — на иностранном языке. В список литературы не включаются нормативные правовые акты (законы, указы, постановления, стандарты и др.). Идентифицирующие сведения (наименование, номер, дата и др.) о такого рода документах приводятся в тексте при их первом упоминании. Список приводят в двух вариантах: на русском языке, оформленном в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка», и в романском алфавите, оформленном в соответствии с требованиями международной библиографической и реферативной базы Scopus. Фамилии авторов статей на английском языке представляются в международной системе транслитерации Британского Института Стандартов (www.translit.ru, меню Варианты, пункт BSI). Английские источники оста-

ются без изменений, русскоязычные источники транслитерируются с помощью программы Translit (www.translit.ru, меню Варианты, пункт BSI) (см. пример пристатейного списка).

Дополнительные сведения. На последней странице на русском и английском языках приводятся: фамилия, полные имя и отчество (при наличии последнего), ученая степень и звание (при наличии), официальное название организации, должность, полный адрес организации (с указанием почтового индекса), служебный e-mail, номер служебного и контактного (мобильный, по возможности) телефонов.

5. Оформление отдельных элементов текста

Аббревиатуры. В тексте без расшифровки допустимо использовать только общепринятые аббревиатуры. К ним относятся пять общепринятых сокращений: *т. е.*, *и т. д.*, *и т. п.*, *и др.*, *и пр.*, а также *в.*, *вв.*, *г.*, *гг.* (при датах), *г.*, *д.*, *обл.*, *с.* (при географических названиях), *гл.*, *ч.*, *п.*, *подп.*, *разд.*, *рис.*, *с.*, *см.*, *ср.*, *табл.* (при ссылках и сопоставлении), *руб.* (рубль), *долл.* (доллар) и некоторые другие.

Не допускается использовать сокращения: *т. о.* — таким образом, *т. н.* — так называемый и *т. к.* — так как.

Помимо общепринятых аббревиатур в работах могут применяться авторские сокращения. При этом после их первого упоминания в тексте необходимо в скобках указать аббревиатуру, например средства вычислительной техники (СВТ).

Рисунки должны быть четкими, подлежащими редактированию, диаграммы и графики составлены в программах Microsoft Graph или Microsoft Office Excel, фотографии — контрастными. Все иллюстрации должны иметь сквозную нумерацию, подрисуночную подпись. Не рекомендуется загромождать иллюстрации ненужными деталями: большинство надписей выносится в подрисуночную подпись, а на рисунке заменяется цифрами или буквами. Подрисуночная подпись должна быть лаконичной и соответствовать содержанию рисунка (10 пт).

Таблицы должны быть наглядными, иметь название, порядковый номер. Содержание таблиц должно быть связано с той мыслью в тексте, после изложения которой дается ссылка на таблицу. Название таблицы должно точно отражать ее содержание, заголовки граф — соответствовать их содержанию. Все данные внутри таблицы — 10 пт, головка таблицы выделяется жирным шрифтом.

Размеры рисунков и таблиц — не более 80 × 80 мм (на одну колонку), 170 × 170 мм (на две колонки) в начале или конце полосы. Не нумеруются таблица или рисунок, если они в тексте единственные. На все таблицы и рисунки должны быть ссылки в тексте. Рисунки и таблицы располагаются в тексте *после* ссылки на них.

Формулы. Простые внутристроочные и одностроочные могут быть набраны символами, без использования специальных редакторов. Сложные и многостроочные формулы должны быть набраны в редакторе формул MathType 5. Смещение символов из текстовых редакторов с символами из редактора формул не допускается. Индексы и показатели степени должны быть четко ниже или выше строки. В случае ссылок на формулы в тексте нумерация формул дается справа в круглых скобках, а сама формула размещается отдельной строкой по центру. Если на конкретную формулу нет дополнительных ссылок в тексте или она в тексте единственная, то нумерация не нужна. Длина формулы — не более 70 мм.

Буква «ё» употребляется только в целях смысловоразличения слов, в именах и фамилиях согласно записи в документах, удостоверяющих личность.

Примечания, комментарии и др. можно размещать в подстрочных ссылках.

Цитаты. При использовании цитат обязательно обозначение границ заимствованных материалов в целях различения авторского и неавторского текстов. При прямом (дословном) цитировании границами служат кавычки, в которые заключается цитата, после которой ставится отсылка на источник. При косвенном цитировании (парафраз, или пересказ, — передача своими словами идей, концепций, точек зрения других лиц) левой границей служит вводная конструкция типа «По данным британских ученых...», «В работе И. Л. Михайлова...», «По мнению специалистов...», «Современные цивилисты трактуют...» и т. д. Правой границей является отсылка на источник заимствования.

Ссылки. На весь заимствованный материал (прямая цитата, парафраз, фактический материал, таблица, рисунок и др.) даются ссылки на источники.

В журнале приняты затекстовые библиографические ссылки. Они входят в пристатейный список источников. Библиографические записи источников в пристатейном списке нумеруются, оформляются по ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка» с обязательным указанием *общего количества страниц*.

Связь между текстом и цитируемым источником устанавливают посредством отсылки, которую оформляют в виде заключенных в квадратные скобки порядкового номера источника и через запятую номера страницы. Если приводят прямую цитату, то в отсылке указывают порядковый номер и *конкретную страницу* цитаты. Если приводят косвенную цитату, то в отсылке указывают порядковый номер и *постраничную пагинацию*, в пределах которой изложен упоминаемый материал. Если в тексте речь идет в целом об издании, в отсылке указывают только порядковый номер источника. Если текст цитируется не по первоисточнику, то отсылку следует начинать словами «Цит. по:». Например: [Цит. по: 9, с. 24—25] (см. примеры оформления затекстовых ссылок).

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ ЗАТЕКСТОВЫХ ССЫЛОК

В тексте отсылки оформляются следующим образом:

При прямом цитировании

Как отмечал Н. А. Бердяев, «идею прогресса нельзя смешивать, как это достаточно уже разъяснено, с идеей эволюции» [10, с. 222].

При парафразе, или пересказе

Так, Н. А. Бердяев раскрывает метафизическую сущность прогресса, отмечая связь идеи о прогрессе с мессианской идеей религиозных верований [10, с. 222—223].

При ссылке целиком на весь источник

В контексте рассматриваемой проблемы нельзя обойти вниманием известную работу Н. А. Бердяева [10].

При цитировании не по первоисточнику

Ж. Р. Колесникова, осмысляя свою эпоху, писал о процессе «истощения творческих сил человека в результате отрыва его от духовного центра жизни и исключительное обращение к периферии жизни...» [Цит. по: 23, с. 75].

Описание источника в затекстовой ссылке:

10. Бердяев Н. А. Смысл истории. М. : Мысль, 1990. 269 с.

23. Колесникова Ж. Р. Роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и русская религиозная философия начала XX века : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2001. 163 с.

ПРИМЕР ПРИСТАТЕЙНОГО СПИСКА

Список источников

1. Конеv Е. Прогнозируемые векторы развития зарубежных медиа // Журналистика—2018: состояние, проблемы, перспективы : материалы 20-й Междунар. науч.-практ. конф. (15—16 нояб., 2018, БГУ). Минск : БГУ, 2018. С. 294—297.
2. Огилви Д. Тайны рекламного двора — советы старого рекламиста. М. : Ассоциация работников рекламы, 2005. 61 с.
3. Браславец Л. А. Социальные сети как средства массовой информации: к постановке проблемы // Вестн. ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 1. С. 125—132.
4. Harris T. L., Whalen P. T. The Marketer's Guide to Public Relations in the 21st Century. 1st ed. South-Western Educational Pub, 2006. 304 p.

References

1. Konev E. Prognoziruemye vektory razvitiya zarubezhnykh media [Projected vectors of development of foreign media], *Zhurnalistika-2018: sostojanie, problemy, perspektivy: materialy 20-j mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (15—16 nojab., 2018, BGU)* [Journalism-2018: state, problems, prospects : materials of the 20th International Scientific and Practical Conference (November 15—16, 2018, BSU)]. Minsk, BGU, 2018, pp. 294—297.
2. Ogilvi D. Tajny reklamnogo dvora — sovery starogo reklamista [Secrets of the advertising yard — tips of an old advertiser], Moscow, Associacija rabotnikov reklamy, 2005, 61 p.
3. Braslavet L.A. Social'nye seti kak sredstva massovoj informacii: k postanovke problem [Social networks as mass media: towards the formulation of the problem], *Vestnik VGU. Serija: Filologija. Zhurnalistika* [Bulletin of the VSU. Series: Philology. Journalism], 2009, no. 1, pp. 125—132.
4. Harris T.L., Whalen P.T. The Marketer's Guide to Public Relations in the 21st Century. 1st ed., South-Western Educational Pub, 2006, 304 p.

ПРИМЕР СТРУКТУРЫ СТАТЬИ

Развитие территорий. 2021. № 4 (26). С. 79—84.
Territory Development. 2021;(4):79—84.

Территория: факты, оценки, перспективы

Научная статья

УДК (номер проставляет автор)

DOI: (номер проставляет редакция)

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Иван Сергеевич Сидоров¹, Игорь Павлович Петров²

¹Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация

²Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация

¹kaf-polit@siu.ranepa.ru, <http://orcid.org/> (представляется автором)

²ipp86@mail.ru

Аннотация

Ключевые слова

Для цитирования: Сидоров И. С., Петров И. П. Международное гуманитарное сотрудничество как фактор развития приграничных территорий // Развитие территорий. 2021. № 4 (26). С. 79—84. <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2021-4-79-84>

Territory: facts, assessments, prospects

Original article

INTERNATIONAL HUMANITARIAN COOPERATION AS A FACTOR OF DEVELOPMENT OF FRONTIER ZONE

Ivan S. Sidorov¹, Igor P. Petrov²

¹Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russian Federation

²Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation

¹kaf-polit@siu.ranepa.ru, <http://orcid.org/>

²ipp86@mail.ru

Abstract

Keywords

For citation: Sidorov I. S., Petrov I. P. International humanitarian cooperation as a factor of development of frontier zone. *Territory Development*. 2021;(4):79—84. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2021-4-79-84>

ТЕКСТ СТАТЬИ

Список источников

References

Информация об авторах

Сидоров Иван Сергеевич — доктор политических наук, профессор, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: kaf-polit@siu.ranepa.ru

Петров Игорь Павлович — магистрант, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: ipp86@mail.ru

Information about the authors

Ivan S. Sidorov — Doctor of Political Sciences, Professor, Novosibirsk National Research State University, Professor Faculty of Political science and Technology, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: kaf-polit@siu.ranepa.ru

Igor P. Petrov — Master's Student, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: ipp86@mail.ru

Статья поступила в редакцию 00.00.2000; одобрена после рецензирования 00.00.2000; принята к публикации 00.00.2000.

The article was submitted 00.00.2000; approved after reviewing 00.00.2000; accepted for publication 00.00.2000.